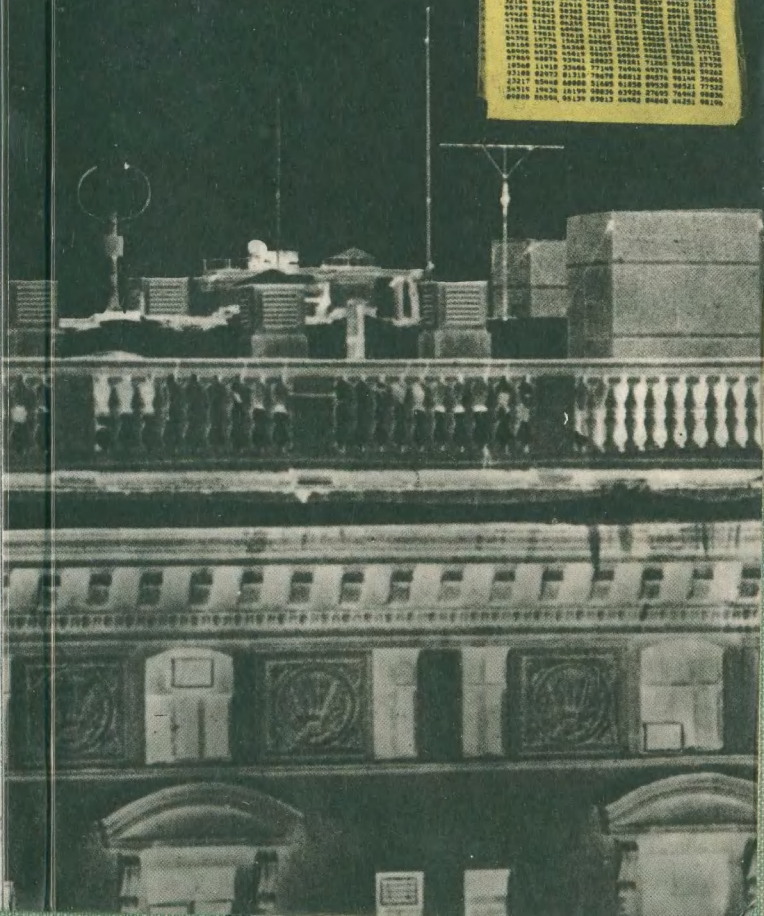

男 生 名 单			
99927	99928	99929	99930
99931	99932	99933	99934
99935	99936	99937	99938
99939	99940	99941	99942
99943	99944	99945	99946
99947	99948	99949	99950
99951	99952	99953	99954
99955	99956	99957	99958
99959	99960	99961	99962
99963	99964	99965	99966
99967	99968	99969	99970
99971	99972	99973	99974
99975	99976	99977	99978
99979	99980	99981	99982
99983	99984	99985	99986
99987	99988	99989	99990
99991	99992	99993	99994
99995	99996	99997	99998
99999	99999	99999	99999

«ТИХИЕ» АМЕРИКАНЦЫ

Москва
Издательство
политической
литературы
1987.

Составители А. Фабанов, Р. Сергеев

Т46

«Тихие» американцы /Сост.: А. Фабанов, Р. Сергеев.— М.: Политиздат, 1987.— 328 с., ил.

В подмосковном лесу найден обыкновенный пенек, который служил тайником для радиоэлектронного устройства. Кто подбросил его сюда? Следы привели в посольство США в Москве...

Это одна из историй, раскрывающих деятельность агентов ЦРУ, прикрывающихся дипломатическим статусом. Читатели книги узнают о том, как с помощью современных технических средств и агентуры спецслужбы США пытаются овладеть нашими государственными секретами, подорвать безопасность нашей страны. Но все эти преступные замыслы обречены на провал. Интересы социалистической Родины надежно защищают труд советских чекистов, бдительность советских людей.

Для широкого круга читателей.

ББК 66.4(7США)

Т $\frac{0804000000-109}{079(02)-87}$ КБ—50—2—86

© ПОЛИТИЗДАТ, 1987 г.

Г. Боровик

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЯМ

Книга, которую вы открыли и собираетесь прочесть, строго документальна и поэтому особенно убедительна. Речь в ней идет об акциях ЦРУ против нашей страны. Здесь и идеологические диверсии, и подлог, и обман, и спекуляция, и шантаж, и оскорбление человеческого достоинства, и террор. А ведь в книге рассказано далеко не обо всем, чем занималось ЦРУ. Да и после того как сборник был сложен, ЦРУ совершило не одну неприглядную акцию против нас, и всякий раз его ловили за руку. Достаточно вспомнить хотя бы бандитское похищение советского дипломата В. Юрченко в Риме. Или провокацию против советского учебного, сотрудника секретариата ООН Захарова, или сокращение числа сотрудников советской миссии при ООН под предлогом того, что они якобы занимаются «шпионажем», и сокращение под тем же предлогом сотрудников Посольства СССР в Вашингтоне и Генерального консульства в Сан-Франциско. Уверен (к сожалению), что в те несколько месяцев, которые пройдут, пока книга попадет в руки читателей, список провокаций ЦРУ наверняка пополнится еще какими-нибудь малославными делами.

Авторы сборника — советские журналисты — не стремятся привлечь читателей замыслова-

тым сюжетом. Они предпочитают сдержанную, почти протокольную запись фактов. Все эти материалы, собранные вместе, объединены одной темой — в них рассказывается о действиях ЦРУ против СССР с помощью дипломатов.

Прочитав сборник, я начал размышлять: какими же словами предварить то, что вы сейчас прочтете. Метать громы и молнии в адрес ЦРУ — занятие бесперспективное. Рассказывать о том, что ЦРУ — учреждение, мягко говоря, «малопочтенное», думаю, тоже излишне. Взывать к совести его руководителей — значит не уважать себя и не ценить свое время.

Но, может быть, моим читателям будет интересен рассказ о той стороне антисоветской деятельности ЦРУ, которая менее других нашла отражение в этой книге. Я имею в виду пропаганду, психологическую войну, обработку мозгов. Мне приходилось наблюдать это в годы корреспондентской работы в США и во время поездок во многие страны мира, где так или иначе чувствовались щупальца этого вездесущего американского спрута.

ЦРУ было создано 40 лет назад — в 1947 году. До этого функции разведки выполняли специальные подразделения американской армии, ФБР, государственного департамента. Но к 1947 году было решено, что этих служб недостаточно, и декретом президента Трумэна было создано учреждение, в обязанности которого вменялась борьба против коммунистических идей, против их распространения в мире и ведение антисоветской и антикоммунистической подрывной деятельности. Учреждение получило название,

которое теперь печально известно всему миру: Центральное разведывательное управление Соединенных Штатов Америки.

Наш мир сложен. И, наверное, не найдется сегодня человека, который взялся бы отрицать право любого государства, заботящегося о своей безопасности, иметь разведывательные органы.

Но одно дело, когда мы говорим о разведке как об учреждении, занимающемся сбором информации для обеспечения спокойствия своего народа, и совсем другое, если разведывательные органы превращаются в инструмент насилия, провокаций, террора, подрывных операций и т. д.

Именно таким инструментом является Центральное разведывательное управление США.

Аллен Даллес, один из создателей ЦРУ, возглавлявший его много лет, говорил, что ЦРУ обычной разведкой, то есть сбором информации, должно заниматься только на 10 процентов, а на 90 процентов — тайной подрывной работой. Такова суть деятельности ЦРУ и сегодня. Книга, которую вы держите в руках, убеждает в этом.

Организованный в 1947 году одновременно с Центральным разведывательным управлением Совет национальной безопасности (которому напрямую подчинялось ЦРУ), принял тогда же директиву № 20/1. В ней говорилось: «Правительство вынуждено в интересах развернувшейся ныне политической войны уже теперь, в мирное время, наметить более определенные и боевые цели в отношении России, чем цели, определенные против Германии и Японии до начала военных действий с ними.

В отношении России у нас две основные задачи:

а) свести к минимуму мощь Москвы и ее влияние в мире;

б) добиться коренных изменений в теории и практике внешней политики, которой придерживается правительство, стоящее у власти в России».

А вот отрывок из другой директивы Совета национальной безопасности (№ 68):

«Нам нужно вести **открытую психологическую войну** (подчеркнуто мной.— Г. Б.) с целью вызвать массовое предательство в отношении Советов и разрушения замыслов Кремля. Усилить позитивные своевременные меры и операции тайными средствами в области экономической, политической и психологической войны с целью вызывать и поддерживать волнения и восстания в стратегически важных странах-сателлитах».

Таковы главные цели ЦРУ.

Но кроме задачи заниматься террором, вербовкой, шантажом, подрывными действиями, дискредитацией честных людей и великих идей у ЦРУ есть и еще одно очень обширное поле деятельности: психологическая обработка общества. И ведется она не только против советского народа, но и против народов других стран, включая народ США. Я имею в виду насаждение в Америке ненависти к Советскому Союзу и страха перед ним.

За 40 лет своего существования ЦРУ превратилось в кадиллика страха и ненависти. Эту сторону своей деятельности ЦРУ развивало не на пустом месте, оно унаследовало огромный опыт всей антисоветской пропагандистской машины США, мотор которой был запущен 25 октября 1917 года.

Однажды, работая в нью-йоркской библиотеке, я натолкнулся на статью известного американского журналиста Уолтера Липпмана. Статья эта называлась «Красная истерия», и в ней рассказывалось, какой ложью окутали нашу страну хозяева Америки. Приведу отрывок из этой статьи.

«Корень всех наших неприятностей сегодня — это ложь. Официальная ложь, неофициальная, сознательная ложь и ложь по инерции... Вся истерическая, вся безграничная и запутанная нетерпимость наших дней зиждется на главной лжи — лжи о России. Лжи, которая стала возможна благодаря эксплуатации патриотического угара. Этот угар был обманным путем навеян на американцев для того, чтобы развернуть несправедливую войну против русских... Для того чтобы сохранить позорную блокаду народа, стремящегося только к миру, гигантская уродливая пропагандистская кампания была обрушена на все человечество, отравила источники добра и справедливости. Ложь о России — основа всякой другой лжи. Потому что всякая ложь требует для своего подтверждения — новой... Это была ложь, что русские согласны на любое правительство, кроме советского... Это была ложь, что они национализировали своих женщин. Это была ложь, что они собираются вторгнуться в миролюбивую Европу... Это была ложь, что Советская Россия не предлагает гарантированного и справедливого мира...»

Удивительно современно звучащие слова! И самое удивительное состоит в том, что статья была написана Липпманом не десять и даже не сорок лет назад. Он написал и опубликовал ее в американском журнале «Нью Рипаблик»

28 января 1920 года! Измените в ней всего несколько слов — и ее можно печатать сегодня. Она остается справедливой в каждом своем положении.

Липпман был одним из лучших журналистов Америки. Он никогда не был другом Советского Союза. Но он обладал одним очень серьезным качеством: был умен и умел трезво смотреть на мир.

«Главная ложь о России» до сих пор не только остается основной для «всей истерической, безграничной, запутанной нетерпимости наших дней», но служит «оправданием» гонки вооружений, государственного терроризма, программы «звездных войн», размещения в Западной Европе американских крылатых ракет «Першинг» и т. д.

Однако «уродливая гигантская кампания лжи против России», обрушенная на все человечество после Октябрьской революции, с тех времен тысячекратно усиливалась и увеличивалась.

И одним из дирижеров этой кампании сегодня является ЦРУ.

Как лазеры перед ударом по намеченной цели «накачивают» ядерной энергией, так с помощью ЦРУ производят «накачку» американского народа ненавистью к Советскому Союзу и страхом перед ним.

В разговоре о ЦРУ бессмысленно употреблять понятие «мораль». Однако если все-таки вспомнить о нем, то одним из примеров наиболее вопиющего противоречия деятельности ЦРУ с общечеловеческим представлением о нравственности следует считать, мне кажется, использование гитлеровских военных преступников в борьбе против нашей страны.

В середине 70-х годов я познакомился в Нью-Йорке с Чарльзом Алленом.

Аллен был мужественным человеком. Одним из первых в США он пошел по следу гитлеровских нацистов, которые нашли прибежище в его стране, более того, стали активными сотрудниками различных правительственных учреждений, и прежде всего ЦРУ. Он первым в США начал собирать и систематизировать материалы о них. И был поражен, когда понял масштаб использования нацистов в Америке.

Аллен показал мне десятки папок с материалами о сотнях людей, имена которых мало кто знал в Америке, хотя в их преступном нацистском прошлом можно было легко убедиться, прочтя хотя бы стенограммы нюрнбергских процессов. Люди эти благополучно проживали в США, занимая иногда весьма высокие посты, связанные с идеологической, военной и разведывательной работой.

Свой список и копии материалов, доказывающие преступное прошлое нацистов, получивших гражданство США, Аллен отправил официальным лицам в Вашингтоне, наивно полагая, что для тех они будут таким же сюрпризом, каким оказались для него самого. Но у официальных лиц список и материалы не вызвали ни возмущения, ни удивления. И никто, судя по всему, не собирался выдворять нацистов из Соединенных Штатов. Аллен, веривший в справедливость, написал письмо президенту Кеннеди. Никакого результата. Затем — гораздо позднее — государственному секретарю Дину Раску. И снова — ничего.

Он надеялся, что его возмущение разделят могущественные американские газеты, имевшие

славу «серьезных», «солидных», «либеральных». Но пробиться со своими сенсационными материалами в большую прессу не смог.

Познакомившись с Чарльзом Алленом, я рассказал о собранных им материалах на страницах «Литературной газеты».

Вместе с Алленом мы ездили тогда в городок Минеола на Лонг Айленде, чтобы увидеть в садике небольшого уютного дома его хозяина Болеслава Майковскиса, примерного американского горожанина, не пропустившего, как утверждали соседи, ни одной воскресной службы в местной церкви. Соседи не подозревали, что в начале 40-х годов этот примерный американец, будучи тогда молодым и крепким человеком, служил полицаем в Латвии, выслеживал советских патриотов, принимал участие в массовых казнях коммунистов, партизан, евреев. Убивал и детей.

В Хартфорде Аллен показал мне Брониуса Каминскаса, который во время гитлеровской оккупации Литвы лично расстрелял 200 советских людей, включая 68 детей.

В городке Уйатхолл, штат Нью-Йорк, проживал нацист Вилли Хазнерс, занимавший высокий пост в гитлеровской полиции, действовавшей в оккупированной Латвии.

В Солейна-Бич, около Сан-Диего, обитал в полном благополучии и безопасности бывший командир гитлеровского карательного отряда, действовавшего на территории нашей страны, Эдгарс Лайпениекс. А в городе Нью-Хейвен в Йельском университете читал курс «советской» литературы некто профессор Самарин. Во время фашистской оккупации Орла «профессор советской литературы» работал редактором гитлеровской газеты «Речь» и приобрел известность

своими статьями, в которых горячо призывал к убийству всех, кто является сторонниками Советской власти. За свою работу Самарин получил два гитлеровских ордена, врученных ему в дни рождения Гитлера.

В архивах Аллена я нашел и имя «доктора» Губертуса Штругхольда, полковника гитлеровского Люфтваффе, бывшего директора германского института авиамедицины. Он проводил в Дахау опыты по замораживанию живого человеческого организма. Когда закончилась война, Штругхольд был перевезен в США, где материалы его опытов над узниками Дахау были использованы для определения потолка выживания пилотов при высотных полетах на разведывательных самолетах. Свою работу Штругхольд продолжал в ЦРУ и имел прямое отношение к медицинскому обеспечению полетов «У-2» над территорией Советского Союза. (Позже гитлеровского преступника взяли на работу в НАСА.)

Конечно, к тому времени, когда Аллен посвящал меня в тайны своего досье, всем было известно такое имя, как Адольф Хойзингер. Гитлеровский генерал, один из авторов плана «Барбаросса», повинный в массовых убийствах, проведении геноцида, был внесен союзниками в 1945 году в самый первый список военных преступников. Однако через пятнадцать лет после окончания войны Хойзингер превратился в одного из руководителей бундесвера.

Или всем известный Вернер фон Браун, изобретатель и организатор производства гитлеровских самолетов-снарядов «ФАУ-2», которые обстреливали Лондон, человек, повинный и в том, что в конце войны приказал затопить подземные заводы, производящие «ФАУ-2». Там по-

гибли десятки тысяч советских, американских и английских военнопленных. Вернер фон Браун был вывезен из Германии в США, где продолжал работу над созданием ракетного оружия, направленного против СССР.

Или Отто Скорцени, гитлеровский диверсант, который был инструктором американских «зеленых беретов», воевавших во Вьетнаме, израильских «коммандос», совершавших террористические акты против палестинских патриотов. Он выполнял также функции одного из координаторов действий неонацистских групп против коммунистов по всему миру и посредника в поставках американского оружия самым реакционным режимам Латинской Америки и Африки. В 1976 году за несколько месяцев до своей смерти Отто Скорцени в беседе со мной впервые открыто признал, что с конца второй мировой войны он сотрудничал с американскими спецслужбами. Многие годы потом он жил в Испании, находясь под покровительством ЦРУ и генерала Франко, и, почти не скрываясь, свободно путешествовал по многим странам.

Во всем мире знали и генерала Гелена, одного из руководителей гитлеровских спецслужб, затем сотрудника ЦРУ, который с помощью Вашингтона занял позже пост начальника разведки ФРГ.

Ни у кого не возникало сомнений — для чего понадобились Вашингтону такие люди, как Гелен, Вернер фон Браун, Отто Скорцени, Штругхольд. Все понимали — для чего.

Ну а чем занимались, кому были нужны, как использовались такие гитлеровские пособники, палачи, как Майковски, Самарин, Камински, Хазнерс, Лайценикс? Из каких кирпичей сос-

тояла стена защиты этих нацистов в США? Что цементировало ее? Ответить на эти вопросы можно документированно.

В Америке немало честных людей, есть и честные журналисты, юристы. Используя антифашистские настроения в стране, Аллену в 70-х годах все-таки удалось привлечь внимание к бывшим нацистским преступникам, нашедшим в США не только убежище, но и высокооплачиваемую работу. Позже волна тревоги и возмущения, поднятая честными американскими журналистами и общественными деятелями, была сбита, но во второй половине 70-х годов голоса протеста еще звучали. Для некоторых из бывших гитлеровцев настали тогда нелегкие времена...

Один из них, Эдгарс Лайпениекс, упомянутый уже мной, отбиваясь в то время от обвинений, вопросов, требований депортации, которые появились в его адрес в печати, решил обеспечить себе «неприкосновенность» официальным признанием своей работы на ЦРУ. Он открыто объявил, что выполнял после войны задания этой организации и что (далее я цитирую его слова из интервью, данного газете в Сан-Диего) «ЦРУ оплачивало мои расходы по поездкам в Японию, на Аляску, в Сан-Франциско, в Вашингтон для сбора и распространения определенной информации о Советском Союзе». Он заявил также корреспонденту газеты, что ЦРУ обращалось в службу иммиграции за информацией по его делу и сообщило ему, что расследование по делу о его преступлениях во время войны закрыто.

Уверенный в своей безнаказанности, гестаповец даже показал журналистам адресованное ему официальное, на бланке, письмо ЦРУ.

В этом письме, датированном 20 июля 1976 года, было сказано следующее: «Убедительно просим извинить нас за задержку с ответом на последнее письмо. Это время заняла переписка с иммиграционной службой по поводу Вашего статуса. Нам сообщили теперь, что по существующим законоположениям Вы не подлежите высылке из страны. Насколько нам известно, дано распоряжение о прекращении всякого расследования против Вас. Если же расследование не прекратится, просим немедленно поставить нас об этом в известность. Еще раз благодарим Вас за проявленное терпение, а также за Ваше сотрудничество с Управлением».

Тут все интересно и важно. И официально признанный факт работы нациста на ЦРУ, и вмешательство ЦРУ в дела американского правосудия, и, наконец, родственно-нежное отношение этой организации к убийце, погромщику и палачу.

Показал ли Лайпениекс журналистам официальное письмо, полученное им от ЦРУ по недомыслию, или наглость бывшего гитлеровца и его новых хозяев достигла тех пределов, когда палачи, не стесняясь, демонстрируют публике собственные руки, обогранные кровью жертв, не имеет значения: факт остается фактом, а документ документом.

Обращает на себя внимание в его интервью фраза: «ЦРУ оплачивало мои поездки... для сбора и распространения определенной информации о Советском Союзе». Она означает, что гестаповец выступал на антисоветских митингах, кричал о «попранной коммунистами демократии», призывал к «освобождению народов Восточной Европы», пугал американцев «совет-

ской угрозой», бил себя в грудь, называясь «жертвой коммунизма».

Вот для чего оказывалось полное покровительство гитлеровскому преступнику Лайпениексу и таким, как он. Вот зачем они были нужны ЦРУ.

Они работают в США «борцами за демократию», за «освобождение мира от коммунизма». Для этого убийцу Вилиса Хазнерса назначили на должность председателя так называемого «Комитета свободная Латвия» в Вашингтоне и «избрали» делегатом «Ассамблеи порабощенных народов Европы».

Епископ Валериан, он же погромщик и убийца «Трифа», он же «жертва коммунизма», в таком качестве однажды получил почетное поручение — отслужить молебен на Капитолийском холме в Вашингтоне при открытии очередной сессии сената США и благословить этот высокий орган законодательной власти на борьбу с коммунизмом.

«ЦРУ привезло в США нацистских преступников для того, чтобы поставить их во главе эмигрантских антисоветских организаций» — так говорила в интервью по телевидению член палаты представителей конгресса США от Нью-Йорка Элизабет Голсиэн.

Не важно, что на антисоветском митинге с речью о правах человека выступает падач, вгонявший под ногти людям иглы. Не имеет значения, что призыв «освободить народы от коммунизма» бросает предатель, составлявший списки на расстрел мирных жителей. Не считается странным, что о правах советских евреев «беспокоится» организатор погромов, который расстреливал еврейских детей из пистолета в

затылок. Это все второстепенно для тех, кто устраивает такие митинги, кто создает такие организации, кто платит деньги. Первостепенно только одно: эти люди зверино ненавидят коммунизм, как убийца ненавидит правосудие, эти люди будут верой и правдой служить своим новым хозяевам, ибо им надо отработать свою безнаказанность.

Сколько этих людей в США? Чарльз Аллен считает, что в США нашли приют и активно работали (и работают до сих пор!) тысячи беглых или специально привезенных туда Центральным разведывательным управлением нацистов.

Раньше считалось, что «раем» для беглых нацистов после войны были некоторые латиноамериканские страны, а также режимы Франко в Испании и Салазара в Португалии. Теперь мир знает, что центральным приютом для нацистов являются США. Отсюда же осуществляется и руководство многими нацистскими и неонацистскими организациями во всем мире.

В каждый период истории, когда авторитет нашей страны особенно резко возрастал, реакционные круги США, связанные с военно-промышленным комплексом и его наиболее действенным инструментом — ЦРУ, усиливали кампанию антисоветизма. Так было и во всякий момент, когда улучшались советско-американские отношения или намечалась их нормализация.

Так было сразу после второй мировой войны, так было во время разрядки 70-х годов. Так было после подписания в 1979 году между нашими странами договора ОСВ-2. Так было перед женевской встречей в верхах в ноябре 1985 го-

да и особенно после нее (и после встречи в Рейкьявике).

Именно после Женевы, например, одна из основных американских телевизионных компаний Эй-би-си приняла решение приступить к съемке 12-серийного «художественного» фильма под названием «Америка». В этом сериале, основанном на бредовом романе некоего Дональда Рая «Топика, штат Канзас... СССР», повествуется об Америке на десятый год после того, как ее... «оккупировали советские войска». Антисоветских фильмов в США производилось и производится очень много. Но стимулятора шизофрении такого масштаба (съемки потребовали более 30 миллионов долларов) на американском телевидении, пожалуй, еще не изготавливалось.

Примечательно, что по каналам той самой телевизионной компании Эй-би-си, которая снимала «Америку», несколько лет назад демонстрировался антивоенный фильм «На следующий день».

В чем тут дело и какое отношение ко всему этому имеет ЦРУ?

Самое прямое.

С тех пор, как Эй-би-си сняла и показала нашумевший антивоенный фильм «На следующий день», в жизни этой компании произошло немало событий. И дело не только в том, что крайне правые круги США обвиняли ее в «красной пропаганде», но и в том, что за это время сменился хозяин Эй-би-си. Ее купил гигантский концерн «Кэпитл ситиз», основателем и одним из крупнейших акционеров которого является человек по имени Уильям Кэйси. То есть не кто иной, как бывший директор Центрального разведывательного управления. Шеф ЦРУ, ока-

завшись причастным к руководству новым конгломератом «Эй-би-си — Кэпитл ситиз комьюни-кейшнз инкорпорейтед», активно способствовал тому, чтобы марафонский антисоветский сериал «Америка» мог выйти на экраны телевидения и по возможности подорвать популярность советских мирных инициатив, выдвинутых перед Женевой и после нее, помешать укреплению «духа Женевы».

Можно привести и другие примеры подобной деятельности ЦРУ. Скажем, на Кубе собирается конференция неприсоединившихся стран. К этой конференции привлечено внимание всего мира. Задача Вашингтона — дискредитировать конференцию, идею движения неприсоединения, а заодно Кубу и, конечно, как всегда, Советский Союз.

Что делает ЦРУ? Оно передает в газеты сенсационную новость: «На Кубе высадилась вооруженная до зубов бригада советских морских пехотинцев».

Переполох во всей американской прессе!

Новость о высадке бригады повторяют все газеты, все радио- и телевизионные станции. «Накачка страхом» происходит такая, что у обывателя создается впечатление — вот-вот «русская бригада» высадится во Флориде и пойдет напрямиком на Вашингтон и Нью-Йорк.

Конечно, все это чистейшая выдумка. Никакой бригады не было и нет. Число советских военных специалистов, находящихся на Кубе, не менялось с 1962 года. Об этом прекрасно известно и ЦРУ, и Пентагону, и Белому дому, да и в серьезных газетах это тоже известно. И об этом некоторые газеты даже писали. Но не в заголовках, не в первых абзацах, не на первых

страницах. Да и написали только после того, как внимание от конференции неприсоединившихся стран было отвлечено «русской бригадой», а у большей части американцев увеличился возле мозжечка с детства заложенный туда пропагандой мерзлый комочек страха перед русскими. Чем глупее, чудовищнее, неправдоподобнее ложь, тем больше вероятность, что обыватель скажет: «Ну не могут же люди так нагло врать! Значит, за этим что-то все-таки есть!» Известный геббельсовский принцип.

Есть и другое правило: забрасывать американцев такими сенсациями постоянно, не давать им передышки, не дать оглянуться, подумать, собраться с мыслями. Потому что, если возникнет пауза, американец, даже легковверный, может задать себе или соседу вопрос: «Позвольте, нам сообщали насчет бригады, а куда же она делась? Если вчера была опасность, почему эта опасность исчезла сегодня? Что, бригада отбыла обратно? Или, может быть, ее не было вовсе? Может быть, нас обманывали?»

И чтобы не было времени на такие размышления, в газеты без передышки запускают новую сенсацию.

Например: «По данным ЦРУ советские власти снабжают здание американского посольства в Москве отравленной водой. Это обнаружилось, когда специалисты ЦРУ провели анализ воды». Сенсация! Шум на всю Америку! Справедливое беспокойство читателей и телезрителей. Через несколько дней, правда, выясняется, что все это ложь от начала до конца. Вода в посольстве обыкновенная, московская, хорошая, не хуже, чем в Нью-Йорке или Вашингтоне. А как же с пробой, которую брали специалисты ЦРУ? Ока-

зывается, ошибка вышла. Пробирка, видите ли, была не стерильной. Грязной была пробирка. Так объяснили в Посольстве США в Москве. Правда, объяснили это уже без шума, без сенсаций. И сообщение об этом — где-то на тридцатой странице газеты. Смехотворно? Прimitивно? Да. Но расчет на то, что ледышка страха — еще одна — отложилась у миллионов людей.

Расчет на непрерывность лжи. И непрерывность страха.

Американский литературный критик Генри Менкен, умерший в 1956 году, как-то написал, что американцы больше всего симпатизируют наглым лжецам и меньше всего любят тех, кто пытается говорить им правду. (Может быть, поэтому в Америке не очень любят Франклина Рузвельта, предупреждавшего людей о том, что бояться им следует лишь самого страха, и до сих пор с симпатией вспоминают Гарри Трумэна, который поощрял «охоту за ведьмами» и старательно сеял панику перед «советской угрозой».)

По странам Западной Европы проходят антивоенные демонстрации людей, встревоженных словами и делами правительства Рейгана. На помощь приходит ЦРУ. Оно сообщает, что демонстрации «организованы Москвой». Что каждый их участник (а там их сотни тысяч!) «подкуплен» Кремлем, является «его агентом».

Конечно, при здравом рассмотрении такое утверждение должно вызывать смех. Но расчет на то, что американский обыватель настолько с детства пропитан подсознательным безотчетным чувством страха перед Советским Союзом, настолько запуган антисоветской пропагандой, что «проглотит» и это.

Несмотря на предупреждение президента Рузвельта, именно страх перед «советской угрозой» всегда был оправданием для гонки вооружений, а после женевской встречи в верхах, после объявления советской программы уничтожения ядерного оружия до 2000 года, после введенного нашей страной одностороннего моратория на все ядерные взрывы возникла угроза не страха, а угроза страху.

И сразу бешено завертелись те круги в США, для которых угроза страху — это угроза их благополучию.

И сразу ЦРУ готовит доклад о «гигантском советском военном наращивании», о «нарушениях Москвой всех договоров», о том, что сотрудники советского постоянного представительства при ООН в Нью-Йорке — шпионы и т. д. и т. п. А сенатор от штата Нью-Йорк Мойнихен, тесно связанный с ЦРУ, с экранов телевизоров призывает не пускать сотрудников советских учреждений и членов их семей на океанские пляжи под Нью-Йорком, ибо «на пляжах, — утверждает сенатор — и ссылается при этом на данные спецслужб, — русским особенно удобно подслушивать телефонные разговоры американцев, используя для этого самую совершенную электронную аппаратуру».

Почему именно на пляжах русские наиболее успешно прячут «самую совершенную электронную аппаратуру»? Это никому не понятно. Ясно лишь одно — нужен взрыв шпиономании, чтобы помешать уменьшению страха перед Советским Союзом.

Как только стала реальной возможность встречи лидеров двух великих держав в Рейкьявике, сразу же пришли в движение все щупаль-

ца реакции, и прежде всего ЦРУ. Немедленно была развернута грандиозная пропагандистская кампания по поводу того, что в Москве был пойман с поличным заурядный американский журналист-шпион Н. Данилофф. Оркестрована эта кампания была столь многосторонне, анти-советские барабаны били так мощно, что не могло быть никакого сомнения — акция была организованной. И если дирижерская палочка и не находилась в руках у кого-нибудь из руководителей ЦРУ, то «мелодия» была конечно же написана ими. Несоответствие гигантских пропагандистских сил, задействованных в этой акции, скромной фигуре маленького шпиона было столь разительным, что вывод мог быть только один: акция была предпринята не «ради него», а против Рейкьявика. Против самой мысли о возможных договоренностях между СССР и США.

К этой кампании примыкала и другая — высылка из США советских дипломатов. О ней я уже говорил в начале предисловия.

Оставалось один-два дня до начала встречи в Рейкьявике, когда радио передало: мистер Уайнбергер, министр обороны США, находившийся в те дни в Китае, заявил публично, что решение Советского правительства вывести из Афганистана шесть полков — лишь пропагандистская акция, что на самом деле никакого уменьшения численности ограниченного советского военного контингента в Афганистане не произойдет. И сослался на данные спецслужб, то есть ЦРУ.

Это была явная ложь. И Уайнбергер знал, что его слова — ложь. Но шел на это сознательно, чтобы отравить атмосферу в Рейкьявике.

ЦРУ пытается возродить в США обстановку «холодной войны» 50-х годов, забывая и о предупреждении президента Рузвельта, и о том, что сегодняшний страх, нагнетаемый ЦРУ, во столько же раз опаснее страха времен маккартизма, во сколько раз взрывная мощь всех нынешних запасов мирового ядерного оружия превышает мощь атомной бомбы, взорванной президентом Трумэном над Хиросимой.

Каждый новый директор ЦРУ, вступая в должность, приносит клятву верности своей стране.

Но распространение в своей стране страха перед другим государством никогда в истории не служило воспитанию патриотических чувств, не содействовало укреплению духа своего народа, не служило его интересам. Продажа страха и лжи испокон веку была предназначена только для получения политических и коммерческих дивидендов той или иной группировкой власти.

Страх и панику сеют только предатели. Психологическую войну, которую вменили ЦРУ вести против Советского Союза, оно ведет на самом деле и против своего народа. Может быть, даже прежде всего против своего народа.

И в этом смысле ЦРУ, если посмотреть на вещи широко, является предателем интересов американского народа.

Говорят, в XVII веке проживал в Англии некий господин по имени Мэтью Гопкинс. Он прославился умением точно и быстро распознавать, кто из его сограждан связан с нечистой силой. Для этого он из толпы робких селян острым своим глазом выбирал человека, который вызывал его подозрения. Друзья Гопкинса хватали

несчастливого и... бросали в реку. Проверка состояла в следующем: если человек кулем шел ко дну, значит, был без сомнения добропорядочным и богобоязненным. Если же не тонул, а плыл, да еще и выбирался на берег невредимым — с ним все было ясно: колдун или ведьма. Тут же люди Гопкинса разводили на берегу костер, в котором и заканчивал жизнь нечестивец, столь зорко опознанный честным Гопкинсом.

Неизвестно, сколь долго этот славный малый занимался бы еще своим благородным делом, если бы однажды жителям, которым надоело жить в постоянном страхе, не пришла в голову плодотворная идея проверить на связь с нечистой силой самого Мэтью. Охотника за ведьмами бросили в реку в полной уверенности, что тот камнем пойдет на дно. Но Гопкинс оказался большим плутом — он не потонул, как полагалось бы истинно верующему человеку, а, бешено колотя руками по воде, поплыл. Нечего и говорить, что на берегу его ждал костер. «Охота за ведьмами» в этой части Англии надолго прекратилась.

Я рассказываю эту притчу с одной-единственной целью: дать понять господам из Лэнгли и их хозяевам, что нельзя всю жизнь водить свой народ крестовыми походами в чужие страны для охоты за нечистой силой. Ибо даже обманутые люди когда-нибудь приходят к мысли о необходимости проверить самого крестоносца. И тогда как бы не повторилась поучительная история, происшедшая в XVII веке с Мэтью Гопкинсом.

Пишу все это безо всякой надежды, что призыв «не лги» может быть услышан за океаном. Мне хочется просто убедить достопочтенных господ, которые трудятся в Лэнгли, что, несмотр-

ря на некоторые дополнительные доходы, которые им дает «главная ложь» о России, она, эта ложь, опасна для них. Сеять страх сегодня — значит разбрасывать семена, которые могут прорасти ядерным грибом завтра и уничтожить все человечество, не исключая и «тихих» американцев из ЦРУ.

Ну а что касается мечты об уничтожении социалистической системы, то такого рода мечтателям следовало бы почитать серьезные исторические книги. Не детективные романы Флеминга или Дональда Рая, а хотя бы серьезный школьный учебник (лучше — не для американских школ). Из него они могли бы узнать, что уничтожить нашу страну пытались еще в 1918 году интервенцией четырнадцати государств, в которой принимали участие и США. Советская Россия была тогда единственной социалистической страной в мире, и в ней свирепствовали голод и разруха. Но она выстояла.

Так, может быть, не стоит повторять безуспешный исторический опыт в нынешнее время, когда крепка наша оборона, когда мы не одиноки, когда существует социалистическая система, доказавшая и свою жизнеспособность, и свою привлекательность для народов многих стран мира.

Как человек, довольно давно наблюдающий внешнюю и внутреннюю политику Соединенных Штатов Америки, могу сказать, что очень часто на Западе пытаются преувеличить значение ЦРУ в мире и мастерство, с каким оно ведет свой паучий бизнес.

Делается это с ясной и определенной целью — нагнать страху на людей, особенно в странах третьего мира, где позиции ЦРУ сильны, подор-

вать веру людей в возможность борьбы за независимость, за самостоятельность, за справедливый социальный строй («как бороться, если ЦРУ всесильно!»).

Трезвый взгляд и достаточная информация убеждают в том, что ЦРУ, как всякая захватническая армия — а это действительно армия и действительно захватническая, — несет на себе явно различимые приметы собственного неуспеха. Такие, как наглость, презрительное отношение к окружающему миру, психология вседозволенности, жестокость и, самое главное, внутреннее разложение, которое сопутствует в общем каждому несправедливому делу.

Встречаются в мире люди, которые иногда полагают, что высокая степень технических достижений, технической оснащенности или, скажем, управленческого умения предполагает такую же высокую степень нравственности, порядочности, интеллигентности. Деятельность ЦРУ и его хозяев опровергает эту точку зрения. Она безнравственна даже по отношению к собственной стране, к собственному народу. По сути, она направлена против его интересов в не меньшей степени, чем против нашей страны.

Эта книга предназначена не для того, чтобы пугать читателей мощью ЦРУ. Но и не для того, чтобы убеждать в его бессилии, в его «игрушечности». Из этой книги, рассказывающей о действительных событиях, связанных с работой ЦРУ против нашей страны, читатели узнают, с каким идеологическим противником мы имеем дело: жестоким, безнравственным, не имеющим ни малейшего уважения к таким понятиям, как честность, мораль, человечность. ЦРУ — инструмент, при помощи которого действует нац

идеологический противник. Инструмент острый, коварный, но далеко не «всемогущий», особенно если ему противостоят люди бдительные, честные, преданные своей Родине. В этом убеждают и материалы, помещенные в сборнике.

У ЦРУ не было, нет и не может быть в нашей стране людей, которые пошли бы на сотрудничество с ним на «идейной» основе. В любом случае, даже когда предатель загораживает свою предательскую сущность удобными фразами о «защите прав человека» и т. д., всегда в основе ее, если «поскрести», «почистить», убрать пропагандистскую шелуху, лежит жажда наживы.

Поэтому всю свою деятельность по вербовке агентуры в нашей стране ЦРУ ведет путем обмана, шантажа, угроз, подкупа, часто прикрываясь дипломатическим статусом. Поэтому, изучая «подходы» к намеченным жертвам, ЦРУ сосредоточивает свое внимание не на человеческих достоинствах, а на пороках, таких, как стяжательство, моральная нечистоплотность, гиперболизированное самомнение, жажда саморекламы, да и просто воровство и мошенничество. (Я здесь не говорю о таких разбойничьих методах, к которым тоже прибегает ЦРУ для достижения своих целей, как похищение людей, обработка их специальными наркотическими средствами, пытки и т. д.)

Такова нравственная сфера, в которой осуществляет ЦРУ свои попытки склонить советского человека к предательству.

Вглядитесь в людей, о которых рассказывается в этом сборнике и которые попали в сети ЦРУ. Их облик подтвердит мысль, высказанную выше: предатель Павлов, пошедший на преступление ради тридцати сребреников (интерес-

но, сколько это по нынешнему курсу доллара?), и клеветник Орлов, и выдававший себя за «правозащитника» Щаранский, бывший на самом деле обыкновенным шпионом, купленным все за те же иудины деньги.

Но никогда деньги не были идеологической основой нашего общества, никогда стяжательство не было движущей силой поступков подавляющего большинства советских людей. Вот почему те отщепенцы, которые живут в противоречии с моральными принципами нашего общества, тем или иным путем, но привлекают к себе внимание, и предательство в конце концов раскрывается.

Нечего и говорить, сколь благородна и кропотлива требующая большого мужества работа советских чекистов, охраняющих наше спокойствие и нашу безопасность. Их роль в разоблачении хитросплетений ЦРУ достойна огромного уважения. Но, как показывает жизнь, большинство провалов ЦРУ терпит в результате бдительности обыкновенных советских людей, основанной на любви к своей Родине, на заботе о безопасности своей страны.

ПОД ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ „КРЫШЕЙ“

С ПОЛИЧНЫМ

22 октября 1962 года в Москве органами государственной безопасности СССР был арестован агент английской и американской разведок Пеньковский, бывший сотрудник Государственного комитета СССР по науке и технике. 2 ноября 1962 года, в момент изъятия из тайника заложенного этим шпионом контейнера, был захвачен с поличным, а позже выдворен из СССР американский разведчик, сотрудник посольства США в Москве Джэкоб. В тот же день был задержан и арестован британский подданный коммерсант Гревилл Винн, агент английской разведки, осуществлявший по ее заданию связь с Пеньковским. Закономерный и бесславный конец ожидал предателя — он понес заслуженное наказание. Разоблачение Пеньковского вылилось вместе с тем в крупный провал империалистических разведок. Помимо Гревилла Винна и Ричарда Джэкоба еще 11 английских и американских разведчиков, работавших в посольствах Англии и США в Москве, были объявлены персона нон грата и выдворены из Советского Союза как лица, причастные к шпионской деятельности Пеньковского.

Публикуемая статья В. Евгеньева возвращает нас к событиям того времени, наглядно показывая изощренные методы иностранных спец-

служб, для которых Пеньковский был лишь пешкой в их шпионской подрывной работе против СССР, в их расчетах прорваться к государственным и военным секретам нашей страны.

Прохладный осенний день ноября. Вдоль широкого Кутузовского проспекта нескончаемым потоком несутся автомобили, спешат прохожие, предупредительно обегая горделиво медлительных мам с белоснежными детскими колясками... И только несколько человек, словно зацепившиеся за кромки берега льдинки, стоят возле автобусной остановки.

Обыкновенная остановка. На осветительном столбе вывеска: «Завод имени Бадаева». Непонятно, почему этот совсем обычный столб с едва видным поистершимся номером 35 так заинтересовал мужчину в спортивной куртке с непокрытой головой. Он быстро склонился перед металлической трубой, что-то рассматривая. Отошел, вновь вернулся к столбу... Подъехал автобус, затем троллейбус, но мужчина, не обращая на них внимания, косым взглядом ощупывал и ощупывал шершавый, окрашенный серой краской металл. Затем он не спеша перешел через улицу, сел в стоявший там автомобиль и, резко развернув машину в неположенном месте, помчался вниз, к Москве-реке. Кто этот таинственный незнакомец? Помощник военновоздушного атташе посольства США в Москве мистер Дэвисон. Он нашел на осветительном столбе едва заметную круглую метку, сделанную углем на уровне опущенной руки взрослого человека. И поспешил затем прямо на Садовую, к зданию американского посольства.

В три часа дня из посольства США выехала машина еще с двумя джентльменами. Она остановилась в проезде Художественного театра. Вышедшие из нее джентльмены зашли в книжный магазин. Неизвестно, о чем они беседовали, но через несколько минут один из них — мистер Джэрман, второй секретарь посольства США, — остался один. Трясущимися руками он перелистывал какой-то каталог, хотя беспокойные глаза его глядели куда-то за окно. Второй джентльмен — мистер Ричард Карл Джэкоб, секретарь-архивариус того же посольства — вышел и, повернув за угол, шмыгнул на Пушкинскую улицу. Пройдя несколько шагов, он скрылся в подъезде дома № 5/6.

Не будем закрывать занавеса за таинственно исчезнувшим архивариусом и последуем за ним. Юный Ричард опасливо глянул на дверь, потом на лестницу и юркнул в угол. Поставив ногу на батарею парового отопления, он с минуту ощупывал пальцами узелок завязанного шнура, воровски оглядываясь то на дверь, то на лестницу. И вдруг, решившись, опустил руку за батарею и что-то сорвал с железного костыля...

То, что случилось дальше, не было запланировано ни мистером Джэкобом, ни мистером Джэрманом, ни мистером Дэвисоном, ни другими мистерами, по инструкциям которых они действовали. Просто на сцене появились новые лица, действовавшие столь быстро, что Ричард Джэкоб не успел улизнуть. Американский разведчик был захвачен советскими чекистами с поличным: с изъятой из тайника завернутой в бумажку и перевязанной проволокой спичечной коробкой с заложенными в нее шпионскими материалами.

Незадачливый мистер Джэкоб — шпион с дипломатическим паспортом — по требованию Министерства иностранных дел СССР был выдворен за пределы Советского Союза. В ту пору его начальство из посольства, приняв позу оскорбленной невинности, выразило формальный протест по поводу якобы незаконного задержания рыскавшего по чужим подъездам «архивариуса». А представитель государственного департамента США поспешил выступить с заявлением, утверждая, что обвинение, выдвинутое против Джэкоба, якобы «полностью сфабриковано».

Зная по опыту, что, когда речь идет о подобного рода делах, американское дипломатическое ведомство всегда начинается с отказа, а кончает конфузливymi признаниями, работники Комитета государственной безопасности заранее подготовили для него памятный сувенир: фотографию, на которой отлично видно, как «невинный архивариус» вытягивает из-за батареи шпионский материал. Но это не все.

Перед следователем сидит уже немолодой человек с округлым лицом и широким лбом, с опущенными пухлыми губами и потухшими глазами. А вот на фотографии совсем другой человек: гордая осанка, надменный взгляд холодных глаз. Его тогда звали Олегом Владимировичем Пеньковским, он занимал солидную должность в советском учреждении.

Теперь это бывший шпион по кличке «Алекс». Американская и английская разведки, завербовавшие «Алекса», уже вычеркнули его из своих списков, закрыли его банковские счета. Списали его со своего счета. Но откреститься от него им не удалось. Неопровержимые улики

раскрыли хитроумно разработанную механику связи заокеанских хозяев со шпионом. Не помогли ни тщательно продуманная тройная система страховки, ни сверхосторожность, ни все другие детали, гарантирующие безопасность. Вот о чем говорится в полученной Пеньковским инструкции об одном из способов передачи шпионских сведений.

Вечером, накануне выхода на тайник, шпион должен был приехать на Кутузовский проспект и найти возле автобусной остановки осветительный столб с цифрой 35. На столбе предписывалось сделать круглую метку углем.

На следующий день утром по пути на работу «Алекс» должен был заложить в указанный ему американской разведкой специальный тайник добытые шпионские данные. Затем, согласно инструкции, следовало позвонить по телефону помощнику военно-воздушного атташе при посольстве США уже знакомому нам мистеру Дэвисону. Услышав его ответ, «Алекс» молча кладет трубку, вновь набирает тот же номер и, снова услышав «Дэвисон», опускает рычаг телефона. Точно так же дважды он звонит, не отвечая на отклик, по телефону атташе посольства США Монтгомери. Такая процедура означала, что материал в тайник заложен, за ним можно выезжать.

Пеньковского предупредили, чтобы до 23 часов он не появлялся в районе тайника. О выемке шпионских материалов ему сообщалось условным сигналом: темным пятном у дверей рыбной секции одного из магазинов «Гастроном». В случаях каких-либо осложнений шпион должен был на известном читателю осветительном столбе начертить темный крест, а затем позво-

нить по одному разу Дэвисону и Монтгомери и оба раза вместо ответа трижды слегка подуть в трубку.

Неизвестно, успел ли Пеньковский «перекрестить» столб. Но на его шпионскую деятельность советской контрразведкой был поставлен крест.

Связь с английской и американской разведками он поддерживал не только через тайники, но и путем прямых встреч с приезжавшими в СССР под видом коммерсанта англичанином Винном, вторым секретарем американского посольства Карлсоном и некоторыми другими сотрудниками дипломатических служб США и Англии. Пеньковский использовал то обстоятельство, что по роду его работы ему приходилось выезжать за границу, а также присутствовать на приемах и встречах, организуемых иностранцами в Москве.

На квартире у Пеньковского были найдены кроме радиоаппаратуры три миниатюрных фотоаппарата «Минокс», шифроблокноты для расшифровки радиосообщений из разведцентра и зашифровки шпионской информации, средства тайнописи, подставные адреса за границей для связи с разведками, фальшивый паспорт.

В качестве одного из средств тайнописи шпиону передали специальную белую копировальную бумагу, внешне ничем не отличающуюся от обычной писчей.

Изготовленное с помощью такой копирки письмо с невидимым текстом подлежало проявлению в разведцентре.

Инструкции по сбору секретной информации о СССР по научно-техническим, политическим и военным вопросам передавались Пеньковско-

му английской и американской разведками в зашифрованном виде по радио. Указания о технике связи шпион получал в письменном виде. Прочитируем одно из них полностью, сохраняя грамматику подлинника.

«...А. Радио-связь. Мы считаем, что этот способ имеет большие преимущества с точки зрения безопасности и надежности, и кроме того, вы уже имеете все средства при себе. Вам очень важно натренироваться, чтобы Вы могли узнавать и записывать цифры при передаче, а не записывать их сначала как точки и тире. Для этого нужно просто регулярно практиковаться. Болваны дают Вам возможность заниматься такой практикой. Списывая тот же болван несколько вечеров подряд, Вы можете сравнивать конечные результаты и таким образом проверять себя. Настоящие радиogramмы будут всегда содержать важные для Вас известия и Вы должны предать все старания, чтобы записывать их правильно. Если это Вам не удастся с первого раза, попробуйте опять в следующую ночь. Пожалуйста сохраните копии болванов и настоящих радиogramм в течение будущих двух месяцев для показа нам, так как мы хотим быть уверены, что Вы усвоили это трудное дело. Следующая радиogramма будет начата группой 11037 на странице разшифровочной книжки. Как приложение к этому письму шлем Вам несколько измененный план радиоработы, который представит нам возможность быстро передавать Вам важные сообщения. Этот новый план вступит в силу только 1-го сентября, к этому числу степень Вашей подготовки должна быть достаточна. Вы спрашиваете почему мы перескочили со страницы 2 на страницу 4 шиф-

ровального блока: очевидно Вы не получили несколько сообщений для которых была употреблена страница 3. Текст этих сообщений больше не представляет значения, так как они относились к устройки встреч в США и к телефонным номерам связанных с этим.

Б. Тайники. Они будут основным способом для посылки сообщений и материалов Вами. Для оперативности этого способа нам необходимы описания тайников обещенные Вами. Вам придется в будущем находить и другие. При выборе тайников имейте в виду, что они должны находиться в местах нормально доступных иностранцам. Мы считаем, что будет лучше если мы будем заранее согласовать день и час в который Вы будете заряжать условленный тайник, чтобы мы могли его сразу же опустошить, не дожидаясь сигнала...»

Учителя Пеньковского не в ладах с русским языком. Так, болванки, т. е. тренировочные передачи для приема на слух и расшифровки, они называют... болванами. Сами того не замечая, иностранные разведчики выражаются многозначительно и самокритично: «Болваны дают вам возможность заниматься такой практикой». Они очень настаивают, чтобы «копии болванов» были сохранены. Мы идем им навстречу.

Можно представить, как, сбросив личину советского работника, Олег Владимирович Пеньковский запирает дверь своего кабинета и, открыв трепетной рукой сейф, торопливо щелкает серебристым фотоаппаратом «Минокс». Заикаясь от страха, подсчитывал про себя иудин доход: «Тридцать долларов... тридцать фунтов, тридцать долларов, тридцать фунтов...»

А потом, закрыв сейф, спрятав «Минокс», снова изображал ответственного работника, изворачивался, лгал всем и во всем. И с напряжением заглядывал в лица сослуживцев: не разгадали, не узнали?

Кому из прохожих приходило в голову, что рядом с ними в облике солидного служащего идет по улице затесавшийся в наши ряды злобный враг? Кто подумал, что этот дядя с гордо выпяченной грудью, трясаясь мелкой дрожью, подкрадывается к тайнику, выбранному у людного места, «нормально доступного иностранцам», согласно предписанию безграмотной инструкции.

Дома он таится от собственной жены и детей, которые не подозревают о его предательстве, страшится выдать себя нечаянным словом во сне. В условный час берет портативный приемник и, прижав к уху крохотную слуховую трубку, ловит Франкфурт-на-Майне. Оттуда несутся точки и тире — «Алекс» заносит их на бумагу в виде палочек — коротких и длинных.

Он изучал не только азбуку Морзе, но и модные западные танцы. Закрывал глаза и уже видел себя в интимном сумраке ночного клуба в Нью-Йорке или Лондоне. А пока рассчитывал ходить неузнанным среди советских людей, торговать государственными тайнами оптом и в розницу, чтобы приблизить час своего перехода туда, в манящий его мир, где нет ни чести, ни родины, ни долга, ни совести, где все измеряется кошельком, количеством долларов или фунтов на текущем счету. Но простые советские люди, работавшие рядом с ним, помогли чекистам разоблачить предателя, поймать его с поличным.

...Вот он смотрит на следователя мутными глазами, виляет, пытается разжалобить запоздалыми, вынужденными признаниями. Как он дошел до предательства? Да это, видите ли, только от озлобления на то, что ему кто-то мешал делать карьеру, быстро подниматься по служебной лестнице. Он, видите ли, чуть ли не до самой минуты падения был всегда кристально чист и предан, а потом вдруг как-то так...

Лжет. Этот отщепенец давно потерял человеческий облик. Рано оставшись одна, без мужа, мать не покладая рук работала, чтобы поставить на ноги сына. А он рос черствым себялюбцем, нацеливаясь урвать от жизни побольше. Женился на дочери крупного работника, лебезил и заискивал перед ним. А когда тесть умер, даже не пришел на его похороны. Всегда поддерживал знакомства только с «нужными» людьми, щеголяя связями, которые он будто бы имел с высокопоставленными лицами. Однако не гнушался и директорами комиссионных, овощных и других магазинов. Привез из-за рубежа два чемодана патентованных медицинских средств и сувениров, чтобы услуживать всем тем, кто может пригодиться.

Он умело приспосабливался, ему подчас давались лестные характеристики за деловые качества, хотя многие и видели, что это карьерист по натуре, морально неустойчивый человек, тщеславный, болезненно самолюбивый. Указывали на его непомерную жажду к стяжательству, на жадность и скупость. Пеньковский был хорошо обеспечен Советским государством, имел сбережения, однако семье выдавал мелочь, считал каждый пятак, предпочитал ходить в магазин сам, чтобы «зря копейки не потерять».

Не выдержав скряжничества сына, мать вынуждена была пойти на старости лет работать.

Любитель выпить, Пеньковский пакостничал в быту. Легко вступал в связи со случайными женщинами, кутил с сомнительными людьми, угодничал и в то же время обманывал. Обманывал всех — сослуживцев и домашних. Это был именно тот тип внутренне опустошенного человека, который не имеет за душой ничего святого. Его и нашли вербовщики продажных душ, нередко засылаемые под видом «дипломатов». Пеньковский предал не только Родину, но и собственных детей, готовясь бросить их и перебежать к врагам.

Они действовали осторожно, эти карлсоны, джэрманы, джэкобы, дэвисоны и другие. Этому их учили, такая уж у них профессия. Но не помогла осторожность. Не помогли ни метки на столбах, ни тайники в подъездах, ни прочая техника, почерпнутая из 20-центовых детективных романов.

Тут можно было бы закончить эту не очень-то красивую историю провалившихся «рыцарей плаща и кинжала». Остается только еще раз открыть занавес и показать их всем честным людям.

Родней Карлсон. Выступал в качестве сотрудника посольства США. Это был его третий и последний приезд в нашу страну, которую впервые он посетил в 1958 году в качестве «туриста».

Гревилл Винн, британский подданный. Шпион, действовавший под личиной коммерсанта. Был арестован советскими органами госбезопасности и привлечен к уголовной ответственности.

Хью Монтгомери, 39 лет, атташе посольства

США по должности, майор разведывательной службы по званию и старший офицер безопасности посольства по фактической работе.

Ричард Джэкоб, секретарь-архивариус по должности и, окончивший специальную школу, разведчик по профессии. Был выдворен из Советского Союза.

Алексис Дэвисон, военный врач по профессии, помощник военно-воздушного атташе США в Москве и разведчик по призванию. Его мать, Наталия Алексеевна Беклимишева, родилась в Москве в богатой семье, служила в царской армии, затем в колчаковской. В оккупированном в ту пору Владивостоке сошлась с богатым американцем. Так что легко понять, в какой среде был взлелеян мистер Дэвисон, свободно владеющий русским языком. Применяя его, он пользовался гостеприимством в советских медицинских кругах, где чистосердечно принимали его за подлинного коллегу-врача.

Роберт Джэрман выступал в роли второго секретаря посольства США в Москве. В Советском Союзе уже был в предварительной рекогносцировке в качестве «автотуриста». Накануне приезда на работу в посольство находился в Западной Германии, в городе Обер-Аммергау, где дислоцируется «Отделение Р» — специальная американская военная школа, в которой проходит подготовку большинство лиц, засылаемых на разведывательную работу в социалистические страны.

Список можно было бы продолжить. Можно было бы назвать и тех, кто в Соединенных Штатах готовит таких кандидатов на выдворение. Но стоит ли?

Г. Березко

ПОЕДИНОК В ТЕМНОТЕ

Прежде чем обратиться к фактам, необходимо предупредить: все, что будет сейчас рассказано, строго документировано. Это не приключенческая повесть, а рассказ о подлинных событиях.

Главными его персонажами являются бывший атташе посольства США в Москве Рассел Аугуст Лэнжелли и бывший офицер Советской Армии подполковник П.

Тут нужно сделать небольшое отступление. Нет никаких деловых, так сказать, соображений, которые не позволяли бы назвать фамилию этого человека, — следствие и суд над П. давно закончены. И более того, иной читатель может еще, чего доброго, выразить недоумение в связи с тем, что в очерке не названо имени преступника полностью. Но дело в том, что после П. осталась семья, решительно ни в чем не повинная: жена и сын... Товарищи из Комитета государственной безопасности, эти совсем несентиментальные люди, солдаты, вся жизнь которых проходит в борьбе с опаснейшим врагом, раздумывали, как в данном случае поступить. (Кстати сказать, они же в свое время приняли деятельное участие в устройстве жены П. на работу.) И решили, пусть мать сама все расскажет

сыну, когда он станет постарше. Американским же хозяевам П. можно напомнить, что его конспиративная кличка была Макс.

Рассел Лэнжелли, атташе американского посольства, тоже был отцом семейства. Не берусь гадать, какие узы в действительности связывали этих двух разведчиков: Лэнжелли и его супругу Марианну Эстер. Но так или иначе, в Москву новый атташе приехал с женой и тремя ребятами. Глядя со стороны, это было обыкновенное семейство. Сам Лэнжелли — тридцатипятилетний, в цветущем, как говорится, возрасте мужчина, с фигурой атлета, с открытой улыбкой героя ковбойских фильмов, хотя и хамоватый со всеми, кто по его разумению стоит ниже, — с горничными в гостинице, с официантками в ресторане — являл собой образец безупречного семьянина. В частых разъездах по Москве, с которой Лэнжелли по приезде стал усердно знакомиться, его сопровождала жена. И казалось, не было счастливее семейства, когда в хорошую погоду этот любящий супруг и заботливый отец вывозил жену и детей на свежий воздух, на природу.

Но вот в один действительно прекрасный день на Ленинских горах было обнаружено нечто такое, что сразу же испортило отличное впечатление о новом атташе.

Однажды в майский полдень Лэнжелли устроил для своей семьи пикник. Расположились все в рощице прямо на траве, в прелестном месте, около старой лесенки, что ведет к берегу Москвы-реки. Жена, как водится, хлопотала, приготавливая завтрак, муж играл с ребятами, бегал, затеял возню на лесенке. И только добрую улыбку могла вызвать у случайного

свидетеля эта полная любви и согласия картина.

Вдоволь наигравшись, надышавшись свежим воздухом, семейство удалилось, аккуратно прибрав за собой, унося пустые консервные банки, но... оставив неожиданный «сувенир» — тайник, запрятанный Лэнжелли под лесенкой. В тайнике — водонепроницаемом пакете — между двух металлических пластинок, обмотанных изоляционной лентой, оказались две тысячи рублей *, инструкция для неизвестного агента, микроскопически напечатанная на крохотных листках, и таблетки, что применяются при тайнописи. И деньги, и инструкция, и таблетки, как выяснилось позднее, предназначались не Максу, а другому агенту (в свой срок он также предстал перед судом). Но эта не такая уж, быть может, и случайная находка на Ленинских горах сыграла свою роль в разоблачении «Макса».

Истинный характер занятий Лэнжелли не оставлял теперь сомнений. И как ни странно это звучит, семейство являлось его оперативным, техническим «аппаратом». Жена постоянно сопровождала Лэнжелли повсюду, где ему требовался помощник, и атташе считал необходимым уведомить об этом П. В одной из своих инструкций он написал (кстати, инструкция эта, изъятая у П. при обыске, дает представление о тех заданиях, которые П. получал): «Если Вы увидите меня с женщиной, то это будет моя жена. Она совершенно доверчива. Нас особенно интересуют всякие детали об истинных советских намерениях в Берлине или о всякой подготовке к военным действиям, а также точное коли-

* По курсу до денежной реформы 1961 года.

чество и местонахождение пусковых площадок для межконтинентальных снарядов, где их выпускают и сколько в месяц... Жмет Вам руку Шарнхорст. Д.» (Д — первая буква имени Даниил — конспиративной клички Лэнжелли).

Но не только жена Лэнжелли ассистировала ему, даже своих малышей этот «образцовый» отец заставлял выполнять определенные служебные функции — дети были его камуфляжем, его прикрытием.

Тут следует заметить: Лэнжелли никак нельзя назвать слабым противником, наоборот, он отличался не только профессиональной выучкой, но и особенной осторожностью. Все, ставшее известным о Лэнжелли, говорит, что он был человеком, лишенным нравственных понятий. Он не походил на тех беспечных и трусливых болванов, которых изображают в иных писаниях «про шпионов», кроме того, он был официальным лицом, чиновником посольства. Можно лишь догадываться, сколько изобретательности и терпения, настойчивости и организованности, сколько будничной, «скучной» работы понадобилось, чтобы его обезвредить.

Что же представлял собой второй «герой» этой мрачной истории — подполковник П. — Макс? Как и почему соединились пути этих двух людей: американского дипломата-шпиона и советского офицера?

Признаться, знакомясь с делом П., прежде всего ищешь ответа на вопрос: что толкнуло П. на преступление? Какие жизненные обстоятельства или душевные «вывихи» привели П. к такому концу? Что двигало им, замахнувшимся на жизнь и благополучие своих соотечественников?

П. не был какой-либо демонической фигурой. Наоборот, в годы войны он проявил скорее «скромность» и «застенчивость», чем стремление к воинской славе, упорно держась на тыловых должностях. Однополчане П. (после войны он долго служил в наших войсках за рубежом) отзывались о нем, как о примерном службисте, никакими, впрочем, особыми талантами не отмеченном, и разоблачение этого малоприметного человека было для них громом с ясного неба. Даже пороки П. — корыстолюбие, скупость, тайное распутство — выглядят в общем довольно банально: это пороки нечистоплотного ординарного эгоиста. И хотя преступление, совершенное П., огромно и неискупимо, сам он был ничтожеством, мелким негодяем.

Вот, к примеру, в каком тоне разговаривал он со своими «работодателями». Приведу дословно страничку из его донесения, так и не попавшего по адресу: «Сердечно благодарю Вас за заботу о моей безопасности, для меня это жизненно важно, за деньги тоже спасибо. Сейчас я имею возможность встречаться с многочисленными знакомыми с целью получения информации, и, кроме того, находясь в резерве, через два месяца выплачивают оклад по званию — это треть всего оклада. Переезд тоже требует дополнительных затрат, так что еще раз большое Вам спасибо».

П. не был что называется стилистом — не знаю уж как он ухитрился окончить высшее военное учебное заведение. Но лучше всего характеризует автора донесения эта обстоятельность в описании своих материальных затруднений, эта горячая, очень искренняя благодарность за «вспомоществование». П. как бы даже

извиняется за то, что берет деньги: военнотружущим, находящимся в резерве свыше двух месяцев, выплачивается, видите ли, только треть оклада. И П. — вот она, логика предателя! — полагает, что это в какой-то мере его оправдывает. Выдавая разведке чужой страны важные политические и военные секреты, он, оказывается, стремился лишь покрыть расходы по переезду.

Что еще сказать о П.? По службе он шел в общем-то хорошо, получал благодарности, имел хорошие аттестации. Известное объяснение этому и заключается, может быть, в том, что он был неприметен, услужлив, старался не выделяться. С людьми, любившими выпить, — выпивал, с рыбаками — рыбачил, с охотниками — охотился. И хотя не имел близких друзей, ровные, добрые отношения поддерживал со всеми сослуживцами. П., в сущности, торговал их головами не в переносном, а в точном смысле слова, но избегал с ними всяких конфликтов. (В случае военных действий секреты, которые П. продавал врагу, привели бы, не будь он вовремя разоблачен, к тяжелым человеческим потерям.) И, видимо, эти молчаливские черты характера помогли ему так долго оставаться нераспознанным. Приходится, к сожалению, признать, что сослуживцы П., имевшие доступ к особо важной военной и политической информации, были с ним чрезмерно откровенными. И я не ошибусь, если скажу, что разоблачение П. предотвратило весьма серьезные последствия этой недопустимой откровенности.

Само падение П. произошло весьма заурядно. Все началось с сомнительных уличных знакомств, с тайных свиданий в гостиницах, где номера сдаются на ночь, и т. д. Служа в наших

войсках в Вене, П. познакомился с женщиной, известной австрийской полиции под кличкой Анни (под какой кличкой она сотрудничала с американской разведкой, осталось, кажется, невыясненным). Ее настоящее имя Эмилия Коханек. И есть все основания полагать, что еще в Вене Коханек обратила внимание американцев на своего многообещающего поклонника. Но завербован П. был позднее, в 1956 году, когда он проходил службу в советских войсках в Шверине (ГДР). Сам он об этом рассказал на следствии так:

«К сотрудничеству американцами я был привлечен при следующих обстоятельствах. Зимой 1956 года я направил письмо в Австрию своей любовнице Коханек... В скором времени я получил письмо, в котором она назначила мне свидание в Западном Берлине, куда намеревалась приехать на рождественские праздники.

В назначенный день я прибыл в командировку в Восточный Берлин, откуда без разрешения командования выехал в Западный Берлин. Однако на условленном месте ко мне вместо Коханек подошли два неизвестных в штатском и предъявили документы уголовной полиции. Объявив, что я нахожусь на территории какого-то секретного объекта, они предложили поехать вместе с ними. Я растерялся, сел в машину и через несколько минут был в американской военной полиции. Во время допроса, который продолжался шесть часов, американцы заявили мне, что я пойман с поличным, как советский шпион, и если откажусь сотрудничать с ними, то буду отправлен на Запад. Кроме того, они мне сказали, что могут дать сообщение в прессу о моем «добровольном» переходе или же пере-

дать меня советским властям как человека, попросившего у американцев политического убежища. В любом варианте могла пострадать моя семья. Я смалодушничал и принял предложение стать их агентом».

Как видим, сопротивлялся он не слишком упорно. Борьбы, в сущности, не было. Поражает та легкость, с которой П. отрекся от всего, чему служил, что составляло его жизнь: от Родины, от армии, от самого себя, даже от своей семьи, о которой как будто заботился.

В своих признаниях П. сообщил:

«После допроса со мной стал говорить американский подполковник Шарнхорст (он же Гарри Гроссман). Извинившись за грубость своих коллег, он сказал, что связь со мной он будет поддерживать через связного».

Спустя недолгое время к П. в Шверин наведлся из Берлина гость — весьма преклонного возраста немец. В обратный путь из Шверина к Шарнхорсту старец отправился уже с первым донесением П. — так началось их «сотрудничество».

Иные из читателей, вероятно, недоумевают, почему, вернувшись к себе, П. не доложил немедленно обо всем случившемся? Даже сознавая, что он понес бы наказание, он должен был прийти с повинной. Но малодушие и честность плохо уживаются вместе.

В конце 1957 года П. добился перевода в Берлин, чтобы лично встречаться с Шарнхорстом. И каждый месяц, переодевшись в штатское, П. отправлялся в Западный Берлин. По телефону-автомату он звонил Шарнхорсту: «Вас беспокоит «Макс». Они встречались на улице, и американец увозил его на конспиративную

квартиру (Литцензеештрассе, 3). Регулярно П. получал конверт с деньгами — ежемесячную «зарплату» и расписывался в ее получении. Иногда как бы по забывчивости сумма в расписке не указывалась Шарнхорстом — какую-то часть «зарплаты» американский офицер попросту клал к себе в карман. Не скупился Шарнхорст лишь на словесные поощрения: в одном из писем-заданий он подбадривал П.: «Как я Вам часто говорил, большие наши люди всегда высоко ценили Ваши доклады по политическим темам и также об армии. Поэтому они наблюдают Вашу карьеру с большим интересом». Ну что же, с точки зрения самого Шарнхорста и его «больших людей», предательство, если оно оплачивается, ничем не отличается от всякой деловой карьеры.

П. из всех сил старался оправдать «высокое» мнение о нем. Позднее, сидя в камере, П. признался, что на ежемесячные свидания с Шарнхорстом он ездил почти охотно, ждал их. А впрочем, чему же тут удивляться? — вся его жизнь превратилась теперь в сплошное мучение. П. холодел каждый раз, когда собирался в Западный Берлин, но тот же страх и торопил и гнал его. Шарнхорст — вор, выпивоха и бабник — стал единственным человеком, с которым П. чувствовал себя спокойно и свободно, больше в целом мире у него никого не осталось.

«В апреле 1958 года, — показал затем П., — Шарнхорст познакомил меня с американским разведчиком по кличке Даниил. Это было сделано на случай, если меня откомандируют в Москву. Даниил дал мне номер домашнего телефона в Москве и две условные фразы для вызова его на встречи...»

Даниил и оказался Расселом Лэнжелли, который специально выезжал через Вену в Берлин, чтобы познакомиться с Максом. Вскоре, в конце 1958 года, как П. и предполагал, он был отправлен на родину. Упаковав в чемодан вместе с мыльницей и подарками жене специально подготовленную «аппаратуру» — охотничий нож с полый ручкой и фальшивую катушку для спиннинга, в которых хранились шифровальные блокноты, П. вернулся домой. Некоторое время он жил в Москве, а затем был откомандирован на Урал. Там именно его вторая «служба» и была наконец обнаружена...

Усердие П. все росло, он старательно отработывал полученные на переезд «подъемные». Настойчивее становились и требования нового шефа. И П. сразу же принялся налаживать добрые отношения с новыми сослуживцами, платил за них в ресторане. Его повышенный интерес к вещам, не имевшим к нему по должности отношения, возбудил интерес к нему самому. В дальнейшем в распоряжении чекистов оказалась ненадолго (и не совсем случайно) его записная книжка. В ней обратила на себя внимание одна не очень понятная запись. Вот она: «Астория, телефон № 72, 20.00 (Борис д. ср.) 20, 30 в кор. к уборн. Арагви — Фед. д. 20 вт. 33773. 16.357 И.1.92.34 Дима». Запись эта заставляла вспомнить Эдгара По и таинственные истории с кладрами. Но смысл этой был менее экзотичен, хотя понадобились известные усилия, чтобы до него докопаться. Впоследствии П. на допросах подтвердил, что запись была расшифрована чекистами правильно; он записал здесь два пароля — условные фразы, которые ему дал Лэнжелли в Берлине: «Борис дома?» Вопрос

этот, заданный по телефону, означал, что конспиративная встреча должна состояться в ресторане «Астория» в 8 часов вечера у телефона-автомата № 72; если же в телефоне раздавалось: «Федор дома?», то встреча переносилась в уборную ресторана «Арагви». Номер телефона неведомого Димы оказался московским телефоном Даниила — Лэнжелли. Таким образом П. был изобличен. Информация, которую все еще пытался собирать П., специально теперь составлялась и «подбрасывалась» ему. Передавая ее американцам, П., сам того не ведая, дезинформировал их.

Летом 1959 года, когда П. приехал в Москву, его встреча с Лэнжелли произошла уже в присутствии невидимых свидетелей. Эту встречу зафиксировала кинокамера. Правда, действующие лица этой истории не имели понятия о своем участии в фильме.

Рандеву состоялось в вестибюле ресторана «Астория» (ныне «Центральный»). Выглядело оно довольно буднично: не было ни настороженных взглядов, ни надвинутых на глаза шляп. Быстро, спешащей походкой П. подошел к подъезду ресторана; Лэнжелли опаздывал, и П. с озабоченным видом стал прохаживаться. В следующем кадре подкатила к тротуару машина, и из нее вышли высокий мужчина и женщина в светлом костюме. Как бы оберегая свою спутницу от уличной толкотни, мужчина обнял ее за талию и тут извлек из кармана ее жакета спичечный коробок; женщина как будто ничего не заметила.

За остекленной массивной дверью подъезда возле телефона-автомата Лэнжелли и П. встретились «случайно» — как два человека, желаю-

щие поговорить по телефону. П. все же заметно волновался, он выронил спичечный коробок, который сунул ему в руку американец, и тотчас поднял его; П. неловко кивнул... В то же мгновение они расстались. В заключительном кадре этого удивительного кинофильма П., конфузливо улыбаясь и держа в руке большой пакет, которого раньше у него не было, вышел из подъезда.

Еще некоторое время П. оставался на свободе, но это была условная свобода — требовалось выяснить, есть ли у него помимо Лэнжелли еще какие-нибудь «деловые» связи.

В сентябре он опять встречался с американцем — на этот раз в ресторане «Арагви», в уборной, — и там опять получил свой «заработок». Он все еще не подозревал, что его время подходит к концу, что он живет как бы в замкнутом пространстве, из которого уже нет выхода.

Финальная операция, в которой чекистами были взяты оба — и Лэнжелли и П., — заслуживает того, чтобы вкратце рассказать о ней.

На службу в посольство Лэнжелли обычно отправлялся в автобусе. По утрам, около 8 часов, он появлялся на остановке на Кутузовском проспекте и садился в автобус, следующий по 107-му маршруту. В то злополучное для него утро 16 октября он также в 8 часов подошел к остановке. Там уже маячил П. в намокшей под дождем шинели — начинался ненастный осенний день. Заспешив следом за своим «патроном», он протиснулся в автобус.

В тот же момент в сыром воздухе просияли фары какой-то грузовой машины, приткнувшейся к тротуару. Мигнув раз, другой, фары погас-

ли. Но их короткий желтоватый свет был виден и на следующей остановке автобуса. И когда 107-й подошел к этой остановке, здесь уже знали, кто в нем едет. Среди пассажиров, ждущих автобуса, раздавались возмущенные голоса — некий неведь откуда взявшийся гражданин устремился вдруг в машину без очереди. Но, будто и не слыша ничего, не отзываясь, гражданин пробрался вперед, где виднелись рядом потемневшая от дождя фуражка П. и серая шляпа Лэнжелли. Потом шляпа двинулась к выходу, а обладатель фуражки отвернулся в противоположную сторону. Гражданин, вошедший без очереди, встал к окну и вытер перчаткой запотевшее стекло — он должен был дать сигнал.

Едва сойдя с подножки автобуса, Лэнжелли тотчас же оказался сидящим в другой машине и в другом обществе. Он, надо отдать ему должное, сразу же уяснил ситуацию и не протестовал. Однако нервы у него заметно сдали. В кабине, куда Лэнжелли вошел через несколько минут, он попросил не обыскивать его и собственноручно достал из кармана донесение, только что полученное от П.

П. был взят через одну остановку. Когда из его карманов были извлечены деньги и письмо Лэнжелли, полчаса назад из рук в руки переданные, он лишился дара речи. Зайкаясь, он выговорил, что готов признаться во всем.

На суде в своем последнем слове П. сказал:

— После ареста я почувствовал, что с меня свалилась гора... То, что я пережил за время связи с американцами, ни с чем не сравнится.

В эту минуту он, вероятно, был искренен — действительно, трудно представить себе участь,

более ужасную. Наказание началось для П. еще в Берлине, когда он только ступил на свою черную тропу, и все дальнейшее было уже непрерывным возмездием. Боясь разоблачения, трясясь за свою жизнь, изменник умирал от страха ежечасно. И это постоянное ожидание гибели могло сделать почти желанной самую гибель. Во всяком случае, П. нашел в себе силы заявить суду:

— Я готов к любому приговору... к самому тяжелому наказанию, я заслужил его.

Есть преступления, после которых жить уже невозможно. И пуля в конце презренной жизни бывает не только карой, но и милосердием.

На третий день после «инцидента» в автобусе Лэнжелли во главе своего семейства вынужден был покинуть пределы Союза. Газета «Вашингтон пост энд Таймс геральд» в передовой статье написала по этому поводу: «Общеизвестно, что США стремятся получать разведывательную информацию из нелегальных источников в СССР».

Сказано вполне откровенно и без тени неловкости.

**Д. Моряев
К. Ярилов**

ЦРУ: ШПИОНЫ И «ПРАВА ЧЕЛОВЕКА»

О деятельности Центрального разведывательного управления США, тех методах, к которым оно прибегает для организации подрывной работы и прямого вмешательства во внутренние дела других стран, написано немало.

Из приведенного ниже письма-исповеди С. Липавского читатели могут составить представление о том, на какой путь шпионажа и измены его усиленно толкали штатные сотрудники ЦРУ, прикрывающиеся дипломатическими паспортами, и связанные с ними антисоветчики, выступающие под личиной «борцов за права человека».

Письмо приоткрывает еще одну весьма характерную страницу в летописи грязных дел американских спецслужб.

А началась эта история так...

В 1972 году С. Липавский, работавший ранее главным хирургом одной из областных больниц, поступил на работу в медсанчасть, обслуживающую «Главмежавтотранс». Однажды на приеме он познакомился с неким Эдуардом Шифриным. Пациент как бы невзначай стал прощупывать взгляды врача относительно перспективы выезда евреев на «землю обетованную». Потом Шифрин поставил дело в практическую плоскость,

попросив фиктивную справку о состоянии здоровья, заявив: «В Израиле, куда я собираюсь, не хотелось бы тратить лишние деньги для получения международных водительских прав. Все, что можно, надо урвать здесь, в СССР».

Липавский справку выдал. В свою очередь, как теперь выяснилось, Шифрин соответствующим образом аттестовал сговорчивого хирурга своим друзьям. Уезжая за границу, он предусмотрительно позаботился передать Липавского «по эстафете» Т. Гальпериной, которая и ввела его в этот круг так называемых «борцов за права человека».

Однажды Липавский стал свидетелем так называемой голодовки своих новых друзей. Когда поначалу он высказал свое недоумение по поводу того, что голодовки были заранее отрепетированными спектаклями, на которых в роли понимающих зрителей присутствовали некоторые западные журналисты, аккредитованные в СССР, Гальперина воскликнула: «Неужели вы до сих пор не поняли, если они будут голодать по-настоящему и заболеют, то некому будет руководить нашим движением...» Гальперина и прочие «активисты» в один голос твердили, что, «чем больше шума поднимется вокруг, тем значительнее окажется их заслуга перед Западом». Само собой подразумевались и неплохие дивиденды по выезде за рубеж.

Любопытный эпизод произошел после одной из «голодовок» В. Рубина, о которой упоминается в публикуемом ниже открытом письме Липавского. Когда последний предложил сообщить иностранным корреспондентам, что здоровье Рубина находится «под угрозой», тот немедленно согласился. В этот вечер различные западные

радиоголоса захлебывались рассказами о «московском мученике», а приятели устроили на рубинской квартире сытный ужин с вином.

Застолья, завсегдатаем которых стал Липавский, по существу, были сходками для разработки антисоветских акций и инструктажей. Между прочим, на одной из них, проходившей при участии вице-консула США Эйлин Натансон, некий В. Слепак от переизбытка горячительного проявил к американской даме такое внимание, что взбешенная супруга ринулась в драку, изрядно поколотив представительницу заокеанской державы. В связи с инцидентом представления по дипломатическим каналам из посольства США почему-то не последовало...

Чета Слепаков, Рубины и другие, взятые на содержание ЦРУ, щедро отоваривались в магазинах «Березка», не гнушаясь при этом сбывать приобретенный товар по спекулятивным ценам даже в своем собственном кругу.

Излагая в откровенных беседах с Липавским программу подрывных акций, Д. Азбель и К° подчеркивали, что их «платформу» поддерживают в конгрессе Соединенных Штатов. Помимо достаточно известного сенатора Джексона заодно с ним действуют бостонский конгрессмен (по совместительству католический священник) Драйнэн, конгрессмен от штата Флорида Фэссел и некоторые другие. Они вызвались стать персональными «опекунами» Липавского, а отделение небезызвестной организации «Бнай Брит» решило даже... усыновить великовозрастного хирурга.

Тем временем ЦРУ, по существу, уже начало использовать Липавского по прямому назначению — для сбора и передачи в Вашингтон све-

дений шпионского характера. Как явствует из его открытого письма, к этому его привлек американский разведчик Мелвин Левицки, сотрудник посольства США в Москве. Именно Левицки вручил Липавскому вербовочное письмо ЦРУ, содержащее наставления по конспиративной связи и сбору разведывательной информации.

Заметим, кстати, что в том же «ключе» работал и первый секретарь Джозеф Пресел. Он сам говорил, что является специалистом по «правам человека». Этот господин без устали повторял, что осуществлял в СССР «особую миссию». Те, кому довелось встречаться с Преселом, подтверждают, что обычно он рекомендует себя как «эксперта по проблемам демократического движения в Советском Союзе».

Действуя по инструкции американской разведки, Рубин предупреждал Липавского, что все переговоры с иностранцами необходимо вести «с помощью специальных самостирающихся блокнотов». У Липавского, как явствует из его открытого письма, агенты ЦРУ старались получить закрытые сведения по военной и научно-технической тематике. Он был снабжен детальными письменными разработками о способах доставки связникам через тайники на улицах Москвы и в ее пригородах соответствующей информации. За нее «работодатели» платили наличными.

Вот выдержки из сверхсекретных документов, которые были переданы Липавским советским компетентным органам (язык и стиль американских специалистов по русским делам — на их совести):

«Мы были ободрены содержимым в пакете и были довольны получить пленку, которая ближе к интересующей нас информации. Фотографирование является самым эффективным методом передачи такой информации и мы желаем что-бы вы продолжали этот метод для дополнения ваших ответов на наши вопросы во всех возможных случаях в будущем. Некие «наименования работ» к которым у «К» есть доступ (особенно клистроны большой мощности для радиолокационного наведения и разработка аппаратуры связи для подводных лодок) нас очень интересуют, и мы вас просим, постарайтесь приобрести фотографии более детальных и текущих секретных документов имеющих отношение к одной или обеим областям».

И далее:

«В добавок, если время и обстоятельства позволят, нам нужно чтобы вы передали больше данных относительно «К» и характер ваших отношений с ним. Ваши детальные ответы на эти вопросы очень помогут нам лучше понять ситуацию».

Теперь процитируем еще одну из инструкций ЦРУ, названную «Планом связи»:

«Просим ответить детально на все наши вопросы. Эти ответы и любые другие секретные документы имеющиеся у вас, заверните таким-же типом водонепроницаемого материала как и прошлый раз. Положите завернутый материал в грязный мешок из ткани, также как и в прошлый раз.

Вам необходимо передать нам этот пакет 12-го июля через тайник «надпись». Для того чтобы достичь «надпись» поезжайте по Ярославскому шоссе и сверните на Московскую коль-

цевую автомобильную дорогу (МКАД), двигайтесь в направлении против часовой стрелки к Дмитровскому шоссе. Примерно 2,5 км (2.500 м.). После того как вы проедете Дмитровское шоссе вы увидите место стоянки с права от вас, обозначенное прямоугольным дорожным знаком с буквой «Р». Это место стоянки находится прямо напротив группы высоких дымовых труб. Сверните на это место стоянки и остановите вашу машину возле знака с белыми на синем словами «на стоянке соблюдай чистоту».

Положите ваш тканевый мешок с материалами на землю у основания правой опоры знака стоя лицом к знаку. Мешок должен прикасаться к основанию опоры знака».

Мы могли бы привести и другие документальные свидетельства о занятиях некоторых «дипломатов» американского посольства в СССР. Они по горло заняты сбором шпионской информации и вербовкой агентуры из числа «диссидентов», и где уж им видеть реальную картину жизни в нашей стране, налаживать нормальные межгосударственные отношения, как это предусмотрено договоренностями в Хельсинки, на которые так любят — по другим, конечно, поводам — ссылаться в Америке «ревнители гражданских прав и свобод»?!

Приходится отметить, что в подобном амплуа выступают не только американские дипломаты, но и ряд аккредитованных в Москве западных корреспондентов. В открытом письме Липавский упоминает, например, Альфреда Френдли, обитавшего в одном из домов на Кутузовском проспекте в квартире № 315 в качестве шефа бюро журнала «Ньюсуик».

Его фамилию можно перевести на русский язык как «дружески расположенный». Увы! Френдли дышал злобой и ненавистью ко всему советскому, в своих корреспонденциях постоянно искажал нашу действительность. Его сердцу были милы лишь те, кто за импортные подачки поставлял антисоветскую клевету.

Незадолго до того, как Френдли покинул Советский Союз, мы познакомились с письмами тех, кого он пытался обработать во время своих поездок в Ленинград, Вильнюс и другие города. «Характер задаваемых этим господином вопросов,— писал У.,— условия, на которых он назначает встречи, инструктивный тон заставляют задуматься: действительно ли Френдли — журналист, или это лишь прикрытие для другой его профессии?»

Резонный вопрос. Ответить на него поможет хотя бы такая деталь из биографии Френдли: он окончил военную школу иностранных языков (русское отделение) в городе Монтерей, неподалеку от Сан-Франциско. Известно, что это учебное заведение набирает свой контингент из американской армии и спецслужб и готовит специалистов-профессионалов для работы в ЦРУ, «корпусе мира», ЮСИС и других подобных ведомствах. Судя по всему, «крышей» для московской деятельности Френдли стал журнал «Ньюсуик».

На журналистской ниве в Москве подвизался соотечественник и коллега Френдли из агентства Ассошиэйтед Пресс (АП) Джордж Кримски, впоследствии выдворенный из СССР за деятельность, не совместимую со статусом корреспондента. До того он побывал в Москве, Ленинграде, Новгороде в качестве туриста.

Уже тогда круг интересов мистера Кримски был весьма специфичен: пряча под рубашкой кассеты с отснятой пленкой, он то и дело целил объектив фотоаппарата на аэродромы и другие объекты.

Когда в Москве был получен запрос из США о въездной визе для Кримски в качестве постоянного корреспондента АП, компетентные органы проявили добрую волю и пошли навстречу американской стороне. При этом учитывались наметившееся улучшение советско-американских отношений, общая тенденция к разрядке. Думали, что Кримски будет честно и добросовестно выполнять свои журналистские обязанности. Однако этого не произошло.

Кримски был уличен в систематических незаконных валютных операциях. В состоянии постоянного подпития он как свой вращался в жиденькой среде фарцовщиков и тунеядцев, выдающих себя за «политическую оппозицию», руководил ими, стучал кулаком, требуя: «Всю информацию — только мне!» При этом выкрикивал: «Я несу за вас ответственность!»

Перед своими коллегами он бахвалился, что работает как лошадь. А они, прекрасно зная повадки Джорджа Кримски, брезгливо называли его «заезженным ломовиком». На коньке, которого он давно оседлал, Кримски далеко не уехал, несмотря на довольствие из кормушек ЦРУ.

Разумеется, подобная практика грубейшим образом противоречит не только самому понятию профессиональной журналистской деятельности, но и положениям Заключительного акта в Хельсинки об информации, в которых, как известно, говорится, что деятельность журна-

листов должна быть направлена на развитие взаимопонимания между государствами — участниками совещания, подписавшими Заключительный акт, и на дальнейшее улучшение отношений между ними.

Западные читатели, ждущие объективной информации о жизни в Советском Союзе, оказываются обманутыми, поскольку интересы вышеуказанных господ ничего общего не имеют с журналистикой. И хотя, например, такие органы американской массовой информации, как АП, «Ньюсуик» и другие, пытаются отрицать причастность своих штатных сотрудников к спецслужбам, их опровержения звучат по меньшей мере неубедительно.

Что же касается без конца муссируемой на Западе темы об обмене людьми и идеями, то на это можно заявить со всей определенностью: Советский Союз готов и впредь следовать духу и букве подписанного в Хельсинки Заключительного акта общеевропейского совещания. Того же мы ждем от западных партнеров.

В Президиум Верховного Совета СССР

Копия: В конгресс США

Копия: В Организацию Объединенных Наций

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

гражданина СССР, кандидата медицинских наук
С. Л. Липавского

Мне нелегко было взяться за перо, но после долгих и мучительных раздумий я пришел к выводу, что должен это сделать. Может быть, это открытое письмо раскроет глаза тем, кто еще заблуждается, кого обманывает западная пропаганда, кричащая на все голоса о пресле-

довании в СССР «инакомыслящих», и которая раздувает так называемый вопрос о «правах человека».

Начиная с 1972 года я связал свою судьбу с лицами, которым по определенным, основанным на существующем законодательстве мотивам было отказано в выезде за границу и которые крикливо начали спекулировать на вопросе о гражданских правах. Хотя у этих лиц были различные взгляды на формы и методы действий, у них была единая платформа — и единый руководитель — американская разведка и зарубежные антисоветские организации. Они систематически получали по неофициальным каналам инструкции, враждебную литературу, денежные средства. Их деятельностью руководили Д. Азбель, А. Лернер, В. Рубин. Поскольку я оказался своеобразным секретарем В. Рубина и хранителем архива, то был в курсе всех планов и намечавшихся акций, которые, как я понял потом, имели цель нанести ущерб интересам СССР.

Уже в 1972 году мне стало известно, что упомянутая верхушка тесно связана с сотрудниками посольств некоторых иностранных держав и корреспондентами, аккредитованными в Москве. Наиболее устойчивые контакты были с сотрудниками посольства США Мелвином Левицки, Джозефом Преселом, а также с американскими корреспондентами Питером Осносом, Альфредом Френдли и некоторыми другими.

На квартирах В. Рубина и А. Лернера названные иностранцы, а также заезжие эмиссары антисоветских центров Шмуклер, Ноом, Маниковски и другие обсуждали и давали различные рекомендации, суть которых, по существу, сво-

дилась к извращению проблем гражданских свобод и прав человека в СССР.

В свое время стараниями иностранных корреспондентов на шумела история с так называемыми голодовками В. Рубина и Д. Азбеля, выдававшаяся средствами массовой информации за рубежом как отчаянная попытка привлечь внимание мировой общественности к «проблеме» выезда из СССР.

Я как врач наблюдал тогда за В. Рубиным и Д. Азбелем в период их «голодовки». Эти «мученики», заботясь больше о своем здоровье, своевременно подкреплялись пищей, заведомо зная, что иностранные корреспонденты их не подведут.

В таком же духе, в стоворе с иностранными корреспондентами, проводились различные демонстрации в виде шумных спектаклей протеста, которые затем обыгрывались западной прессой, как конфликты между «инакомыслящими» и органами Советской власти.

Главная их задача заключалась в том, чтобы оклеветать советский строй, дружбу народов СССР, создать шум «об отсутствии демократических свобод» и посеять зерно национальной розни. Их не заботило то, что многие обманутые еврейские семьи, выехав в Израиль, столкнулись там с лишениями и бесправием, что многие из них стали бежать с «обетованной земли» и растекаться по всему миру. Ими руководило желание подогреть эмиграцию из СССР и стремление подрывать устои Советской власти. В связи с этим выдвигались различные идеи по проведению в Москве незаконных, а по существу провокационных мероприятий в виде созыва: «международной конференции физи-

ков», «международной конференции по еврейской культуре» и т. п., на которые рассылались приглашения видным зарубежным ученым, лауреатам Нобелевской премии и т. д.

Заведомо сознавая, что они идут в обход государственных и научных учреждений СССР и поэтому не найдут поддержки у советских властей, авторы этих идей рассчитывали привлечь с помощью иностранных корреспондентов внимание мировой общественности к отсутствию якобы «гражданских свобод» в Советском Союзе и чинимым властями препятствиям в деле международного научного и культурного обмена.

Поскольку эти идеи не принесли ожидаемых результатов, направленность в деятельности верхушки значительно изменилась.

Обеспокоенная перспективой утраты интереса к себе со стороны зарубежных хозяев, оказывавших солидную материальную помощь, она решила объединиться с возглавляемой небезызвестным Ю. Орловым так называемой «группой по наблюдению за выполнением хельсинкских соглашений». В состав этой группы был введен В. Рубин, а затем А. Щаранский. Эта идея предстала в изображении иностранных корреспондентов как шаг по консолидации лиц, борющихся за «права человека» в СССР.

В целях нагнетания напряженности в отношениях между США и СССР А. Лернер предложил организовать негласный сбор информации о тех советских учреждениях и предприятиях, которые работают на оборону, с тем чтобы убедить западные фирмы под этим предлогом прервать поставку технического оборудования в СССР. В. Рубин должен был после отъезда из

СССР провести в США соответствующие консультации по этому вопросу и известить А. Лернера.

В августе 1976 года по неофициальным каналам через американского корреспондента Осноса поступило письмо от В. Рубина с просьбой ускорить высылку этих сведений, чтобы поднять кампанию о запрещении продажи в СССР американского оборудования. И хотя были возражения против сбора таких сведений, поскольку это уже являлось явным шпионажем, А. Лернер тем не менее поручил А. Щаранскому и другим организовать получение такой информации и переправить ее за границу.

Надо подчеркнуть, что вопрос об оказании необходимого содействия американцам в получении разведывательной информации по научно-технической, военной тематике и по политическим вопросам стоял всегда в повестке дня. Речь шла о помощи в этом вопросе сотрудникам ЦРУ, которые прикрывались в Москве официальными должностями, а также для поддержания пресловутой поправки Джексона к закону о торговле с СССР.

Каким образом осуществляется эта разведывательная кампания, проиллюстрирую своим горьким опытом. После того как я в 1974 году был познакомлен с Мелвином Левицки на квартире В. Рубина, последний, обратив мое внимание, что тот является сотрудником ЦРУ, достаточно ясно дал понять об его интересе к специфическим вопросам.

Понимая, что эти вопросы связаны со шпионажем, я проявил осторожность, чем вызвал неудовольствие Мелвина Левицки. На меня был сделан нажим. В январе 1975 года из США по

телефону со мной связался выехавший к тому времени из СССР Д. Азбель. Он дал понять, что я должен выполнить его просьбу и помочь лицу, которое со мной свяжется. Таким лицом оказался тот же М. Левицки. На встрече, происходившей на квартире В. Рубина, он дал мне почитать письмо Д. Азбеля, в котором опять повторялась настоятельная просьба оказать услугу М. Левицки.

Оказалось, что эта услуга заключается в склонении к сотрудничеству с ЦРУ одного из руководителей научно-исследовательского института, расположенного в Подмоскowie, и являвшегося моим старым знакомым, с целью получения с его помощью важной оборонной информации. Судя по переданной мне от Левицки инструкции, закамуфлированной в специальном контейнере, американцы уже рассматривали меня как своего агента, который должен выполнять все их указания.

Я оказался в весьма затруднительном положении, так как шпионаж и перспектива быть платным агентом американской разведки противоречили моим убеждениям и намерениям. Моя попытка ограничить свою связь с сотрудниками посольства США проблемой собственного выезда за границу успеха не имела. Требования ЦРУ по этому вопросу были однозначны. В одном документе, переданном мне в сентябре 1975 года через особо законспирированный тайник, от имени ЦРУ говорилось:

«...Естественно, наше правительство интересуется информацией относительно еврейского движения, по обыкновению лучше, если эту информацию собирают другие. Мы уважаем Ваши заботы и участие в этом движении, но сосредото-

точением на выполнении наших требований Вы можете со временем быть более эффективным в Вашей борьбе с системой...»

Я стал понимать, что контакты с представителями ЦРУ принимают драматический оборот, особенно когда другой сотрудник посольства США, Джозеф Пресел, заявил, что он приехал в СССР, чтобы «расшатывать его устои», поддерживать связь с «инакомыслящими».

Систематические контакты с представителями американской разведки открыли мне глаза на многое. Я более осмысленно и объективно начал разбираться в событиях, в которые меня вовлекла судьба и моя собственная непредусмотрительность. Это было тяжелым испытанием, и я рад тому, что сумел найти правильное решение.

В связи с этим я хотел бы заявить следующее. Враги социализма и Советского государства сознательно эксплуатируют так называемый вопрос о «правах человека» в угоду империализму и мировой реакции.

Я убедился также в том, что под личиной борцов за «права человека» маскируются авантюристы, стяжатели, главная цель которых состоит в том, чтобы за счет устраиваемых провокаций и оказания помощи реакционным силам на Западе создать себе рекламу и обеспечить себе постоянный заработок за границей.

Я был свидетелем постоянной грызни за лидерство и распределение средств, получаемых из-за рубежа, между А. Лунцем, М. Азбелем, А. Лернером. Я все более убеждался, что деятельность этих прихвостней ничего, кроме вреда, советским людям не приносит, и это не могло не тревожить меня.

Я не являюсь участником второй мировой войны, потому что был тогда еще ребенком. Я не видел разрушений и страданий, которые сеял фашизм по всей Европе. Однако я достаточно грамотен и имею здравый смысл, чтобы оценить те ужасные жертвы, которые понесли в этой войне народы СССР, в том числе и лица еврейской национальности. Евреи гибнут и сейчас. Однако это происходит не в Советском Союзе, а в пустынях Ближнего Востока в результате агрессии Израиля. Не в Советском Союзе, а в зарубежных странах оказались обманутые еврейские семьи, поспешившие уехать из СССР в поисках «обетованной земли», но нашедшие унижение и страх перед будущим.

То, что я пишу сейчас, это не пропаганда, это горькая, но справедливая правда, это та правда, которая не по газетным и телевизионным сообщениям, а по крикам души, доносящимся из далеких стран, извещает о судьбе моих бывших соотечественников и друзей, о том, как им «сладко» живет.

Я не хотел бы только говорить о том, что «разочаровался в своих прошлых идеях». Я хотел бы заявить, что приложу все свои силы в разоблачении враждебной деятельности отщепенцев и изменников Родины, которые продались ЦРУ. Я хотел бы посвятить себя борьбе за идеалы мира, дружбы народов, за социализм.

Что касается моего обращения в конгресс США, то я просил бы его еще раз разобраться, почему ЦРУ в ущерб интересам народов США и СССР дезинформирует свое правительство, почему оно служит грязному делу разжигания вражды между народами, почему оно опирает-

ся на отщепенцев, выдавая их за героев и великомучеников.

Я обращаюсь также в Организацию Объединенных Наций с призывом не дать себя обмануть. Вопрос о гражданских правах, о «правах человека» не может смешиваться со справедливой карой в отношении предателей и, по существу, политических и уголовных преступников.

Я обращаюсь в Президиум Верховного Совета СССР с настоящим заявлением, чтобы выполнить свой гражданский долг и передать имеющийся у меня документальный материал по вопросам, изложенным в настоящем письме.

Я публично отрекаюсь от ранее поданного заявления о выезде из СССР в Израиль, так как считаю, что единственная Родина для меня — это Советский Союз.

С глубоким уважением
С. Липавский

«КОМУ НА ПОЛЬЗУ?»

Это положение сформулировал юрист античного Рима Кассиан Лонгин Равилла. Обращаясь к судьям, он сказал: «Сумейте дать верный ответ на этот вопрос, и вам станет ясным, кто является преступником».

Не надо быть юристом, чтобы ответить на вопрос, кому на пользу кампании о «советском шпионаже», время от времени развязываемые в США. Какие только ужасы не расписываются на страницах американской печати по рецептуре ЦРУ и ФБР! Какие только сюжеты не варьировались! Но нигде в печати США ни словом не упоминается сюжет, в высшей мере представляющий интерес, сюжет — во внешнем своем выражении, — воистину детективный и заслуживающий, по нашему мнению, того, чтобы воспроизвести его.

Суть его в следующем: представим себе молодого дипломата — улыбчивую девушку, владеющую иностранными языками, которая работает в должности вице-консула одного из государств в Москве.

Представим себе эту миловидную девушку вечером, когда она села в автомобиль и поехала в центр города.

Чем же занялась там наша «героиня»? Посещением театров? Друзей? Нет. Вице-консул

остановила машину в том месте, которое было слабо освещено, сняла свое белое платье и быстро переоделась в черный джемпер, брюки, заперла автомобиль и, внимательно осмотревшись по сторонам, села в городской автобус. Через две остановки вице-консул сменила автобус на троллейбус, потом «покаталась» на метро и только после этого взяла такси.

Что же было дальше? Вице-консул вышла из такси на набережной, погуляла по аллеям тенистого парка, дождалась, пока в округе не осталось никого, кто хоть как-то настораживал ее, и поспешила к мосту, который горбатился в летней ночи причудливыми своими формами. Уверенно поднявшись по лестнке, вице-консул положила в бойницу на арке камень — обычный булыжник, какие в деревнях кладут в баню, чтоб жар дольше держался.

Здесь вице-консула и задержали. Она истошно закричала:

— Я — иностранка! Кто вы такие?! Я — иностранка!

Видимо, вице-консул так громко кричала для того, чтобы предупредить об опасности шпиона, который шел к обусловленному месту в обусловленный час, чтобы взять тот самый «булыжник», оставленный в бойнице. Пыталась «дипломат» выбросить шпионскую рацию — все-таки явная улика. Не удалось.

Изъяли тайник, посадили вице-консула в автомашину и привезли туда, куда и следует привозить задержанных, личность которых следует выяснить. Вызвали советника посольства — для опознания.

Опознал.

В его присутствии вскрыли тайник. В «бу-

лыжнике» лежали обычные шпионские аксесуары: фотоаппараты, золото, вопросник, деньги, инструкции — словом, все, что положено в подобных случаях. Были, однако, в тайнике предметы, которые вызвали недоумение, — маленькие, неприметные черные ампулы. Что это? Ответ на вопрос, что было в черных маленьких ампулах, дало тщательное изучение инструкции, предназначенной для шпиона, — в них был яд.

Это вызвало у контрразведчиков — а это весьма многоопытные люди — нескрываемое удивление.

— Кому предназначаются ампулы с ядом? — спросили вице-консула.

Та молчала.

— Попросите вашу сотрудницу ответить на наш вопрос, — обратились к советнику посольства.

— Ответьте же, — обернувшись к своему «вице», сказал тот.

— Шат ап! — промычала сквозь зубы «вице», что в переводе значит: «заткнись».

Посмотрели на советника. Тот сокрушенно развел руками:

— Не стоит ее спрашивать. Она не знает. Она — исполнитель, всего лишь...

— Шат ап! — на этот раз уже буквально рывкнула «миловидная цэрэушница».

Если простой исполнитель так говорит с начальником, то, спрашивается, кто же стоит за ним? Какого уровня руководители?

Хорош, кстати, моральный критерий этих джентльменов, если они, находясь за тридевять земель от того места, где проходили описываемые события, направили представительницу

слабого пола передавать яды, шастать по ночному парку. А может быть, вопрос не в моральных критериях, а в методах разведработы? Может быть, в операции, которая проводилась, на первый план и была выпущена эта дамочка, для того чтобы сбить с толку контрразведку и запугать ее? Может быть, главные организаторы полагали, что такой вице-консул не попадет в поле зрения, потому что во всякой глобальной комбинации предполагается участие самых высоких профессионалов — на них-то и будет обращено внимание контрразведки...

Первем, однако, эту историю, напоминающую детектив, потому что события, разыгравшиеся в последующие часы и дни, перерастают уже в политическую хронику.

Все описанное — не фантазия, а точный документ. Здесь нет ни грана выдумки. Место заключительного действия — набережная Москвы-реки, мост, соединяющий Лужники с Ленинскими горами; миловидная вице-консул — Марта Петерсон, гражданка США, сотрудница ЦРУ, работавшая под прикрытием государственного департамента; советник, вызванный для опознания, — г-н Гросс, заведующий консульским отделом американского посольства в Москве.

Когда Гросс — после опознания и «беседы» — увез Петерсон в посольство, в Министерство иностранных дел СССР, несмотря на субботний день, прибыл советник-посланник американского посольства.

Советник-посланник задал дежурному по МИДу вопрос, который свидетельствовал не только о том, что он отдавал отчет в политической серьезности случившегося той ночью, но и

о понимании им всей тяжести предъявленных улик.

— Не будет ли возражений, — спросил советник-посланник, — если Петерсон будет отозвана нами в США с первым же рейсом, уходящим на Запад?

Ему ответили, что возражений не будет — как-никак, на «вице-консула» распространяется дипломатический иммунитет.

— Мы надеемся, — продолжал советник-посланник, — что к этому факту не будет привлечено внимание.

— Мы проконсультируемся по этому вопросу, — ответили ему.

Затем в Министерство иностранных дел был вызван тогдашний посол США Тун. Ему была вручена нота протеста, в которой говорилось, в частности:

«15 июля с. г. (1977 г. — Авт.) советскими компетентными органами была задержана с поличным при проведении шпионской операции — в момент закладки тайника — атташе посольства США в Москве Петерсон Марта Д. При задержании у нее была обнаружена портативная радиоаппаратура.

Во время официального разбирательства, проведенного в присутствии советника посольства США, контейнер, заложенный М. Петерсон, был вскрыт, и в нем оказались шпионские инструкции, миниатюрная фотоаппаратура, различные драгоценные изделия, крупная сумма советских денег, 2 резервуара со смертоносным ядом и специальная инструкция по его использованию.

Таким образом, совершенно очевидно, что американские спецслужбы ведут активную под-

рывную деятельность на территории Советского Союза, используя для этого и дипломатическое прикрытие в лице посольства США и не останавливаясь перед такими средствами, как смертельные яды.

Министерство заявляет решительный протест и объявляет сотрудницу посольства М. Петерсон персона нон грата.

Одновременно министерство обращает внимание посольства на то, что, как явствует из проведенного компетентными органами предварительного расследования, к этому шпионскому делу причастны также первый секретарь посольства Р. Фултон и сотрудники госдепартамента США С. Карпович и Дж. Грюнер. Известно, что это не единственный случай, когда американские дипломаты занимаются деятельностью, не совместимой с их официальным статусом.

Министерство настаивает на том, чтобы американской стороной были приняты эффективные меры для прекращения подобного рода деятельности, прямо противоречащей задаче конструктивного развития отношений между нашими странами».

...Дипломатическая практика — серьезная штука, каждое слово имеет свою совершенно особую ценность, ибо оно может дать, а может и не дать возможности двойственного толкования. Будь менее весомы улики, не лежи на столе ампулы с ядом, посол, соотнося свои слова с нормами дипломатического протокола, гораздо на всякого рода тонкости, мог бы, видимо, выстроить некое подобие позиционной защиты.

Но бесспорные улики вынудили посла сказать:

— У меня нет вопросов по поводу случившегося прошлой ночью, и я не могу как-то комментировать все это.

Действительно, не прокомментируешь, ибо советская контрразведка установила со всей непреложностью, что яды, изъятые из тайника, переданного Петерсон шпиону, пересылались Центральным разведывательным управлением в Москву уже не первый раз. В процессе следствия выясняется, что яд, переданный шпиону ранее, был им использован против невинного человека, ставшего на пути его преступной деятельности.

Возникает вопрос: кто ответит за гибель этого человека? Только ли шпион, которому Петерсон передавала яд? Или ЦРУ? А если так, то кто именно? По чьему указанию, с чьей санкции погиб советский человек? Могут сказать, что за шпионом стояли клерки из ЦРУ, не имеющие выходов на политику, своего рода «гончие» разведки, одержимые профессиональной ненавистью к СССР. Однако такого рода допуск не выдерживает критики, поскольку при изучении дела американского шпиона, на связь к которому шла Петерсон, становится ясным, что о его «работе» знали политики высокого ранга, благословляли методы своего агента, пересылая ему яды и оружие, требуя от него информацию, дабы, фальсифицируя ее, торпедировать разрядку.

Следовательно, версия «малокомпетентного клерка ЦРУ» отпадает. А ведь бывший директор ЦРУ Тэрнер заявлял в конгрессе США, что теперь американская разведка не применяет яды, что руководство ЦРУ отказалось от политических убийств как метода «работы», что все у

них идет весьма «высокоморально», что называется, «по закону». Как совместить публичное высказывание Тэрнера с практикой работы ЦРУ?

...Между тем, переходя ко второй позиции ноты, посол все же попробовал перейти в наступление.

— Что касается других лиц, которые упомянуты вами, то они мне совершенно неизвестны. Я не знаю сотрудников государственного департамента с такими фамилиями.

Отвечая таким образом, посол, видимо, хотел дать понять, что Фултон, Карпович и Грюнер принадлежат к «другому ведомству» и он за них ответственности не несет, хотя Карпович и Грюнер во въездных визах написали, что являются «сотрудниками государственного департамента и прибыли в СССР для консультаций с посольством».

Впрочем, есть и другой допуск: может быть, посол действительно не знал, чем занимаются Карпович и Грюнер, но тогда получается, что те люди, которые готовили его визит в МИД СССР, дезинформировали г-на Туна.

...Прощаясь, посол после долгой паузы сказал:

— Правительство Соединенных Штатов было бы признательно, если бы все случившееся накануне не стало достоянием гласности.

— Мы доведем вашу просьбу до сведения нашего правительства, — пообещали ему.

Посол заверил, что сделает все от него зависящее, дабы подобного рода «досадные инциденты» впредь не повторялись.

Полагая, что человек, представляющий правительство США, не может давать безответст-

венные заверения, советская сторона не преда-
ла огласке это дело.

Однако американская сторона не приняла
мер для прекращения подобного рода деятель-
ности. Но было предпринято другое — санкцио-
нировано шумное «дело» по поводу «советского
шпионажа». Даже невооруженным глазом про-
сматривается, что спектакль, срежиссированный
«постановщиками» ЦРУ и ФБР, был создан
для того лишь, чтобы оправдать в глазах вер-
хов те провалы, которые произошли в Москве.
Подчеркиваю — провалы, ибо дело Петерсон да-
леко не единственное в цепи тех, которые
вскрыла советская контрразведка.

Неопровержимым фактам, изобличающим
ЦРУ и его агентов, противопоставлена некая
театральная буффонада, которая, к сожалению,
направлена на ухудшение советско-американ-
ских отношений.

Кому же на пользу антисоветская истерия?

Явно, что не делу разрядки и не тем, кто ре-
алистически мыслит и знает, что конфронтация
губительна для политики.

М. Стурюа

ДВА ЛИЦА Г-ЖИ ПЕТЕРСОН

[Продолжение истории]

Разоблачение Марты Петерсон вызвало в США самую разнообразную реакцию: досаду у одних, замешательство у других, любопытство у третьих, нескрываемое удивление у четвертых. Такая широкая гамма чувств вполне понятна: она зависит от того, кто и в каких связях находился с Мартой, или Марти, как ее называли близкие и знакомые.

Сразу скажем: причастность г-жи Петерсон к воинству «плаща и кинжала» никем не оспаривается. Газета «Вашингтон пост», а вслед за ней журнал «Тайм» пишут, что официальные источники подтвердили принадлежность Петерсон к ЦРУ. Журнал «Тайм» сообщает, что, как только статья о похождениях Петерсон была опубликована в «Известиях», государственный департамент дал указание ЦРУ предоставить провалившейся шпионке «отпуск», и она исчезла с горизонта. На вопрос журнала о деле Петерсон, обращенный к официальному представителю ЦРУ, последний попытался отрицать только то, что она была замешана в покушении на убийство (формально подобная деятельность американских разведчиков запрещена президентским указом, изданным Фордом в 1976 году). Газета «Вашингтон пост» отмечала, что эти обвинения опровергают показания в конгрессе

США ныне бывшего директора ЦРУ адмирала Тэрнера (теперь бывшего), который утверждал, будто американская разведка отказалась от политических убийств и действует «в рамках закона».

Конкурент журнала «Тайм», другой ведущий американский еженедельник — «Ньюсуик» также решил пойти по следам Петерсон. «Ньюсуик», подобно «Вашингтон пост» и «Тайм», приводит признания официальных кругов в том, что Петерсон «работала для ЦРУ, хотя в качестве прикрытия была приписана к консульскому отделу посольства».

«Расследовательская» деятельность «Ньюсуик» оказалась более плодотворной, чем «Тайм». Несмотря на вполне понятное нежелание ЦРУ утолить репортерский голод журнала, последнему удалось установить следующее: перед поездкой в Москву Петерсон прошла усиленный курс обучения русскому языку (заметим, что криминал не в этом. Иное дело — обучение обращению с ядами). В Москве она работала на первом этаже посольства США, где помещалось консульство. Ее основной обязанностью было «интервьюировать» тех советских граждан, которые могли бы явиться «потенциальными эмигрантами в Соединенные Штаты».

Как помнит читатель, в статье «Кому на пользу?» рассказывается еще о некоторых лицах. В числе этих лиц был и первый секретарь посольства Роберт Фултон. Он тоже был причастен к шпионскому делу Петерсон. В связи с этим «Ньюсуик» подтверждает, что деятельность первого секретаря по политическим вопросам была для Фултона лишь прикрытием. В действительности он являлся офицером ЦРУ

и непосредственным начальником Петерсон. Фултон, продолжает журнал, спускался с седьмого этажа посольства, где находятся бюро ЦРУ и политического отдела, на первый, чтобы поболтать с Петерсон. Журнал утверждает, что сотрудники посольства не подозревали, что Петерсон была сотрудницей ЦРУ. Не знали они и о подлинных причинах ее спешного отзыва в США. Официально им было объявлено, что Петерсон уехала «по семейным обстоятельствам».

Вернувшись в Вашингтон, провалившаяся шпионка, видимо, продолжая для отвода глаз ломать комедию, явилась в отдел кадров государственного департамента США, где была зачислена в «штат личного состава» без каких-либо законностей. Правда, не дав Петерсон работы (не то ведомство), ей все-таки дали телефон, вернее, номер телефона, так сказать, для дела при безделье. Это был коммутатор госдепартамента и добавочный — 28 364. Но когда «Ньюсуик» попытался связаться по этому номеру с Петерсон, какой-то женский голос «пробормотал», что она находится в трехнедельном отпуске без сохранения содержания. На вопрос, кто предоставил Петерсон отпуск, женский голос ответил, что «консультативный офис менеджмента». Под этим пышным названием подразумевался все тот же отдел кадров, где для отвода глаз отметилась Марти.

На этом розыски «Ньюсуик» не прекратились. Ему удалось установить, что Петерсон побывала в штате Флорида, где навестила свою мать и, между прочим, купила за наличные полуспортивный автомобиль «файрбэрд» фирмы «Понтиак» с красными, белыми и синими узорами. Этот факт подтверждают и другие издания, много-

значительно подчеркивая, что цена автомобиля вообще-то не по зубам рядовым сотрудникам дипслужбы («файрбэрд» в переводе на русский означает «жар-птица»). По-видимому, подпаленной жар-птице из ЦРУ хозяева решили от щедрот своих несколько позолотить крылышки.

После вояжа в солнечную Флориду Петерсон вернулась к себе домой, в коттедж, купленный как раз накануне командировки в Советский Союз за 90 тысяч долларов, что тоже не по зубам простым сотрудникам дипслужбы (видимо, коттедж явился щедрым авансом, а автомобиль — заключительным взносом в прогоревший пай). Коттедж находится в местечке Фолс-Чёрч, штат Виргиния, сравнительно недалеко от Вашингтона и буквально в двух шагах от Лэнгли, где разместилась главная штаб-квартира ЦРУ.

«Ньюсуик» решил наведаться в Фолс-Чёрч, и хотя г-жа Петерсон была в тот день дома и смотрела какую-то программу по телевизору, она отказалась открыть дверь перед репортером и даже поговорить с ним по телефону. Оказался неразговорчивым и ее босс по Москве мистер Фултон. Он, как и Петерсон, вскоре после ее провала вернулся в Штаты. «Я понимаю, чего вы ищете, — сказал он по телефону сотрудникам журнала. — Но я не могу быть тем лицом, которое могло бы говорить с вами об этом». Еще бы, ведь молчание в подобных случаях — золото!

Когда фотография из «Известий» и изложение статьи «Кому на пользу?» дошли до жителей Фолс-Чёрч, то в этом виргинском захолустье поднялся целый переполох. Люди, включая соседей Петерсон, обнаружили, что они ничего толком не знали о ней. Да и выражение лица

женщины на фотографии мало вязалось со здешними представлениями о «доброй соседке». Где училась, где росла, кто ее родители, какова ее девичья фамилия и многое другое, чего обычно сослуживцы и соседи друг от друга не утаивают, здесь хранилось в тайне. Да, чужая душа — потемки, сокрушаются жители Фолс-Чёрча.

Такое же ощущение испытывали, по словам газеты «Вашингтон пост», и сотрудники американских представительств в СССР. «Одним из главных развлечений во время пребывания в Москве было догадываться, кто из наших дипломатов является сотрудником ЦРУ. Я не могу припомнить, кто бы подозревал в этом Марти», — вспоминает один из ее московских коллег. Весьма характерное «развлечение», не правда ли?

Лишь одна деталь была хорошо известна соседям г-жи Петерсон. Муж Марты — пилот военно-морских сил США — погиб в 1973 году в Лаосе. Источник информации — сама Петерсон. Некий бывший сотрудник ЦРУ утверждает, что видел их обоих в Лаосе. Однако вот что любопытно: когда газета «Вашингтон пост» обратилась в министерство обороны США за сведениями о «трагически погибшем» супруге Петерсон, то репортерам ответили, что, согласно данным электронно-вычислительной машины Пентагона, никакого пилота по фамилии Петерсон, погибшего в боях или при несчастном случае в Юго-Восточной Азии, у них не значилось. Более того, человека с такой фамилией не удалось обнаружить среди погибших и в других родах вооруженных сил США. По предварительным данным, которые якобы «только сейчас прове-

ряются Пентагоном», мужем шпионки мог быть некий Джон Петерсон, служивший в частях специального назначения сухопутных сил США с 1967 по 1969 год.

...Тишина окружает домик в Фолс-Чёрч с ярко-красной крышей, выложенный кирпичом кремового цвета. Тщательно опущены жалюзи на окнах, застекленных дверях. Электрический свет по вечерам еле-еле проникает сквозь них. На дверной звонок отвечает мужчина, который представляется как «друг приятеля г-жи Петерсон». Соседи не знают, кто он, и никогда раньше не видели его в здешних местах.

Петерсон — человек без биографии, как вампир без тени. В ее официальном личном деле, все еще хранящемся в отделе кадров госдепартамента США, всего две строчки: родилась 27 мая 1945 года. Поступила на службу в 1975 году. И все. Не густо. «Вашингтон пост» кончает свое повествование об одиссее Петерсон столь же меланхолически, как и «Ньюсуик»: «Итак, Петерсон тайком входит в свой домик и тайком покидает его, скрываясь от газетных репортеров и вообще ото всех».

Биография? Это биография ведомства грязных дел, которое так и не отказалось в своей политике, в своей деятельности от целей и методов «холодной войны», от попыток любыми способами, включая самые крайние — помните ампулы с ядом? — отравить и подорвать дух разрядки вообще, и в особенности в советско-американских отношениях, помешать развитию плодотворного сотрудничества между советским и американским народами.

Американская печать, раскрутившая историю Петерсон, утверждала, что тут, мол, ничего не

поделаешь, такова, мол, жизнь. Та же газета «Вашингтон пост» в передовой статье пишет: «Шпионаж, проводимый внутри России, продолжает оставаться привлекательным и, по-видимому, полезным дополнением к разведывательным операциям, предпринимаемым извне». Итак, непривлекательная, а точнее, преступная подрывная деятельность по-прежнему окружена не только тайной, но и ореолом в глазах вашингтонских правящих кругов.

Журнал «Ньюсуик» писал, что методы покойного шефа ЦРУ Даллеса, любившего забрасывать шпионов на парашютах на советскую территорию, объявлены «устаревшими» нынешним руководством американской разведки, которое, мол, является «стойким адвокатом» спутников-шпионов, электронных перехватчиков, микроволновых подслушивающих устройств и прочих чудес «технотронного века».

Но вот беда, сокрушается далее журнал, даже в эпоху супертехнологического шпионажа по-прежнему существует фундаментальная нужда в том, что на разведывательном жаргоне именуется «ХЬЮМИНТ» (то есть «Хьюмэн интеллидженс», человеческий фактор в разведке). «Понимаете, мы по-прежнему нуждаемся в шпионах», — с обезоруживающей простотой заявил журналу один из сотрудников ЦРУ. Конечно, продолжает журнал, «технология является составной частью шпионской деятельности в Москве. Крыша американского посольства оцепинилась сверхчувствительными антеннами, но... Но без «ХЬЮМИНТа» никак нельзя». «ХЬЮМИНТ» необходим позарез, необходимы Петерсон и ей подобные с бутафорскими плащами и с вполне реальными ампулами яда,

В. Большаков

ПО ПОВОДУ ОДНОЙ ШУМИХИ

Противники разрядки не брезгают любым поводом для раздувания антисоветской истерии. Так, они пытались помешать осуществлению советского правосудия в связи с привлечением в СССР к уголовной ответственности наемников зарубежных спецслужб за совершенные ими, как теперь это доказано, тяжкие преступления.

Антисоветская пропагандистская волна поднимается всякий раз, когда империалистическая агентура попадает с поличным. Иные деятели и буржуазные газеты Запада под предлогом «заботы» о соблюдении «прав человека» в СССР не стесняются выступать, пытаясь при этом перещеголять друг друга, с заявлениями в защиту шпионов, работавших на иностранные империалистические разведки. Подобную «заботу» нельзя охарактеризовать иначе, как недостойные и недопустимые попытки вмешательства во внутренние дела СССР.

В чем суть дела? Автору этих строк довелось побывать на процессах и по делу А. Щаранского, и по делу А. Филатова, проходивших в Москве.

И Щаранский и Филатов обвинялись в преступлениях, предусмотренных пунктом «А»

статьи 64 Уголовного кодекса РСФСР, то есть в измене Родине и шпионаже (Щаранский обвинялся также по статье 70-й за антисоветскую пропаганду, а Филатов — за контрабанду). И тот и другой, говоря юридическим языком, «умышленно действовали в ущерб государственной независимости и военной мощи СССР». И тот и другой пойманы с поличным и привлечены к ответственности в соответствии с нашими, советскими законами.

Филатов был завербован в служебной командировке за рубежом в начале 1974 года, передавал секретные сведения, к которым имел доступ, сначала завербовавшему его резиденту, затем его коллеге. Вернувшись в Москву со шпионским оборудованием, которым его снабдили вместе с гонорарами за измену Родине, продолжал работать на ту же разведку, пока не был взят нашими чекистами. Все это было ясно доказано на следствии и на проведенном по делу Филатова судебном процессе. Повода для пропагандистского шума в деле Филатова на Западе не обнаружили — решили, видно, во избежание позора помалкивать. Ведь действовал Филатов не в одиночку. Его опекали те, кто злоупотребил гостеприимством нашего народа и использовал паспорт дипломата как прикрытие своей шпионской деятельности. Увы, в практике тех, кто столь активно ратует за соблюдение «прав человека в СССР», не предусматривается уважение таких неотъемлемых прав советского народа, как право на охрану наших государственных тайн, нашей независимости, сохранение нашей безопасности.

Филатов — шпион, занимавшийся попутно и контрабандой. Свою предательскую деятель-

ность он не афишировал, к Западу не взывал. Иное дело Щаранский. Он тоже трудился в поте лица на зарубежную разведку, но при этом выдавал себя за поборника «прав человека», постоянно апеллировал к своим западным хозяевам и покровителям, поставлял им антисоветский товар. Поэтому буржуазная печать, словно набрав в рот воды по поводу дела Филатова, старательно обходя суть этого процесса, свела все к процессу над Щаранским, развернув беспрецедентную антисоветскую кампанию. При этом утверждалось, будто его судили за «убеждения» и за его «национальность».

Даже после опубликования материалов следствия и судебного процесса, убедительно доказавшего виновность Щаранского по всем статьям, в том числе его прямую связь с разведывательной службой одного из иностранных государств, за рубежом находятся все же люди (и весьма высокого положения), которые бездоказательно пытаются повторять однажды сказанную там фразу: «Обвинение Щаранского в шпионаже — это ложь».

Видимо, исходя из этого, на Западе, вопреки фактам, еще долго утверждали, что судили Щаранского за то, что он защищал-де «права человека». Однако любой непредубежденный человек, ознакомившись с уголовным делом этого отщепенца, не может не прийти к выводу, что в народном суде шел процесс не над «идейным борцом», в тогу которого он пытался рядиться при поддержке западных антисоветчиков, а над уголовным преступником, проводившим шпионскую работу по заданию военной разведки одной из западных стран.

Империалистическая пропаганда не жалеет

усилий для того, чтобы ввести общественность в заблуждение, дезинформировать ее по поводу дела Щаранского. В антисоветскую кампанию, развязанную реакционными кругами в западных странах, увы, дали себя вовлечь и представители некоторых демократических организаций.

Достойно сожаления, что в обстановке острой классовой борьбы в странах капитала среди прогрессивных сил нашлись люди, которые не смогли удержаться на классовых позициях и, вместо того чтобы дать решительный отпор антисоветизму и антикоммунизму, фактически сыграли на руку организаторам антисоветской кампании.

В поднятой на Западе антисоветской шумихе по поводу Щаранского был, однако, серьезный просчет. Она началась задолго до суда над Щаранским, который заранее объявлялся невиновным. Откуда могли знать участники этой кампании, виновен он или нет, не зная существа дела и фактов, которые были доказаны на суде? Стало быть, горе-защитникам было не до фактов, лишь бы выгородить того, кто на них работал.

Щаранский всячески пытался изобразить свою деятельность не как уголовную, а как «общественную». Однако факты, и это не мог не признать подсудимый, говорят об обратном. По заданию иностранной разведки Щаранский осенью 1976 года приступил к сбору сведений, составляющих государственную тайну. По специально составленной анкете Щаранский изготавил списки на 1300 человек. В этих списках указывались также режимные предприятия, их дислокация, фамилии руководителей. Часть

этих списков Щаранский передал агенту иностранной разведки, работавшему в то время в Москве под видом иностранного корреспондента. Этот корреспондент в ходе судебного разбирательства опубликовал статью в западной печати, в которой, обеляя свою деятельность в Москве в тот период, подтвердил, однако, что получал от Щаранского материалы. Конечно, получал он их отнюдь не для личной коллекции.

В заключении судебных экспертов об этом было сказано четко: переданные на Запад Щаранским сведения «по совокупности являются государственными секретами и в целом составляют государственную тайну Советского Союза». На юридическом языке это означает, что Щаранский совершил преступление, наказуемое по пункту «А» статьи 64 УК РСФСР.

Конечно, не только эта статья Уголовного кодекса позволяет поставить знак равенства между Филатовым и Щаранским. И тот и другой изменили своей Родине, той стране, которая их вырастила, дала образование, работу, кров над головой и хлеб, выращенный ее тружениками. Все это они растоптали и наконец предали.

Последнее было убедительно доказано на процессе в Москве. Совершенно несостоятельны поэтому попытки недругов социализма вести критику советского правосудия с позиций хельсинкских соглашений. Если уж речь зашла об этих соглашениях, то Заключительному акту и самому духу Хельсинки противоречит именно провокационная антисоветская кампания, с помощью которой пытались и до сих пор пытаются подорвать связанный с разрядкой рост вза-

имопонимания и доверия между народами. Хорошо известно, что Советский Союз строго соблюдает эти соглашения во всех их частях и делает значительно больше, чем западные страны, для их осуществления. Никому не дано использовать эти соглашения для вмешательства во внутренние дела других стран. Свои внутренние проблемы Советский Союз решал и будет решать в соответствии со своими законами в интересах советского народа и упрочения завоеваний социализма.

М. Степичев

**ИСТОРИЯ,
ПОЧТИ ДЕТЕКТИВНАЯ,
С БОРИСОМ Н.**

Борис вошел в незнакомую виллу. Она была пуста. Где же Дуглас Терренс? Интересно, каждый раз «для занятий русским» он выбирает новое место: то у себя дома, то на квартире «друзей, уехавших в отпуск», то в пустующих загородных виллах. Оглядевшись, Борис через распахнутую дверь вышел в сад...

В 1973 году советский специалист Борис Н. был командирован в одну из развивающихся стран Африки для оказания помощи в подготовке национальных научных кадров. Он свободно владеет английским языком. Говорили о нем, что умен, знает предмет, общителен, деловит.

Через некоторое время после приезда Бориса в страну к нему обратился второй секретарь посольства США Дуглас Терренс и под предлогом предстоящего назначения на работу в СССР попросил давать ему платные уроки русского языка. Борис согласился. Терренс сказал, что не надо «афишировать» их знакомство, по телефону предложил называться не своим именем, а Робертом. Так ближе, по-дружески.

...В глубине сада Борис заметил как всегда подтянутого Терренса в светло-сером костюме. Он с улыбкой приветствовал Бориса;

— О, дорогой друг, я жду вас с нетерпением.

Непринужденно разговаривая, они прошли по садовым дорожкам. Затем американец провел Бориса в виллу. Повторили некоторые правила грамматики, а потом Терренс заговорил:

— Знаете, мне придется жить в Москве, хочу побольше знать о вашей стране.

— Это, конечно, полезно,— согласился Борис.

Ему даже нравился такой метод занятий, «ученик» быстрее усваивал язык, да и увлекательнее было вести беседу, аргументируя свою точку зрения примерами и фактами, которые знаешь, чем читать текст на отвлеченные темы. Терренс расспрашивал о разных сторонах советской действительности, жизни и работе ученых. И чтобы не прослыть профаном, Борис охотно отвечал на вопросы, делился подробно своими впечатлениями о местах, где не так давно, во время поездки на родину, побывал, называл новые предприятия, стройки, о которых еще «даже в газетах не пишут».

Иногда Терренс приносил на занятия советские газеты и журналы, исчерканные карандашом, и просил разъяснить ему «непонятные вопросы». Ставил их так, чтобы почерпнуть новую информацию и услышать личное мнение Бориса. Такой подход льстил Н.— как высоко американский дипломат ставит его мнение, осведомленность и знания. И у них день за днем, как казалось Борису, возникало чувство доверия, желание обсуждать «острые» вопросы действительности.

— У нас в Штатах, конечно, еще много безработных,— признавался Терренс.— Но, правда,

они получают помощь. Могут устраивать демонстрации.

Стараясь не быть ортодоксом, Борис тоже начинал «выискивать» недостатки у себя в стране. Он рассказывал то, что слышал от товарищей в посольстве, от своих друзей-земляков. Не подозревал еще Борис, что Терренс — опытный разведчик — методично направленными вопросами, дискуссиями пытается «вытянуть» у Бориса побольше нужной информации, ну и прощупать его идейную и моральную стойкость, узнать слабости, пристрастия. Он почувствовал, что Борис страдает тщеславием, сомнением, любит не в меру украшать свой быт.

— Ваши рассказы для меня, — сказал как-то Терренс, стараясь придать словам доверительный характер, — лучше всякого учебника. С таким умом и эрудицией вы быстро бы сделали карьеру в США...

Такие беседы о «радужных» перспективах жизни в Америке нет-нет да и повторялись. Терренс исподволь восхвалял американский образ жизни. Борис возражал, но как-то не особенно решительно, и это не оставил без внимания Дуглас.

Вот и в тот памятный вечер, подливая коньяк, Терренс снова завел разговор «по разным проблемам»: как оформляются выезды советских людей за границу, о настроениях среди нашей интеллигенции, расспрашивал о сотрудниках посольства. Подвыпив, Борис изрядно разоткровенничался. Поздно вечером Борис один уехал домой, нагруженный специально подобранной для него Терренсом литературой, сувенирами и подарками для семьи.

Постепенно втягивая Бориса в липкую шпи-

онскую паутину, американец платил ему «за обучение» все больше и больше денег. Казалось, что Н. наконец возмутится и не станет брать «лишние» деньги, но он не сделал этого, чтобы «не обижать нового знакомого», — давали знать непомерное тщеславие, корыстолюбие и беззаботность. Этим и пользовался Терренс. Видя идейную нестойкость, беспринципность Бориса Н., американец становился все нахрапистее, и однажды, когда Борис сказал, что собирается купить автомашину, но не хватает денег, Терренс «великодушно» предложил ему нужную сумму для покупки авто американской марки, а заодно подарил жене — «чтоб не была в обиде» — украшение.

— Отдадите деньги в Ленинграде, — заметил он.

Бориса растрогала такая щедрость. Когда он серьезно заболел, Дуглас проявил подчеркнуто заботливое участие, достал дефицитное лекарство, привел американского врача.

— Специально вызвал из США, — сообщил он. — Чего не сделаешь для коллеги!..

Уже «коллеги»?! Потом, кстати, выяснилось, что врач-то жил тут же в городе, и поэтому не надо было «специально вызывать» из Америки. Но это потом, после отъезда Бориса. А тогда это сообщение произвело определенный эффект.

И когда Борис уже с доверием стал относиться к работнику американского посольства, заходить к нему в гости, тот повел разговор о войне и мире, стал играть на искренних чувствах советских людей, выступающих против войны. Мы ведь тоже за разрядку, за мир, говорил Терренс, но «должны контролировать, знать, как Советский Союз выполняет соглашение о

разрядке». «Мы тоже за контроль», — согласился Борис. «Раз так, то помогите нам. И за разрядкой нужно наблюдение», — заметил Терренс.

На удивленный вопрос, кому и как помочь, Терренс, не смущаясь, прямо заявил, что он является сотрудником ЦРУ и обращается к Борису как к «умному человеку», которому «близки и понятны» цели представляемой Терренсом организации, борющейся «за свободу и гуманные мирные идеалы». Говорил он негромко, но властно, тоном, не допускающим возражений. Шпион в обличье дипломата? Тут наконец Борис понял, с кем имеет дело, и сказал нерешительно:

— Мне бы не хотелось обсуждать подобные вопросы.

И только. Не сумев преодолеть себя — да и жалко было терять немалый заработок, — Борис продолжал заниматься языком со шпионом-дипломатом. Американская разведка уже несколько лет изучала Бориса, подбирала «ключи» к нему, подмечая в нем хвастливость, себялюбие. Да, Борис Н. был знающим специалистом, но недостаточно зрелым политически, не видел всех тонкостей идейной борьбы на международной арене, коварства противника. Иногда возникала мысль отойти от Терренса, но тут же он чувствовал себя уже «обязанным ему» — купленная машина, лечение, подарки... Мысли раздваивались...

Терренс стал недвусмысленно шантажировать Н., приводя кое-какие факты о его пребывании за рубежом, о контактах еще студентом с иностранцами в Ленинграде, где ему дарили иностранные вещи. «Все это, — явно угрожая, заявил Терренс, — в досье ЦРУ и легко может стать

достоянием советских органов. Короче, вы уже с нами, подумайте».

Так, проявив малодушие, пойдя на сделку с совестью, Н. постепенно втягивался американским разведчиком в фактическое сотрудничество с ЦРУ. Боязнь разоблачения мешала Борису рассказать обо всем в посольстве. Думал: вот уеду на родину, а там «ищи ветра в поле...». А. Терренс... теперь уже сбросив маску, стал давать указания Борису: перейти на дипломатическую работу, например, в представительство ООН...

Незадолго до отъезда Бориса на родину Терренс стал приезжать с другим американцем — мрачноватым, грузным человеком, которого представил как «специально приехавшего из США технического инструктора Сэма».

— Сэм — бывалый человек, он кое-чему научит вас, — заметил Терренс.

Сэм начал учить «шпионскому ремеслу»: работе с шифрами, тайнописи, чтению микрофоток, составлению писем-прикрытий, приему кодированных радиопередач, пользованию специальными электронными приборами. Терренс сообщил, что ЦРУ после возвращения Бориса в СССР передаст через тайник все средства связи, шифры, рекомендовал запомнить пароль, с которым на него выйдет «надежный человек».

Слушая все эти инструкции и задания, Борис все больше проникался чувством страха. Он боялся «разгневать» такого «любезного» Терренса и мрачноватого Сэма, понимая, что от них всего можно ожидать. Нет, нет, скорее на родную землю. А там — концы в воду, и все пойдет, как прежде.

Приехав в Ленинград, Борис никому ничего не рассказал о том, что произошло с ним за границей, успокаивая себя мыслью: «Все обойдется». Но не обошлось... Уже через несколько месяцев он получил из разведцентра ЦРУ по почте первое письмо. В нем было задание собирать и передавать информацию об оборонных предприятиях города, их руководителях, говорилось, как принимать радиосигналы.

В это же время Борис узнал из газет о суде над американским шпионом и перепугался уже не на шутку. Если он ответит на письмо, сообщит разведывательные сведения, то это будет настоящий шпионаж. Тогда о последствиях страшно было даже подумать. Несколько ночей он почти не спал.

Пусть с запозданием, но все же Борис Н. нашел в себе силы рассказать чекистам о своих взаимоотношениях с Терренсом и его «коллегой» по ЦРУ. Он рассказал и о том, что уже после возвращения в СССР на квартиру к нему явилась некая Кириенко, когда-то знакомая Бориса, вышедшая замуж за англичанина. Она щебетала обо всем, а между разговорами о домашних делах, книгах успевала спросить о том, как он чувствует себя, когда поедет за границу: ведь там его ждут друзья. Зачем приходила Кириенко? Стало ясно: ЦРУ интересовалось, готов ли он выполнять задания? Конечно, Борис запутался в силках, расставленных американскими разведчиками, однако не совершил преступления, действий в ущерб государству и честно рассказал обо всем происшедшем. Наш закон гласит: «Не подлежит уголовной ответственности гражданин СССР, завербованный иностранной разведкой для проведения враждебной дея-

тельности против СССР, если он во исполнение полученного преступного задания никаких действий не совершил и добровольно заявил органам власти о своей связи с иностранной разведкой».

И поэтому Борис Н. не был привлечен к уголовной ответственности и продолжает работать. Борьба за каждого человека, спасти попавшего в трудную ситуацию, оступившегося — об этом никогда не забывают работники политических органов — чекисты.

Случаи такие не единичны. Помня о глубоко гуманных, партийных целях дела, которому они служат, чекисты не раз помогали советским людям стать на правильный путь, ограждали их от коварных действий империалистических спецслужб.

Второе письмо ЦРУ Борис Н. принес в управление КГБ. В нем говорилось о закладке для него во дворе Боткинской больницы в Ленинграде тайника со шпионскими инструкциями. В письме было указано: «При входе найдете электробудку, возьмите пакет. Смотрите схему...»

Посоветовавшись с чекистами, Борис Н. скрытно взял контейнер и, как просили американцы, здесь же установил новый — с информацией для ЦРУ. Кто же придет за ним? Шла большая аналитическая работа, чтобы успешно провести операцию, задуманную советскими контрразведчиками. Нити тянулись к сотрудникам американского генконсульства. Изучая материалы, чекисты пришли к выводу: вероятно, у тайника появится вице-консул Д. Шорер.

В последнее время он что-то нервно вел себя в Ленинграде: рыскал по городу и его окре-

стностям, беспричинно заходил на рынки, в рестораны, музеи, магазины, зачастил в Боткинскую больницу. Правда, там лежала заболевшая американка, но Шорер почему-то раньше не проявлял такой «трогательной заботы» о своих соотечественниках. С утра, в тот день, когда американцами намечалась операция по изъятию тайника, Шорер был необыкновенно активен. Проехал мимо дома, где была сигнальная метка о тайнике.

Наступили зимние сумерки, сплошным потоком шли с работы ленинградцы. И в эти минуты Шорер, оставив на соседней улице свою машину, тревожно оглядываясь, направился к Боткинской больнице. Зачем? Ведь американки-то там уже не было — она выздоровела и выписалась. Зайдя в приемное отделение, с любезной улыбкой передал дежурной сестре дешевый сувенир. Вышел на улицу, приблизился к электробудке и резким движением руки извлек магнитный контейнер. И тут же был задержан чекистами. Сначала Шорер пытался оказать сопротивление, но быстро понял бесплодность этих попыток. И тогда он решил разыграть спектакль — нанести себе травмы, стараясь удариться лицом о тротуар, с тем чтобы создать повод для обвинения сотрудников КГБ. Но все его ухищрения были тщетны.

В присутствии понятых у Шорера был изъят магнитный контейнер. О происшедшем сразу же сообщили генконсулу, который вскоре прибыл. Его ознакомили с существом дела. Шорер все порывался что-то «объяснить» консулу, но тот, махнув рукой, не стал его слушать.

В Вашингтоне советский посол сделал госде-

партаменту США заявление по поводу недозволенной деятельности Шорера и потребовал принять необходимые меры к недопущению подобных действий со стороны дипломатов США, аккредитованных в Советском Союзе. Шорер был выдворен из нашей страны.

...Встречаясь недавно с участниками операции, положившей конец деятельности в СССР матерого разведчика Шорера, я не мог не восхищаться этими людьми — удивительно находчивыми, верными долгу, с твердой волей и в то же время с чистой, доброй душой, людьми большой культуры и интеллекта. Веселые, дружные, смелые. Вспомнились слова Феликса Дзержинского: «Тот, кто стал черствым, не годится больше для работы в ЧК». Они берегут и развивают традиции первых чекистов — людей из легенды, верных стражей революции.

...В последнее время при выездах советских граждан в зарубежные страны, где империалистические спецслужбы чувствуют себя в безопасности от советских законов, агенты ЦРУ все более бесцеремонно и коварно применяют всевозможные провокации, чтобы склонить наших людей к измене Родине. Как правило, тщетны такие попытки.

Граждане нашей страны в самых трудных условиях проявляют высокую идейность, верность своей Родине, в подавляющем большинстве случаев своевременно распознают провокации и провокаторов, не позволяя втянуть себя в шпионские сети. Вот достойный ответ советского юноши-комсомольца П. Русанова. Когда в Антверпене представители иностранной разведки пытались шантажом и угрозами толкнуть его на путь предательства, он сказал:

— Что вы пугаете меня? Вас здесь пятеро слуг ЦРУ, а за мной великая Родина, двести семьдесят миллионов моих соотечественников! Что вы можете сделать с нами?!

Так поступают люди высокой нравственности, несущие в своих сердцах чувство патриотизма, правоту ленинского дела.

ВЛЮБЛЕННЫЙ ТИГР

— Подсудимый, вы обвиняетесь в измене Родине в форме шпионажа, то есть в преступлении, предусмотренном статьей 64 пункт «А» Уголовного кодекса РСФСР. Признаете ли себя виновным?

— Да, признаю себя полностью виновным по предъявленному мне обвинению в измене Родине.

Время действия: середина августа 1978 года. Место действия: военный трибунал Московского военного округа. Обвиняемый: Нилов Александр Борисович, 1949 года рождения, бывший комсомолец, бывший старший инженер лаборатории физики плазмы Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, бывший агент ЦРУ... Биография Нилова — средняя школа, университет, первая заграничная командировка, кратковременная служба в армии и недолгая работа в лаборатории — занимает страничку рукописного текста; уголовное дело, заведенное на него, — около десятка объемистых томов. В них ретроспектива событий, приведшая Нилова к предательству Родины и своего народа, к самому страшному деянию, презиравшемуся и каравшемуся во все времена и эпохи.

Начало конца

А теперь перенесемся в один из номеров ленинградской гостиницы, где беседуют Дональд Халлетт, подданный Великобритании, инженер английской фирмы, и сотрудник американского посольства в Москве.

Какая связь, могут спросить читатели, существует между двумя этими событиями, разделенными по времени почти двумя годами? Ответим: самая непосредственная. Не будем фантазировать на тему о том, каково было содержание разговора двух собеседников. Мы знаем наверняка, что в одинаковой степени их интересовали одни и те же вопросы: как провалился и что рассказал следствию американский агент Александр Нилов? Ведь не кто иной, как Халлетт, был тем человеком, который по заданию американской разведки «охотился» за молодым советским инженером, а Нилов стал жертвой этой «охоты». Мы расскажем подробно об этой операции Центрального разведывательного управления США, в которой участвовало немало людей. Но сначала несколько слов о Халлетте и его роли в американской агентурной сети.

Дональд Халлетт родился в английском городе Галифаксе. Он выходец из состоятельной семьи. Окончил геологический факультет Лондонского университета. В 1972 году был направлен в Алжир на должность начальника отдела крупнейшего национального общества по разработке нефтяных месторождений «Санатрак», где он представлял английскую фирму «Джон Браун». В «Санатраке» собралась довольно пестрая компания. Там работали американцы, англичане, французы, немцы... Англий-

ский инженер больше ориентировался на американцев. Его сразу же начали опекать американский «консул», представлявший интересы США через швейцарское посольство, Вильям Гэлбрайт, «геологи» с «Санатрака» Франсиско Харамийо, Ричард Вайз и другие. Мы недаром взяли их служебное положение в кавычки. Они занимаются совсем другими делами. Дипломатические ранги и гражданские профессии для них — только «крыша», если применять жаргон буржуазных секретных служб, а истинная деятельность скрупулезнейшим образом скрывается от посторонних глаз, вернее, принимаются самые изощренные приемы, чтобы скрыть ее. Кстати, американские спецслужбы всеми возможными способами стараются предохранить своих «профессионалов» от возможных провалов. Наиболее грязную, опасную и трудоемкую работу они перекладывают на агентуру «дружественных» стран. Когда-то крупнейшими специалистами в этой области были джентльмены из Интеллидженс сервис — британской разведки, старейшей в Европе секретной службы, которая часто заставляла других работать на себя. Теперь им на смену пришли американцы — более молодые и богатые. Ныне сотрудники ЦРУ заставляют таскать каштаны из огня своих «учителей», перекладывая на них хлопоты с поисками подходящих кандидатур, риск возможных провалов и прочие неприятности.

По прибытии в Алжир Дональд Халлетт получил в свое владение весьма приличную виллу и, видимо, более чем приличные суммы на представительские расходы. Во всяком случае, редкая неделя обходилась без приемов, встреч, дружеских ужинов или коктейлей. Публика на

этих раутах была стабильной только в отношении американских служащих «Санатрака»: Франсиско Харамийо, Ричард Вайз, Сандра Томас... Другая ее часть менялась постоянно. Появлялись все новые и новые люди. Особенный интерес гостеприимный хозяин проявлял к русским, к советским гражданам. Они тоже приходили, в основном один-два раза, не больше, не находя интереса в этих встречах, пока не оказался здесь Александр Нилов. Он задержался....

Глория не приносит славы

...Александр считал, что ему повезло. Не успел получить диплом, как последовало предложение поехать на работу в Алжирскую Народную Демократическую Республику в институт нефти, газа и химии в городе Бумердесе на должность инженера-лаборанта кафедры физики. Впрочем, везение сие молодой специалист воспринимал как явление вполне закономерное: учебу как-никак закончил с отличием, помимо диплома физика получил второй диплом — переводчика английского и французского языков, прошлое было чистым, как стеклышко... В Бумердесе жизнь советских специалистов шла своим чередом. Но Александру она показалась скучноватой и однообразной. Потянуло, так сказать, на сторону. На фирме «Санатрак», занимающейся разведкой месторождений нефти в Алжире, работали специалисты из капиталистических стран. С сотрудником этой фирмы англичанином Дональдом Халлеттом Александр познакомился дома, сначала за чашкой чая, затем за рюмкой аперитива. Халлетт и его жена

пришли в неописуемый восторг от нового знакомого на первых же встречах. «Как вы не похожи на других советских, с которыми мы встречались,— наперебой тараторили они.— Такой молодой и такой талантливый. Нет, ты послушай, Дональд, какое у него произношение! Выпускникам Кэмбриджа не снилось такого...» — «Да, дорогая, ты совершенно права. В Лондоне его не отличили бы от отпрыска одного из старинных английских родов. И потом, какая смелость и независимость суждений!»

С Дональдом Халлеттом и его женой было легко. Еще легче оказалось со знакомыми супругами: Франсиско Харамийо, Ричардом Вайзом, Сандрой Томас...

Рождество Александр встречал в доме Халлеттов. Он пришел первым. Дональд пригласил его выпить по аперитиву в ожидании остальных гостей.

— Кстати, Алекс, у нас для тебя рождественский сюрприз...

— Но я уже получил от вас сувенир.

— Это дополнительный. Так сказать, вне программы. В тебя влюбилась одна прелестная девушка. Ее зовут Глория. Имя-то какое! Глория — слава... Приехала к родителям из Штатов. С отцом я тебя уже знакомил — это Франсиско Харамийо, наш инженер. Он здесь с женой. Отличная, я тебе скажу, семья. Надо же так случиться: приходит она как-то к моей жене и рассказывает, что увидела одного русского, который играл в волейбол на стадионе. Описывает, какой он из себя, этот стройный, мускулистый красавец. И жена просто ахнула от удивления: «Так это же Алекс, наш друг!»

— Но я ее не знаю... Ни разу не видел...

— Разумеется. Сегодня увидишь и... оценишь.

На этом этапе изучение Нилова и «работа» с ним Халлетта дали основание американским спецслужбам увидеть в советском инженеру некую перспективу. Поэтому было решено подключить к обработке Александра американского «профессионала» Франсиско Харамийо и его дочь.

Глория оказалась обаятельной девушкой. Ее глаза, наивные и загадочные, неотрывно смотрели на Александра. А когда пошли танцевать, шепнула ему на ухо: «Алекс, считайте меня самой безнадежной дурой или окончательно испорченной женщиной — как хотите. Но я безумно люблю вас и готова на все...»

На все Глория готова не была. Это сразу же стало ясно и в ночь под рождество, и потом, во время все более и более участвовавших встреч. «Милый мой, — повторяла не раз она, — все было бы очень просто, если бы я не любила тебя так искренне, так по-настоящему, так впервые в жизни. Не расплескивай вина из бокала, лучше выпей его залпом. Я рассказала о наших отношениях отцу, и знаешь, что он мне заявил, ты просто упадешь в обморок от удивления. Он сказал: «О чем этот парень думает? Ему надо идти к американскому консулу и решить с ним вопрос о женитьбе и выезде в США».

Любил ли Глорию Александр? До самого своего последнего слова в зале военного трибунала он утверждал, что да, поначалу любил. Что накатил на него темная волна слепых чувств и заставила забыть все: и Родину, и отчий дом, и долг, и совесть... Так ли это? Не будем спешить с выводами и продолжим наш рассказ.

Нилов стал частым гостем в доме родителей Глории. Они принимали его уже как жениха своей дочери и ждали от него официального предложения. Франсиско Харамийо не уставал повторять: «Вы с Глорией отличная пара. Ты парень с головой, быстро сделаешь карьеру в Штатах, да и я помогу». «Мы ни в чем не можем отказать нашей дочери,— вторила мамаша.— Значит, такая судьба. Глория не может жить без вас, а нам счастье дочери превыше всего». Александр робко сопротивлялся: «Но мне не дадут разрешения жениться на американке...» «Конечно,— убежденно соглашалась мамаша.— Стоит лишь заикнуться об этом в советском посольстве, и вас моментально отправят домой, а Глория умрет от горя... Нет, об этом не может быть и речи. Лучше обратиться в швейцарское посольство — оно представляет интересы США в Алжире, там работает Вильям Гэлбрайт — наш знакомый американский дипломат. Он без труда оформит въездную визу для вас в Штаты».

В начале февраля 1974 года Александр официально попросил у папаши и мамыши Харамийо руки их дочери (к этому времени, как скажет Нилов во время процесса, у него «появилось ослабленное чувство Родины»). Родители Глории дали свое согласие, оговорив его, правда, непременным условием последующей жизни молодых в Соединенных Штатах и наличием «благословения» на брак со стороны матери Нилова — Людмилы Дмитриевны. Александру надо было найти достаточно веский предлог для внеочередного выезда в Москву. Поэтому он направил телеграмму матери: «Пришли срочный вызов». Такой вызов пришел: «Болен

твой брат Павлик. Если можешь, приезжай. Мама». Младший братишка действительно болел в то время ангиной. В Москве Нилов находился недолго. Сейчас трудно восстановить дословно диалоги между сыном и матерью. Важнее итог этих бесед. Вместе с Людмилой Дмитриевной Александр купил дорогие подарки невесте и ее родителям, перевел денежные сбережения на имя своей матери, оставил ей заветные на все движимое и недвижимое.

В Бумердесе Нилова ждал удар. Папаша и мамаша Харамийо встретили его довольно прохладно. «А Глория улетела в Штаты, — как бы между прочим сказала мамаша. — Она была очень расстроена и оставила письмо для вас». Конверт был не вскрыт. Александр разорвал его, достал сложенный вчетверо листок. Послание было коротким. «Май дна — мой дорогой, — писала Глория. — Я передумала. Вряд ли нужно связывать наши судьбы. Кроме того, у меня — маленькая дочь от неудачного брака. Итак, прости меня и забудь...»

Неудавшийся кандидат в мужья оторопело глядел на супругов Харамийо. Они с плохо разыгранным беспокойством — на него. Первым прервал молчание несостоявшийся тесть.

— Что-нибудь случилось, Алекс?

— Она не хочет выходить за меня замуж.

— Да? Надо же так... Глория всегда была взыбаломошной девчонкой.

— Я должен все равно лететь в Штаты, поговорить с ней, переубедить. Ведь она же любит меня!

— Как хочешь, Алекс. Мы, к сожалению, не можем принудить Глорию выйти за тебя замуж, хотя ты нам очень нравишься.

В разговор вступила несостоявшаяся теща:

— Конечно, вам надо обязательно лететь. Может быть, удастся поколебать ее скороналительное решение...

— Да, но как же с визой?

— О, я уже говорила с нашим знакомым американским дипломатом. Он согласен. Когда бы вы могли встретиться с ним?

— Когда угодно.

— Тогда послезавтра на площади Рош. Сообщите только, как вы будете одеты, чтобы мистер Гэлбрайт смог вас опознать.

— В светлой куртке с цветком в петлице.

— О'кей!

Что же, по мнению американских спецслужб, Нилов к этому моменту уже «созрел» для проведения с ним «деловой» беседы. Поэтому из «игры» были выведены Глория и ее родители. Наступила очередь «маэстро» из ЦРУ. В справочнике государственного департамента США Вильяму Гэлбрайту отведено всего лишь три строки.

Он, конечно, дипломат. В каком ранге? Это мы узнаем из дальнейшего повествования.

Агента называют Тигром

...На площади Рош, куда Нилов пришел с цветком в петлице, было немногочисленно. Не успел Александр оглядеться, как к нему быстрым шагом подошел среднего роста и плотного телосложения кривоногий человек. Коротко стриженные светлые волосы, зачесанные набок, глубокие залысины на висках, водянистые голубые глаза. Все это Нилов схватил сразу, ибо

приметы были четкими, не смазанными, запоминающимися, самыми, кстати сказать, что ни на есть нежелательными для профессионального разведчика.

— Вы Алекс?

— Да.

— Идите прямо, не оборачиваясь.

Нилов пошел прямо. Сзади метрах в пяти шаркали подошвы Гэлбрайта, слышалось его прерывистое дыхание. Он продолжал вполголоса командовать:

— Сверните в переулок. Так... Видите справа машину? Откроете дверцу и сядете на переднее сиденье.

Проходя мимо ворот одного из домов, Нилов заметил стоящего в них человека в арабской национальной одежде. Он сделал в направлении Гэлбрайта успокаивающий жест рукой — все, мол, в порядке...

...Сев за руль, американец включил зажигание и на небольшой скорости, часто поглядывая в зеркало, двинулся вперед. Покрутившись по городу, он притормозил у тротуара одной из тихих улочек.

— Ваши документы.

Нилов достал из кармана и дал в руки Гэлбрайту свое удостоверение личности. Перелистав все страницы документа, дипломат вернул его Александру.

— Так в чем существо вопроса? Постарайтесь короче.

Нилов начал рассказывать о перипетиях своей любовной истории, о неожиданном отказе Глории выйти за него замуж, о необходимости срочного выезда в США для того, чтобы выяснить причины разрыва и урегулировать конф-

ликт... Американец слушал невнимательно, часто перебивал, торопил.

— О'кей... Мне все ясно. С американской визой задержки не будет, но вот алжирские власти... Ведь они моментально сообщат в ваше посольство, и все полетит к дьяволу. Да, да, именно в преисподнюю. Ваша карьера, молодой человек, на этом закончится... А что, если спокойно вернуться в Советский Союз и поработать на нас?

У Александра язык приклеился к небу. Он долго не мог обрести дара речи.

— То есть на кого «на вас»?

— На Америку, на Центральное разведывательное управление, если хотите. Слыхали о таком?

— Слыхал. Вы предлагаете мне стать предателем?

— Нет, ни в коем случае. Просто я предлагаю хорошо оплачиваемую работу. Денег будет очень много. Так что соглашайтесь...

— Нет, я просил лишь помочь с визой, чтобы выехать в США, и совершенно не собирался становиться агентом ЦРУ.

— Как хотите. Но подумайте. Давайте встретимся через две недели. Что касается Глории... Стоит ли из-за девушки выезжать в Штаты? Любовь дело ненадежное. Сегодня женился, завтра развелся. Учтите, Глория не принесет вам славы, хотя и переводится с латинского как «слава». Так что думайте, Алекс.

Алекс уже подумал. Во время судебного процесса он скажет: «Глория не ответила на мое послание. Да и, честно говоря, она мне уже и не виделась столь необходимой, столь желанной. Отправил ей короткое письмо, где сообщал, что

освобождаю ее от данного мне слова и что она вольна делать все, что хочет. Внутренне я уже видел себя агентом ЦРУ, а в этом качестве мне лучше было жить без Глории. Почему я решил пойти на вербовку? Во-первых, мне очень импонировало то обстоятельство, что выбор пал именно на меня. Значит, я — исключительная личность. Во-вторых, привлекала сама необычность ситуации. Я всегда мечтал о приключениях, о путешествиях, о таком, чего еще не было в моей жизни. Мне, в-третьих, было совершенно очевидно, что многочисленные контакты с иностранцами могут стать известными, и тогда — прощай, карьера. И конечно же не последнюю роль сыграла корысть. Мережились солидный счет в солидной банке, фешенебельная вилла на фешенебельном курорте, гоночные машины последних марок, яхта и конечно же шикарные женщины...»

Четвертая встреча, состоявшаяся в ресторане «Звезда Магриба», была короткой. Не успел Гэлбрайт углубиться в изучение меню, как Ниллов нарушил благопристойное молчание неожиданным вопросом:

— А каким образом вы собираетесь меня тренировать как шпиона американской разведки?

Челюсть американца упала, как барометр перед бурей. Водянисто-голубые глаза стали белесыми. Можно было подумать, что он очень перепугался.

— Вы согласны? Серьезно?

— Да. Серьезно. Согласен.

— Тогда встреча через неделю. Принесите краткую биографию на английском языке с изложением основных данных о себе и о семье

и на отдельном листочке — свои антропометрические данные, то есть рост, вес и основные приметы...

Потом было еще пять встреч, проходивших на вилле у американца. Так сказать, блицкурс шпионской подготовки. Гэлбрайт обучил Нилова тайнописи, рассказал о способах приема зашифрованных телеграмм из разведцентра ЦРУ по односторонней радиосвязи, показал, как зашифровываются и дешифруются радиограммы при помощи шифроблокнотов, открыл «секреты» пересылки и чтения микроточечных сообщений и работы через тайники, определил в общих чертах линию поведения новоявленного агента ЦРУ по возвращении его из загранкомандировки в Советский Союз.

— Прежде всего заруби себе на носу, парень, что дело, которое мы затеяли, не игра в кошки-мышки. Если ты по возвращении в СССР разгласишь факт вербовки и назовешь людей, которые с тобой работали, и тебе, и твоей семье будет плохо. Совсем плохо, понимаешь, парень? Мы не прощаем легкомыслия, тем более что ты изучен и подобран ЦРУ для очень важной работы. Но это потом, а пока ты должен легализоваться у себя дома и неукоснительно, слышишь, точно и неукоснительно следовать тем инструкциям, которые будешь постоянно получать в микроточках и шифротелеграммах. Запомни линию своего поведения: прежде всего поступить на работу, затем завести обширные знакомства, поддерживать хорошие отношения со всеми товарищами, встречаться с девушками, короче говоря, жить нормальной для твоего возраста жизнью советского человека. Ясно?

— Ясно. Но поскольку я являюсь агентом ЦРУ, не могли бы вы походатайствовать о присвоении мне воинского звания?

— Об этом я посоветуюсь, парень. А теперь нам нужно выбрать кличку, то есть, черт возьми, псевдоним для тебя. Есть предложения?

— Тигр.

— Тигр? Это почему же тебя потянуло на хищников?

— Вы же сами назвали меня тигром, когда я быстро зашифровал телеграмму на тренировке в прошлый раз.

— Ах так? Ну что же, парень, тигр так тигр.

На одной из последних встреч Гэлбрайт вручил Нилову японский транзисторный приемник «Сони», сообщив, что дважды в неделю после возвращения Александра в Москву («мы узнаем, когда ты приедешь»), во вторник и четверг, в 10 часов вечера на двух частотах из Франкфурта-на-Майне будут передаваться шифрограммы.

— Ты сможешь принимать их на немецком языке?

— Смогу.

— Тогда слушай. Ровно в 22 часа по московскому времени на одной или другой частотах, которые я назвал, прозвучат позывные, которые повторятся три раза. Потом последуют цифры: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 0. Все это будет передаваться в течение десяти минут. После этого ты услышишь десять тональных сигналов, каждый продолжительностью в одну секунду. Вслед за этим голос произнесет слово «группен» и назовет количество групп в сообщении. После окончания передачи всех групп будет произнесено слово «видерхолен» и сообщение повторится.

Конец передачи будет обозначен словом «энде». Понятно?

— А когда я получу дешифровальный блокнот?

— Это второй вопрос. Через две-три недели после приезда домой ты отыщешь по этой схеме тайник. Вот смотри — здесь улица Палиха, так? А вот здесь на углу железный ящик — автоматическая трамвайная стрелка. Между ящиком и стеной дома в промежутке внизу будет валяться деревяшка в форме сломанного топорика с ржавым загнутым гвоздем. Это контейнер. В нем найдешь все необходимое, включая инструкцию и деньги. Изымай контейнер со всеми мерами предосторожности. О конспирации мы с тобой говорили достаточно...

Действительно, говорили. Но ни Нилов, ни его американский вербовщик не подозревали тогда, что их игра уже раскрыта.

Произошло еще одно событие. Накануне отъезда Нилова в Москву в связи с окончанием загранкомандировки Гэлбрайт поздравил его с присвоением звания лейтенанта. «Теперь ты лейтенант Си-ай-эй (т. е. ЦРУ.— Л. К.). Стайся, парень. А в ознаменование этого события получай от нас швейцарские часы «Ролекс» последней марки и доллары на подарки родным и друзьям».

Это была ложь. В ЦРУ воинских званий не присваивают, они остаются лишь у тех, кто пришел в разведку из армии. Нилова обманули, решив сыграть на его тщеславии.

Возвратившись на Родину... впрочем, нет, не на Родину, ее у Нилова уже не было. Возвратившись в Москву, агент ЦРУ с соблюдением всех правил конспирации изъяснял контейнер в

форме сломанного топорща на улице Палиха. Вскрыв его на балконе своей квартиры, Нилов обнаружил намотанную на деревянный стержень прозрачную пленку с напечатанной на английском языке инструкцией агенту, два шифроблокнота, оптическое устройство из двух пулевидных линз для чтения микроточечных сообщений, два листа специальной копировальной бумаги для изготовления тайнописных посланий и 500 рублей денег десятирублевыми ассигнациями.

Согласно инструкции, которую Нилов незамедлительно изучил, ему следовало подтвердить факт «благополучного» изъятия контейнера тайнописной открыткой, которую следовало отправить на подставной адрес Центрального разведывательного управления. Таких адресов было два: один во Франции, другой в США. На парижский адрес открытый текст (письмо-прикрытие) должен был составляться от имени студента-африканца, обучающегося в одном из московских высших учебных заведений. На американский — от имени бизнесмена, находящегося в Москве по коммерческим делам.

Нилов подтвердил тайнописным письмом факт изъятия контейнера и получения его содержимого. И тут случилось непредвиденное — Нилова призвали в армию. Об этом он тотчас же сообщил второй тайнописной открыткой. Перед уходом в армию агент американской разведки собрал все полученное им шпионское оборудование (за исключением двух листов специальной копирки для тайнописи), вложил его в алюминевый футляр от кубинской сигары и поздно вечером тайком зарыл этот самодельный

контейнер в лесопарке, неподалеку от своего дома в районе шоссе Энтузиастов...

Вернувшись из армии, Нилов попытался найти зарытый им контейнер, но все его усилия были тщетны... Он словно в воду канул. В 22 часа по московскому времени во вторник и четверг женский голос начинал передачи на немецком языке. Но агент не слушал этих передач. Это было бесполезным делом. Без дешифровального блокнота, который был утерян, колонки цифр оставались всего лишь колонками цифр и для него...

Во время судебного процесса Нилов скажет:

— Когда я зарывал контейнер, то дрожал от страха и, видимо, запомнил то место, где его оставил.

— А скажите, Нилов, — спросил обвиняемого председательствующий военного трибунала, — если бы сохранилось шпионское оборудование и вы получили бы задание ЦРУ, то выполнили бы его?

— Да, выполнил бы. Конечно, выполнил. Меня же предупредили, что будет со мной и моей семьей в случае нарушения инструкции.

— Значит, трусили?

— Трусил. Каждую ночь мучили кошмары. Просыпался в холодном поту.

— А не появлялась ли мысль о том, чтобы прийти с повинной в соответствующую организацию и попытаться смыть с себя позорное пятно?

— Сначала не появлялась. Потом стала приходиться эта мысль все чаще и чаще. Но я гнал ее от себя, так как считал, что слишком далеко зашел и прощения мне не будет.

...Нилов был арестован в Москве. На первых

же допросах предварительного следствия он рассказал все, абсолютно все. В лесопарке, неподалеку от шоссе Энтузиастов, был найден и контейнер в виде футляра из-под кубинской сигары со всем шпионским снаряжением.

На одном из первых судебных заседаний военного трибунала обвиняемый Нилов сказал:

«Я должен откровенно заявить, что совершенное мною тяжкое преступление против Родины и народа, преступление, которому нет прощения, было обусловлено не факторами моральной распушенности и легкомыслия, а явилось следствием ложного понимания сущности «преимуществ» так называемого «свободного мира» и его «демократии».

В своем последнем слове подсудимый Нилов заявил: «Качества моего характера, качества, недостойные советского человека, были использованы американской разведкой, чтобы склонить меня на грязное сотрудничество со злейшими врагами моей Родины. Я понимаю всю тяжесть содеянного, глубину совершенного преступления. Я раскаиваюсь, что встал на путь измены, на путь предательства интересов моего народа. Мне стыдно перед вами, сидящими здесь, перед родными, перед друзьями, перед самим собой.

Я постараюсь, если мне представится такая возможность, искупить свою тяжкую вину, вновь обрести Родину и доверие советских людей».

Учитывая полное признание вины и искреннее раскаяние в совершенном преступлении, а также то обстоятельство, что американский агент так и не сумел начать активной работы против своей Родины, военный трибунал Мос-

ковского военного округа считал возможным применить к Нилову Александру Борисовичу, 1949 года рождения, минимальную меру наказания для такого рода преступлений.

Эпилог

И все-таки почему же Нилов? Почему именно Александр Нилов попал в поле зрения американской разведки и был в конечном итоге завербован ее представителем в лице уже упоминавшегося нами Вильяма Гэлбрайта? Я думаю, что не стоит мудрствовать лукаво в том, что касается самого Нилова. Он дал, на наш взгляд, верную оценку себе и своему поведению. Добавим к уже сказанному им во время процесса еще один абзац.

«У меня не было друзей и подруг. Я имею в виду настоящих, — скажет он в одном из своих выступлений. — Будучи молодым и самоуверенным, не имея достаточного жизненного опыта, я легко поддавался на вражескую пропаганду и явился жертвой собственной глупости».

Когда председательствующий военного трибунала спросил Нилова, через кого, по его мнению, лучше всего могла изучать американская разведка его кандидатуру на вербовку, он ответил: «Лучше всего она могла это сделать через Дональда Халлетта... И его друзей, разумеется».

Что привлекло в Нилове американского агента Дональда Халлетта? Конечно, молодость, конечно, неопытность. А затем такие открывшиеся в молодом инженере черты, как тщеславие, эгоизм, трусость, корыстолюбие. И неразборчивость в связях. Халлетт сразу же заметил и эту

его черту. Ведь недаром в самый разгар «романа» между Ниловым и Глорией Харамийо, когда Александр пожаловался на «неуступчивость» своей возлюбленной, американский агент незамедлительно дал «конструктивный» совет своему новому «другу»:

— Мой дорогой, зачем так мучить себя? У нас в фирме работает математиком-программисткой Сандра Томас. Она, правда, бальзаковского возраста, но женщина что надо, без претензий. Глория Глорией, но ты же мужчина.

— Но мне не очень удобно. Мы едва познакомились...

— Пустяки. Завтра можешь нагрянуть к ней с визитом. Не утром, конечно. Я обо всем договарюсь. Ты ей, кстати, нравишься.

Потом на процессе Нилов скажет, что программистка сама его «затащила в постель»... Вполне возможно. Потому что Нилов стал очень нужен американской разведке. На него была сделана крупная ставка. Молодой, способный, перспективный. Не пожалели ради этой «перспективы» и самого Халлетта. Еще в Алжире познакомился он с сотрудницей нашего представительства (назовем ее Т.). Халлетт даже обещал жениться на ней, когда наступит «удобный момент». Такой момент наступил нескоро. Американским спецслужбам потребовалось время, чтобы убедиться в том, что Т. сможет поддерживать «дружеские» отношения с Ниловым. Когда Нилов оказался в Москве, Халлетт спешно развелся со своей женой, бросив ее с двумя детьми, и зарегистрировал свой брак с Т. Странная это была свадьба. Как рассказывали некоторые из присутствующих, после ресторанного застолья молодые разъехались в разные сторо-

ны. Дональд Халлетт поехал к друзьям, а его новая жена — к своему старому любовнику... Но как до свадьбы, так и после нее Халлетт использовал любые возможности, чтобы побывать в Москве и через знакомых своей жены получить о Нилове любую информацию. Один раз он даже подъехал к дому, где жил Нилов, когда тот уже был арестован, но зайти не решился.

Вот и на этот раз американские хозяева вновь послали своего агента Халлетта на разведку. Даже после ареста Нилова они захотели узнать о нем все, что можно, получить информацию о том, что Тигр рассказал следствию. А рассказал он следствию все...

Из рассказанной истории напрашивается один вывод. Уж очень благодушными выглядят подчас некоторые наши советские люди, думающие, что «эпоха шпионов» продолжает свою жизнь только на экранах кинотеатров и телевизоров. Это очень опасное благодушие. В мире идет ожесточенное «противоборство умов». Оно не ослабевает, и в этой борьбе со стороны наших противников активную роль продолжает играть и ЦРУ, и другие секретные патовские службы.

Древние недаром считали, что повторение случайностей может превратиться в закономерность. Если около вас, особенно когда вы за рубежом, появилась раз, а потом второй и третий очередная «глория», если с первой минуты знакомства новый «приятель» начинает превозносить ваши достоинства и «образ мышления», если вам дарят ни с того ни с сего дорогие сувениры, присмотритесь к «глориям» и «приятелям» повнимательней. Может, это отнюдь не случайно...

ЛОВУШКА

— Как противник вы сегодня не стоите и ломаного гроша, Анатолий. Что случилось?.. Может быть, нездоровится?

— Нет, я в порядке. Просто не везет, мистер Кейн.

— Тогда, может быть, на этом и закончим. Впрочем, если хотите, заедем ко мне... По глоточку виски со льдом? Надо же отметить мой триумф.

— О'кей...

В последнее время они встречались довольно часто на теннисном корте. Они — это сотрудник советского представительства и первый секретарь американского посольства в одной из африканских стран. Знакомство завязалось на одном из дипломатических раутов и потом продолжалось на почве обоюдной увлеченности теннисом... Американец играл слабее, но в тот день его словно подменили. Все шесть сетов он выиграл на одном дыхании. Что ж, ничего не оставалось, как признать поражение и отправиться пить виски со льдом.

Они подъехали к вилле каждый на своем автомобиле. Американец вышел первым и подждал своего партнера по теннису у входа в дом.

— Вы меня извините, Анатолий, но по субботам я отпускаю прислугу, жена в Штатах, так

что за хозяйку буду я. Не взыщите за столь неорганизованный прием.

— Ну, зачем церемонии?

— Кстати, мы можем и позавтракать вместе...

— Спасибо. К сожалению, я не могу быть у вас слишком долго.

— Ну, как знаете... Идемте в бар.

В комнате, которую американец назвал баром, царил полумрак. В углу находилась небольшая стойка из темного дерева и четыре высоких «вертушки» — круглых стула. На одной из стен висел небольшой экран, напротив него на столике стоял проектор.

— Вы неплохо устроились, мистер Кейп. Гости у вас могут вкусить не только «хлеба», но и «зрелищ».

— Не столько «хлеба», сколько хлебного напитка. Да, иногда я прокручиваю своим друзьям любительские кинофильмы, свои и чужие. Кстати, один из них я хотел бы показать вам. Очень неплохо получился. Но сначала выпьем...

Мягко застрекотал проектор, замелькали кадры фильма. Фильма без титров. Мужчина обнимал полураздетую женщину. В мужчине гость виллы узнал себя, в женщине — случайную знакомую, в доме у которой побывал всего лишь раз. Лоб покрылся испариной, к горлу подкатил тошнотворный комок, в бокале с виски зазвенели нарастающие кусочки льда. А в голове уже возникала другая картина... Это было случайное знакомство. Она — молодая, привлекательная, разговорчивая, эрудированная женщина. Приехала ненадолго, занимается лингвистикой...

«Да, так оно и было, — лихорадочно вспоми-

нал он.— Зашел разговор о литературе. Она сказала, что дома у нее есть редкие книги. Почему бы не заехать? Какие-то книжки, кажется, она показывала. Впрочем, сначала пили. Тоже виски со льдом. Но в голову алкоголь ударил очень быстро. А потом эта лингвистка начала... Нет, сначала она, пристально взглянув, спросила: «Вы не очень строгий моралист?» — «Нет, не очень». — «А как насчет комплексов?» — «У меня нет комплексов». — «Тогда о'кей...» Она раздевалась, как профессионалка из стриптиза. Медленно, со знанием дела. Ну конечно! Как же было не догадаться? Она же позировала перед объективом, эта потаскуха. А на уровне ее бедер торчала моя пьяная, похотливая рожа. Вот опять... еще раз... крупным планом...»

Экран погас. Стрекот прекратился. Американец подошел к окну, поднял жалюзи. В комнате стало светло.

— Ну что же, Анатолий, подведем итоги. Сегодня вы мне проиграли дважды. Во-первых, в теннис, и, во-вторых... Девочка — наш агент. Она уже уехала. Как это говорится: мавр сделал свое дело, мавр может уходить. А вот пленка осталась. Прекрасное качество, не правда ли? Очень высокая светочувствительность. Там, в комнатке, где вы развлекались, горело всего лишь четыре свечи, и так все контрастно... Пейте, пейте, Анатолий. Ничего страшного не произошло. Конечно, вы считаете, что мы поступили не как джентльмены. Но что делать? Приходится считаться с обстоятельствами. У вас в стране очень строго следят за моральным обликом заграничных служащих. И это очень хорошо... То, что вы испытываете слабость к слабому полу, стало известно нашим людям еще во время ва-

шей работы в Лаосе. Они обратили внимание и на то, что на приемах вы не боялись опрокинуть лишний фужер, и на то, что чаще, чем другие, ходите по магазинам, и на то, что очень любите покупать дорогие и редкие вещи, на которые у вас не всегда хватало денег... Итак, женщины, вино и деньги. Женщину с вином мы уже вам обеспечили, а деньги предложим сейчас. Мы будем хорошо платить. Очень хорошо. Соглашайтесь. Работа несложная и абсолютно безопасная.

— Я должен подумать.

— Думать некогда. Или вы сейчас даете подписку о сотрудничестве с нашей разведывательной службой, или ваше начальство получит завтра ролик, который мы только что посмотрели. Вы же знаете, что будет потом...

Так или примерно так (автор, конечно, не присутствовал на встрече) начинался разговор между американским разведчиком Кейном и советским гражданином А. Н. Филатовым, закончившийся тем, что Филатов под давлением предъявленных ему компрометирующих материалов дал согласие работать на Центральное разведывательное управление США. Это произошло в январе 1974 года, а в июле 1978-го в Москве над американским шпионом Филатовым состоялся суд. Подсудимый признал себя виновным по всем статьям предъявленного ему обвинения в измене Родине в форме шпионажа и сам для себя определил в последнем слове меру наказания. Исключительную...

История эта вызвала впоследствии не очень, правда, шумные комментарии западной печати, в том числе и американской. Вот что писал в журнале «Ньюсуик» некий Дэвид С. Мартин,

который, как утверждает этот журнал, «...внимательно изучил слабо освещенное в печати дело Филатова и подготовил сообщение...». Нам хотелось бы процитировать это «сообщение»: «Филатов — русский дипломат в невысоком ранге, был завербован в Алжире сотрудником американской секретной службы при помощи, как говорят в ЦРУ, «медовой ловушки», то есть компрометирующей ситуации с использованием женщины... Филатов был заснят в соответствующей ситуации, и потом его начали шантажировать. Сотрудники секретной службы позднее выдавали ему различные суммы денег, в том числе 24 золотые монеты царской чеканки, а также снабдили Филатова шифроблокнотами, средствами тайнописи, радиоприемником и миниатюрным фотоаппаратом, закамуфлированным под газовую зажигалку. В советских сообщениях не упоминается, что именно ЦРУ завербовало Филатова, однако в Вашингтоне никто не стремился утверждать, что это сделал кто-то другой. Когда Филатов в 1977 году вернулся в Москву, началась его настоящая работа... Большей частью он действовал один, принимая многочисленные инструкции, передаваемые по радио с использованием быстродействующей аппаратуры. Филатов пользовался наушниками, когда члены его семьи находились рядом, записывал сигналы на магнитофонную ленту, затем медленно воспроизводил записанное для расшифровки. Он направлял информацию из страны с использованием тайнописи в письмах с безобидным содержанием. Но для передачи фотопленок, снятых с помощью фотоаппарата-зажигалки, а также для получения разных инструкций он должен был пользоваться

тайниками, расположенными в различных районах города.

Человеком, с которым Филатов в основном поддерживал контакт, был, по-видимому, сотрудник ЦРУ Винсент Крокетт, который числился в списках посольства США в должности архивиста бюро майора Роберта Уоттерса — сотрудника военной разведки. В сентябре 1977 года, после менее чем шестимесячного пребывания в Москве, Крокетт и его жена были пойманы у одного из тайников Филатова на Костомаровской набережной, где протекает река Яуза. Супруги Крокетт без шума были высланы из Советского Союза (Бекки писала друзьям в Рестон, штат Вирджиния, что она уезжает в связи с пожаром в посольстве) и уехали на работу в Бонн. Русский агент ЦРУ был арестован...»

Что ж, все это, вероятно, и недалеко от истины, но очень уж конспективно излагает эту шпионскую историю журнал «Ньюсуик». Мы постараемся дополнить его рассказ. Но сначала несколько слов о предательстве вообще и о предательстве Филатова в частности. Библейский Иуда Искарriot — один из апостолов, предавший своего учителя за тридцать сребреников, согласно Новому завету, сделал свое имя синонимом предательства. Известная шпионка Мата Хари предлагала услуги агента всем, кто ей щедро платил, и поплатилась жизнью за любовь к наживе. Ублюдок Власов изменил своей Родине, перейдя на сторону фашистов, потому что был патологическим трусом. Злоба, корысть, зависть, себялюбие, эгоизм, трусость, моральная нечистоплотность... Только самые низменные чувства делают людей предателями. «Срав-

нить предателя не с кем и не с чем... Даже тифозную вошь сравнение с предателем оскорбило бы». Эти слова принадлежат Максиму Горькому, и вряд ли кто может усомниться в их правоте.

Анатомия любого предательства обычно не блещет оригинальностью. И Филатов не был исключением из правила. На что обратила в первую очередь внимание американская разведка, начав изучать этого человека? На его моральную нечистоплотность. Центральное разведывательное управление не сомневалось в успехе. Оно знало, что Филатов не откажется от любовной интриги, что он наверняка попадет в эту подготовленную для него «медовую ловушку». А потом в ход пошел шантаж (Филатов был трусом), деньги (Филатов был жаден), лесть (Филатов был тщеславен).

...Досконально изучив Филатова во время его работы за рубежом и убедившись, что целый ряд его отрицательных качеств позволяет рассчитывать на благоприятный исход вербовки, американская секретная служба заманила его в хитро подстроенную ловушку и, казалось бы, добилась своей цели. Не так уж сложно было и обучить новоявленного агента премудростям шпионского дела: условиям связи, шифровке и дешифровке радиотелеграмм, правилам конспирации и так далее. Но одно дело, когда благоприобретенный агент находится вне пределов своей страны, совсем другое — когда он в этом качестве попадает на родную землю. Ведь это совсем непросто — жить среди своих соплеменников, каждодневно, ежечасно предавая их. А ему волей-неволей пришлось приступить к исполнению своих подлых обязанностей. Филатов

начал принимать шифровки из разведывательного центра во Франкфурте-на-Майне, отправил на подставные адреса несколько тайнописных сообщений, содержащих сведения шпионского характера, приступил к подысканию мест для встреч и тайниковых операций... Нет, нелегко было Филатову. Как бы низко ни пал человек, но ужас от содеянного рос, как снежный ком, делал невыносимым существование. Одна и та же мысль не давала покоя ни днем, ни ночью: как бы вырваться из ловушки, выпутаться из паутины предательства.

Филатов возвратился в Москву врагом своего народа, агентом Центрального разведывательного управления, давшим подписку о тайном сотрудничестве с американской секретной службой. Но ни он, ни его заокеанские хозяева не подозревали, что советские контрразведчики начали готовить операцию, по замыслу которой «специалисты» из ЦРУ, устроившие хитроумную западню для Филатова, сами должны были угодить в ловушку, но уже несколько иного свойства...

А американцы между тем решили наладить более действенную связь со своим агентом через тайники. В августе 1977 года Филатов получил из разведцентра несколько шифротелеграмм и тайнописных писем. Приводим одно из них так, как оно было составлено, не внося никаких поправок: «Дорогой «Е», нам не удалось доставить у «Река» 25 июня, так как за нашим человеком была слежка и ясно, что он даже не подходил к месту. Благодарим за «Лупакова» письмо. Хотя мы и проверили «Стуб» адрес несколько раз, «Стуб» письмо, вероятно, пропало на почте. Это, к сожалению, иногда случается.

Это не должно вас волновать, т. к. ваши копирки очень надежны и ваша техника при тайнописи отличная. Миниаппарат и кассеты, которые мы вам дали, теперь нужно уничтожить. И аппарат и миникассеты можно использовать лишь определенное время и этот срок истек. Просим уничтожить эти материалы надежным способом, как, например, забросить их в глубокую часть реки, когда вы уверены, что на вас никто не смотрит. Если вы использовали часть кассет для оперативной фотографии, их все еще можно проявить. Сберегите их для нашей передачи нам у места «Клад». Также в вашем пакете для «Клад» просим сообщить нам, какое маскировочное устройство, не включая зажигалки, вы предпочитаете для миниаппарата и кассет, которое возможно что мы захотим вам передать в будущем. Так как было с зажигалкой (первый миниаппарат, который передали Филацову, был вмонтирован в зажигалку.— Л. С.) мы опять хотим, чтобы у вас было маскировочное устройство, которое скрывает ваш аппарат и в то же время действует правильно. Помимо вашего аппарата и кассеты просим уничтожить кристаллы и батарейки ОСБ-26, которые мы вам дали. Они вам больше не будут нужны. Мы считаем, что проблемы у вас возникают, когда слушаете наш радиоцентр в связи с сезонными обстоятельствами, которые должны значительно улучшиться осенью. Вы заметите, что на блокнотике мы даем вам новое решение для радиопередач. Надеемся, что оно будет более удобным для вас. Новое расписание: по пятницам 24.00 ч. на 7320 (41 м) и 4990 кгц (60 м) и по воскресеньям в 22.00 ч. на 7320 (41 м) и 5224 кгц (57 м). Чтобы улуч-

шить слышимость наших радиопередач, мы вам очень советуем использовать находящиеся в этом пакете 300 рублей на покупку «Рига 103-2», радио, которое мы тщательно проверили и считаем, что оно хорошее. Ясно, что если вы уже используете или недавно купили «Рига 103-2», истратьте 300 рублей как хотите. В этот пакет мы тоже включили маленькую пластмассовую таблицу преобразования, при помощи которой вы можете расшифровывать наши радиопередачи и зашифровывать вашу тайнопись. Просим осторожно с ней обращаться и хранить. Мы согласны с вашим советом изменить день возобновления связи у стадиона «Динамо» с субботы на пятницу».

Теперь расшифруем для читателей некоторые непонятные обозначения. Слово «Река» означало место, где американский разведчик должен был оставить контейнер со шпионским снаряжением и деньги для Филатова. Место это находилось на Костомаровской набережной. «Лупакова» письмо и «Стуб» адрес — это тайнописное письмо, которое Филатов отправил на подставной адрес и которое американская спецслужба не получила. Место «Клад» — это еще один из тайников, который был специально подобран для Филатова сотрудниками американской резидентуры, обосновавшейся в посольстве США в Москве. Об этом тайнике агенту Филатову было сообщено следующей шифротелеграммой: «Тайник «Клад». Проезд от метро Юго-Западная, автобус № 66 по направлению вне города до четвертой остановки — «Востряковское кладбище». Войти на кладбище через главный вход, который вы увидите, сойдя с автобуса. Поверните направо и идите вдоль стены

пока не дойдете до стороны, параллельной МКАД. Справа вы увидите подпорный столб из бетона. Положите ваш пакет, завернутый и зашитый в промасленную тряпку, у основания первого столба от входа на кладбище. Покидайте район через главный вход, который около автобусной остановки. Заметка. Этим тайником надо пользоваться в субботу или в воскресенье. Необходимо положить ваш пакет и покинуть район до 10.00 часов».

Подбор мест для тайников и бесконтактных встреч — дело, прямо скажем, в условиях Москвы не простое, особенно для тех, кто настырно ищет такие места. У американцев, насколько мы понимаем, этим делом занимаются специально выделенные люди. Место для операции по связи с Филатовым на Костомаровской набережной, которое потом получило кодовое название «Река», американские разведчики долго проверяли, оценивали и прикидывали на предмет годности и «безопасности». Чем в конечном итоге привлекло оно американских «специалистов», что побудило их остановить на нем выбор? Осмелимся высказать свое предположение на этот счет. Дорога, идущая по набережной, делает в одном месте крутой поворот. Поэтому человек, едущий на машине, на какое-то время исчезает из поля зрения того, кто следует, скажем, сзади...

Итак, место для передачи шпионского контейнера было найдено, признано подходящим, занесено в соответствующие оперативные дела ЦРУ и ждало своего часа. Необходимо было еще подобрать исполнителя операции. И вот им-то и стал Винсент Крокетт. Он приехал на работу в посольство США на очень скромную

должность — так называемого гражданского помощника атташе по вопросам обороны.

Крокетт еще сравнительно молодой человек. Ко времени описываемых событий ему было 30 лет. Женат. Жена Бекки всего лишь на один месяц моложе своего мужа. Супруги внешне похожи друг на друга. Так бывает, когда живут люди вместе долгие годы, да к тому же, как в данном случае, занимаются одним и тем же делом. Правда, есть между супругами и разница: если Винсент Крокетт даже в хорошем расположении духа выглядит насупленным и угрюмым, то Бекки в любых ситуациях всегда лучезарно улыбается.

Короче говоря, Винсент Крокетт, как читатель уже знает из сообщения журнала «Ньюсуик», был тем персонажем, которого Центральное разведывательное управление США прислало в Москву специально для связи с Филатовым. Скромный молодой человек, на небольшой должности, примерный семьянин, застенчивый, не стремящийся к знакомствам... Какое-то время ушло у Крокетта на ознакомление с Москвой и окрестностями, какое-то время на подготовку к передаче шпионского контейнера Филатову. Операция была назначена на 2 сентября 1977 года.

И вот где-то в конце августа под крышей посольства США в Москве резидентура ЦРУ начала готовиться к операции. Этим последним приготовлениям не помешал даже пожар, случившийся в посольстве, при тушении которого Винсент Крокетт, как он потом не без гордости будет похвастаться при всяком удобном случае, получил производственную, так сказать, травму — обжег ладонь руки. Этот инцидент хотя и

не имеет прямого отношения к нашему повествованию, но еще сыграет свою роль в дальнейшем... Перед заинтересованными лицами стоял один-единственный вопрос: как передать Филатову контейнер со шпионскими материалами и деньгами? Как обеспечить безопасность самого Крокетта? Ему предстояло взять с собой миниатюрный радиоприемник со столь же миниатюрным наушником. В день операции он будет помещен в специальный бандаж, который Крокетт наденет на голое тело, под майку. По идее, радиоприемник нужен для того, чтобы попытаться перехватить разговоры советских контрразведчиков, которые могут оказаться поблизости... Еще раз тщательно проверили сам контейнер, присланный специально из-за океана. Это — пустотелый обрезок кабеля, в который вложены 300 рублей денег двадцатипятирублевыми ассигнациями, пять пустых почтовых конвертов с подставными адресами на иностранном языке, несколько шифроблокнотов, ручка для тайнописи и очередная инструкция. Контейнер будет обернут пропитанной мазутом рваной тряпкой, чтобы не возбудить интереса у случайного прохожего: валяется, мол, какая-то тряпка, ну и шут с ней...

Впрочем, валяться контейнер не должен был слишком долго. По условиям связи интервал между его закладкой и изъятием составлял всего 15 минут.

Итак, все было готово к операции. Оставалось ждать еще подтверждения от Филатова. В обусловленное время оно последовало. Филатов позвонил. Все, казалось бы, шло по плану. Теперь настала очередь Крокетта.

В день операции, а это было, напомним еще

раз, 2 сентября 1977 года, Крокетт старался вести себя как можно естественнее, и он, видимо, считал, что это ему удалось. Во всяком случае, около восьми часов вечера Крокетт вместе с женой оказался в Салтыковке в очень популярном среди иностранцев ресторане «Русь». Это тоже не должно было вызывать подозрений. Американские дипломаты довольно часто устраивают семейные ужины в ресторанах. Супруги ужинали весьма скромно: бутылка сухого вина да холодная закуска. Впрочем, и вино оказалось недопитым, и закуска почти нетронутой. Винсент и Бекки сидели молча, тревожно смотрели по углам и внимательно следили за входом в ресторан, вернее, за теми, кто входил и выходил из него. Бекки судорожно прижимала к животу сумку, как будто бы в ней лежали по меньшей мере контрабандные алмазы. «Повеселившись» таким вот скромным образом часа два, супруги расплатились, вышли из ресторана «Русь» и поехали по направлению к дому. Винсент сидел за рулем, Бекки находилась рядом, все так же судорожно прижимая свою сумку. Проехали по одной улице, по другой. Все вроде бы было спокойно. Крокетт вывел свою автомашину на Костомаровскую набережную. Она в этот поздний час была пустынна. Ни одного автомобиля впереди, ни одного сзади.

Крокетт ехал небыстро. Когда автомашина проезжала мимо осветительного столба, сразу после того, как набережная делает крутой поворот, Бекки по команде мужа выбросила из окна автомашины по направлению к забору контейнер. А затем машина словно получила дополнительные лошадиные силы. Набрав скорость, она понеслась по Костомаровской набережной

до развилки, ведущей к улице Чкалова. Крокетту и его жене казалось, что дело сделано, что все неприятности остались позади. Американскому разведчику не пришла в голову никакая тревожная мысль, даже когда он увидел поднятый светящийся жезл сотрудника ГАИ. «Наверное, превысил скорость», — подумал Крокетт, спокойно протягивая свои водительские права. Но случилось непредвиденное — последовала не очень приятная процедура, которая происходит с людьми, пойманными с поличным в шпионском деле. Трудно отрицать, что контейнер не твой, когда сиденье автомобиля, платье жены и ее руки вымазаны мазутом; что можно сказать, если находят специальную радиоаппаратуру, а из уха выпадает миниатюрный наушник; как оправдаться, если все шпионские атрибуты налицо. Неудачливый разведчик пытался, правда, имитировать «дипломатический инцидент». Потрясая рукой, кричал, что его кто-то укусил в ладонь: «Смотрите, у меня кровь, а я американский дипломат». Крокетта осмотрел специально приглашенный врач. Оказалось, что рана на ладони у него действительно имеется. Правда, давняя, полученная Винсентом при тушении пожара в посольстве США. При задержании он сорвал повязку и расковырял болячку для пущей «драматичности». А вот жена Крокетта, Бекки, даже стала кусаться. Следы ее зубов еще долго оставались на руке одной из понятых, присутствовавшей при задержании.

Трудно сказать, был ли «героизм» Крокетта по достоинству оценен его начальством. Провалившегося разведчика и его жену направили, как писал позднее журнал «Ньюсуик», на работу в Бонн. Где они сейчас, мы не знаем. Но хо-

тели бы предупредить тех, кому придется впредь сталкиваться с этими американцами. Учтите, Бекки кусается, а Винсент может и прикинуться укушенным... Прикидывался простачком он и в приемной Комитета государственной безопасности СССР, куда его вместе с женой привезли уже поздно ночью: «Ни в чем, мол, не виноват». Но трудно возражать против фактов и вещественных доказательств. Не возражал против фактов и американский консул Гросс. «Извините, что мы потревожили вас в этот поздний час, мистер Гросс,— сказал ему представитель Комитета государственной безопасности СССР,— но, право, не мы в этом виноваты». «Мне все ясно,— ответил мистер Гросс.— Но только уж очень часто мы стали встречаться с вами по ночам...»

Ну вот, кажется, и все. Такая вот произошла история, закончившаяся очередным провалом тщательно подготовленной американской разведкой операции. Финал в общем-то закономерный, и вряд ли можно ожидать иного. Трудно заокеанским разведчикам работать на советской земле. Очень трудно. Но облегчить их «жизнь» в нашей стране мы ничем, к сожалению, не можем.

М. Степичев

«ГОСТЬ» ПОСОЛЬСТВА

В семидесятые годы советскими чекистами была разоблачена большая группа кадровых сотрудников ЦРУ, подвизавшихся в СССР под видом дипломатов. Многие из них пойманы с поличным, когда проводили разведывательные операции. В момент закладки инструкций и шпионских материалов для агентов американской разведки Капоаяна и Григоряна были задержаны атташе американского посольства в Москве и его жена — кадровые сотрудники ЦРУ.

У разоблаченных агентов ЦРУ и пойманных с поличным американских разведчиков было изъято большое количество самого разнообразного шпионского снаряжения и материалов. Миниатюрные фотоаппараты для съемки документов под видом зажигалок и авторучек и радиоприемники. Шифры и коды. Инструкции по связи и задания ЦРУ для сообщения секретной информации. Пистолеты, извергающие нервно-паралитический газ. Ампулы со смертоносным ядом — цианистым калием. Все это снаряжение доставляется в нашу страну по дипломатическим каналам.

Что стремятся «добыть» разведчики и агенты ЦРУ в нашей стране? Секретные сведения об

оборонном потенциале наших Вооруженных Сил, объектах, намечаемых Пентагоном для ядерных ударов, о советской экономике. ЦРУ в немалой степени интересуют взаимоотношения СССР с другими государствами, между нациями и народностями нашей страны. Идет прямо-таки «охота» за учеными и конструкторами, новейшими достижениями науки и техники, чтобы ослабить и использовать в своих целях научный потенциал СССР. Эта грязная враждебная деятельность против нашей страны осуществляется по указанию высшего американского руководства.

Шпионаж, диверсии и террор, радиоклевета и дезинформация, применение радиоэлектронной аппаратуры, новейших технических и химических средств, разведывательные спутники, корабли и самолеты, напичканные специальными приборами здания официальных представительств, многочисленные базы радиоразведки вблизи советских границ — все это поставлено на службу разведывательно-подрывной деятельности против СССР.

Но на какие бы ухищрения ни шел противник, всюду на его пути надежным заслоном стоят советские чекисты-контрразведчики. Они зорко следят за происками империалистических разведок, решительно пресекают деятельность тех, кто становится на путь антигосударственных, враждебных действий, кто посягает на права советских людей, на интересы советского общества.

Этому немало примеров. Вот один из них, связанный с разоблачением американского шпиона Калинина.

В поле зрения американской разведки Калинин появился неожиданно.

...Рослый, угрюмый парень с хитровато бегающими глазами ходил по американской выставке в Москве. Порой настороженно осматривался вокруг. И вот, улучив момент, когда поблизости не было посетителей, Калинин быстро подошел к американскому гиду и сказал ему:

— Интересуюсь жизнью в Штатах. Нет ли у вас чего-нибудь почитать на эту тему? Лучше на русском языке. Презентуйте.

— Говорите тише,— предупредил американец.— Могу презентовать вам книги и журналы, но только завтра.

— Это мне не подходит,— ответил Калинин.— Я в Москве проездом, после увольнения из армии. Завтра утром буду уже дома в Ленинграде.

Услышав слово «увольнение» и смерив Калинина взглядом, гид сказал:

— Тогда, может быть, сегодня вечером, но не здесь, а в городе.

Встреча состоялась в назначенное время. Вместе с гидом на нее пришли два сотрудника американского посольства. Они предложили Калининну проехаться за литературой об Америке в их «московский дом».

Поколесив по городу в посольской автомашине, американцы привезли его в особняк посольства США. На прием? Нет, для шпионской работы.

Этим сразу же занялись сотрудники посольства, а точнее, сотрудники ЦРУ, прикрывавшиеся мантией дипломатов. Парень оказался словоохотливым, податливым. Он понемногу начал выдавать то, что ему было известно о воинских частях, их расположении, боевой технике, назвал адреса сослуживцев, фамилии командиров.

Будучи человеком морально неустойчивым, считавшим себя обойденным по службе, Калинин стал высказывать различные измышления о нашей действительности. Личные обиды и неудачи заслонили от него окружающий мир.

Это почувствовали опытные разведчики. Они подчеркнуто стали проявлять к Калинину особое внимание.

— Ты наш парень, — похлопывая по плечу, говорил американец. — Со временем станешь богатым. Выполнишь только несколько поручений — и откроем счет в банке США.

И Калинин стал на преступный путь. Ему поручили собирать секретную информацию о ленинградских предприятиях. Дали деньги и сувенир — шариковую ручку с автографом президента США. Однако на этом американцы с ним не расстались. Калинина оставили в особняке. «Дипломаты» обучили его тайнописи, способам связи и передачи материалов. Не кощунство ли это: в дипломатическом представительстве, где проходят официальные встречи, приемы, беседы, произносится немало слов о мире, идет вербовка и подготовка шпионов?

Через день поздно вечером скрытно, на дипломатической машине Калинина, прикрыв ковриком, вывезли из особняка и доставили к станции метро «Смоленская». В тот же вечер он выехал в Ленинград и вскоре сумел устроиться на предприятие оборонной промышленности и начал собирать сведения, которые требовали от него разведчики ЦРУ...

Все это стало известно потом, в ходе следствия по делу Калинина. А пока в распоряжении чекистов были лишь разрозненные факты и подозрения. Мимо их внимания не прошло то, что

один из посетителей на американской выставке назойливо старался установить контакт с иностранцами. Не осталась незамеченной для чекистов и беседа с американским гидом рослого, угрюмого парня с хитроватым взглядом. И тогда же встал вопрос: что заставило парня толкаться на выставке? Только ли любопытство?

Так началась операция, одна из многих...

С помощью работников выставки удалось воссоздать приблизительный облик этого человека. Потом стало известно, что это был приезжий, находился в столице несколько дней. Затем, словно на локаторе, нити скрестились там, где останавливался Калинин, когда был в Москве, дальше следы повели к берегам Невы.

...После возвращения сына из армии Вера Александровна буквально извелась. Три месяца Владимир нигде не работал, гулял да слушал зарубежное радио. Мать не раз с возмущением говорила о лживости западных голосов, просила не забивать ими голову, но сын гнул свое, хвалил западный образ жизни.

— Откуда знаешь это? Ведь не прав же, — урезонивала мать, старая ленинградская работница, перенесшая блокаду. — Где ты набрался такой глупости? Не смей хаять наш родной советский дом.

Родственники и знакомые поддерживали мать, тоже корили Калинина, но он нервно, грубо обрывал их. Калинин принимал клеветнические, ядовитые передачи зарубежных радиостанций «Свобода», «Голос Америки», «Немецкая волна» за чистую монету.

Однажды из Москвы Калинин у получил письмо. Он был за городом. Прочитав письмо, мать удивилась: адрес написан рукой сына, а текст

письма — другим почерком. Как же так? И текст-то странный: «Болят ли у Ниночки зубки? Ходишь ли ты на Невский?» Что-то нехорошее почувствовала Вера Александровна во всем этом.

Вскоре на имя Калинина пришло второе странное письмо. Утром мать видела, что сын гладил брюки. Потом отложил их и стал утюжить письмо. Зачем бы это? Сердце матери защемило, она почувствовала, что с сыном происходит что-то неладное. И когда Владимир ушел из дома, мать посмотрела письмо-шифровку.

«Сын попал в какую-то грязную историю», — решила Вера Александровна и, переписав этот непонятный, но встревоживший ее текст письма, пригласила к себе подругу Надежду Петровну.

— Надюша, посмотри. Володька-то что получил.

...Мать в это время болела, и было решено, что Надежда Петровна пойдет в органы госбезопасности, расскажет обо всем и посоветуется, как быть дальше. Там внимательно выслушали Надежду Петровну и поблагодарили ее.

Чекисты в это время уже знали о Калинине то, что еще не было известно его матери.

Здоровье Веры Александровны стало хуже, через несколько дней ее отвезли в больницу. И в это же время Калинин, получив обманным путем краткосрочный отпуск на предприятии и говоря всем, что едет в Гатчину, вылетел в Москву, чтобы взять шпионский контейнер, заложенный для него разведчиками ЦРУ.

Вечером Калинин прошел несколько раз возле телефонных будок недалеко от Белорусского

вокзала и в 23 часа 05 минут взял из тайника магнитный контейнер. После этого пытался скрыться, но был задержан оперативными работниками. Из контейнера извлекли шифроблокноты, копірку для нанесения тайнописного текста, письма-прикрытия, предназначенные для отправки за границу шпионских донесений на подставные адреса.

Во время следствия Калинин вначале пытался изворачиваться, врать, клеветать на своих сослуживцев, родственников. Однако, уличенный бесспорными доказательствами в совершенном преступлении, вынужден был рассказать о своей шпионской работе, связях с представителями ЦРУ. Он полностью признал себя виновным в тягчайшем преступлении против Родины — шпионаже.

Против него была гора улик: разведывательные инструкции ЦРУ, шифроблокноты, средства тайнописи, информация, подготовленная для передачи американской разведке, пачки денег, пропуска и чистые бланки, выкраденные им на предприятии.

На судебном процессе Калинин цинично заявил: «Совершая преступление, я не задумывался о последствиях сбора и передачи американцам секретных сведений военного характера. Я в основном думал о материальной выгоде, которую я буду иметь от связи с американской разведкой».

Это вызвало взрыв негодования тех, кто присутствовал на процессе. «Отдал душу дьяволу, продал Родину — так отвечай сполна, предатель», — раздался негромкий, но суровый голос из зала.

Л. Колосов
Б. Ларин

«ВАНЯ» ИЗ ЛЭНГЛИ

Перед нами короткая газетная заметка: «Органами государственной безопасности СССР арестован советский гражданин Капустин Е. А., работавший до ареста на одном из предприятий г. Москвы. При аресте у Капустина Е. А. обнаружены и изъяты разведывательные задания, шифры, инструкции по поддержанию конспиративной связи и другие материалы, неопровержимо свидетельствующие о шпионской работе с Капустиным представителям ЦРУ, действующих под видом сотрудников посольства США в Москве. Ведется следствие».

...Из показаний Евгения Капустина: «День 17 ноября 1982 года я запомнил хорошо, потому что по телевидению должны были транслировать футбольный матч с моей любимой командой. Договорился с мастером, что уйду пораньше с работы. Приехав домой, я разделся и включил телевизор. И тут же раздался телефонный звонок. Знакомый американец сказал, что для меня заготовлен пакет, и предложил немедленно забрать его, подробно объяснив, где расположен тайник. Я спросил, можно ли поехать завтра, чтобы изъять тайник. «Нет, только сегодня», — категорически заявил он. Приехав к названному

месту и найдя телефонную будку, за которой находился тайник, я решил пойти дальше, чтобы убедиться, не следят ли за мной. Не заметив ничего подозрительного, я подошел к телефонной будке и вытащил предназначенный мне тайник. Это была грязная рабочая рукавица. Вернувшись домой, я рассмотрел, что находилось в рукавице...»

...И вот следствие закончено. Наступило время рассказать более подробно о шпионе Капустине и неблагоприятных делах, которыми занимаются в нашей стране американские разведчики, выступающие в роли сотрудников посольства и других официальных учреждений Соединенных Штатов. Скажем сразу, что, видно, неважно идут дела у этих спецов, если в лихорадочных поисках предателей, готовых продавать сведения, составляющие государственную тайну, они вступают в шпионский сговор с людьми, подобными Капустину.

Итак, о Евгении Капустине — «продавце секретов». Нам довелось увидеться с ним с глазу на глаз. Очень захотелось взглянуть на этого человека, совершившего тяжкое преступление. Хотелось понять, как он опустился на последнюю ступень подлости, как стал он подонком, практически еще ничего не дав людям, а только получая от них. Сначала бесплатное среднее образование, потом бесплатное профессиональное, затем хорошо оплачиваемую специальность. Нет, Капустин не бедствовал. Так в чем же дело? Может быть, идейный враг? Нет. Все оказалось на редкость банальным и мерзким. Капустин хотел иметь много денег, «крутить» красивую жизнь и ни о ком не заботиться. Не хотел одного. Не хотел работать.

Мы сидели напротив друг друга, разделенные двумя столами, беседовали и никак не могли найти общего языка. Но ведь разговор разговором. Не всегда он может стать зеркалом истины. Поэтому решили мы ознакомиться с биографией Капустина, собственноручно им написанной. Времени эта процедура много не отняла, ибо биография его, если и блещет разнообразием, то лишь по части уголовно наказуемых и других порицаемых обществом действий. В результате семейных неурядиц Евгений оказался в интернате. В 15 лет вместе со своим несовершеннолетним приятелем он совершил несколько краж. В школе рабочей молодежи, куда они проникли через окно, были украдены девять радиотрансляционных динамиков и пять пар дамских туфель; в одном из цехов Московского станкостроительного завода были «реквизированы» вентилятор и 16 служебных удостоверений; со склада ДСО «Труд» были похищены три малокалиберные винтовки и 750 патронов.

Осудили парней условно как несовершеннолетних. В 1966 году Евгений поступил в ПТУ. Однако жизнь в трудовом коллективе его мало занимала. Душа жаждала «приключений». И вот опять же вместе с очередным приятелем, а они у него менялись часто, Капустин взломал замок в кондитерском киоске, в парке «Сокольники», и основательно обчистил его, прихватил заодно плащ-блоню отлучившейся в торг продавщицы. На сей раз жулику пришлось отвечать перед судом уже как совершеннолетнему. Три года исправительно-трудовых работ — таков был приговор.

Выйдя из заключения, Капустин вроде бы взялся за ум. Поступил работать уборщиком ва-

гонов в метро, затем был зачислен на курсы помощников машинистов, закончил вечернюю школу рабочей молодежи. А потом стал пить, скандалить, менять места работы в поисках «сладкой жизни». Женился, появились дети. Но они только мешали. Не хватало денег... на выпивку. Поступил в один из московских таксомоторных парков, но за нарушение трудовой дисциплины был уволен. Затем оказался на одном из заводов. Тут-то и начал мечтать он о «райской жизни». Пьянство, ставшее нормой, привело в конце концов к распаду семьи. Недовлетворенность жизнью, которая проходила мимо, толкнула к поискам нечестных путей для обогащения.

Идея вступить в шпионскую сделку с американской разведкой пришла во время очередного загула в ресторане. Случайный (?) сосед по застолью оказался американцем, неплохо говорившим по-русски. Был он любезен и щедр на угощение, расточал комплименты в адрес нового знакомого, намекая на возможность хорошо заработать. Капустин раздумывал недолго — впереди замаячили радужные перспективы «сладкой жизни». Цена предательства представлялась не слишком высокой. В затуманенном алкоголем сознании Капустина возможные дивиденды от дружбы с «Ваней» (так представился американец) перевесили...

Месяца через два после этого в квартире Капустина зазвонил телефон. Мужской голос с иностранным акцентом — это был «Ваня» — напомнил о ресторанной встрече. Потом были новые телефонные звонки, новые расспросы, становившиеся все более и более детальными и откровенными. Работник американского посоль-

ства («Ваня») уже не скрывал, какое учреждение он представляет...

Так продолжалось до известных нам событий, происшедших 17 ноября. В грязной рукавице, которую изъял Капустин, помимо всего прочего находилось инструктивное письмо ЦРУ. Вот фрагмент из указанного послания:

«Дорогой друг... хотя мы и хотели встретиться с Вами, мы этого не могли сделать, пока мы полностью не уверились, что это безопасно. Предпринимая меры предосторожности и тщательно планируя наши действия, мы можем безопасно работать вместе. Я искренне надеюсь, что наше взаимоотношение будет на долгий срок и взаимовыгодным...»

Заметим тут же, что тщательного планирования не получилось, меры предосторожности не помогли, долгие и взаимовыгодные отношения не сложились...

Кроме инструктивного письма ЦРУ в рукавице аккуратно запакованные в целлофановый пакет лежали: специальная копия для изготовления тайнописных посланий, инструкция для их зашифровки, блокнот с шифром, письма на английском языке от имени туристов, якобы находящихся у нас в Союзе. Эти письма Капустин после нанесения на них тайнописных донесений должен был отправлять за океан на подставные адреса ЦРУ.

Инструктивное письмо подписал уже известный читателям «Ваня». Американский разведчик, скрывавшийся под этим именем, и те, которые руководили всей этой операцией, были довольны. Еще бы, дело сделано! Инструкции новому шпиону переданы, меры безопасности приняты. Теперь остается ждать, когда агент

развернет свою деятельность и начнет отработывать иудины сребреники, передавая информацию по хитроумному каналу связи прямо из Москвы в Лэнгли...

Капустин начал действовать. Прежде всего, согласно инструкции, он должен был оповестить своих боссов о благополучном изъятии «рукавицы» из тайника. Отпросившись с работы и купив в парфюмерном магазине губную помаду, он поставил в обусловленном месте сигнал — начальную букву своего имени, причем так, чтобы ее было видно из проезжающей по набережной машины...

Затем Капустин написал и отправил в США ответы на вопросы, которые ставились перед ним в инструктивном письме. Вопросов было немало. Не будем утомлять читателей их перечислением. Остановимся лишь на основных. После сведений о себе и своей семье, которые Капустин должен был сообщить, «Ваня» потребовал от агента подробных сведений о возможностях доступа к секретной информации, если он ими располагает, а также об интересных контактах среди своих друзей и знакомых. Американскую разведку Капустин интересовал в любом качестве. Что же касается его самого, то он лихорадочно искал любую возможность, дабы подсунуть спецслужбе США какие-либо сведения, лишь бы заработать. И Капустин решил предложить ЦРУ использовать своих давних приятелей, которые имели отношение к секретам нашей страны.

На что же рассчитывали в ЦРУ, давая санкцию на вербовку Капустина? Чтобы ответить на это, надо мысленно перенестись за океан и заглянуть в штаб-квартиру ЦРУ в Лэнгли.

Начнем с чисто риторического вопроса: может ли в кресле, над которым висит герб США, сидеть мошенник? Оказывается, может, да еще преуспевающий. Да еще поддерживаемый официальными лицами этой страны. Речь, в частности, идет о бывшем заместителе шефа ЦРУ М. Хьюджеле. Этот делец из Нью-Гэмпшира возглавлял отдел тайных операций. Он был в то время лицом, ответственным за шпионаж против Советского Союза. Прошло не так уж много времени, и Хьюджела, уличенного в незаконных даже с точки зрения американской Фемиды финансовых махинациях, вынуждены были убрать. Но это случилось уже после того, как Хьюджел санкционировал вербовку Капустина...

Вернемся, однако, к незадачливому американскому шпиону.

Как «Ване» в конце концов поручили заложить для Капустина тайник и как Капустин заполучил свою «рукавицу», читатели уже знают.

Содержание инструкции ЦРУ, полученной Капустинным, дает представление о способах конспиративной связи, которые американская разведка намеревалась использовать в работе со своим агентом. «...Скажите мне, — деловито вопрошает «Ваня», — считаете ли вы безопасным, если я пошлю письмо вам на дом. Письмо будет послано в Москве и будет написано как будто от советского приятеля... Чтобы прочитать тайнописное сообщение, окуните его в воду. И скоро появится текст сообщения. Когда письмо высохнет, тайное сообщение исчезнет».

Еще один вежливый вопрос и столь же деловитая рекомендация: «Если вы согласны полу-

чить письмо на дом, прошу дать ваш точный почтовый адрес, включая почтовый индекс, точно, как он должен быть написан на конверте. Ожидайте получить мое письмо через месяца два после того, как вы пошлете ваше второе письмо. В моем письме будут инструкции для контакта в будущем...»

Получив подробную информацию о Капустине, американские специалисты из московской резидентуры ЦРУ конечно же поняли, с кем имеют дело. Особенно «Ваня», который больше всех работал с Капустиным и знал о его уголовном прошлом. Знал и все же работал с ним. Почему? Видно, такая уж нужда у ЦРУ на шпионские кадры... Уголовные повадки Капустина, видимо, не смутили руководителей ЦРУ. Да и что тут говорить. Рыбак рыбака видит издалека. Что из того, что один «рыбак» — крупномасштабный, так сказать, гений финансовых проделок, а другой «рыбак» — мелкий воришка. Сущность-то у них одинаковая — мошенническая. И можно представить, какие «объективные» доклады делает ЦРУ со ссылкой на информацию таких «ценных» агентов, как Капустин.

Главное все же в другом. Недолго длилась карьера очередного шпиона. Советские контрразведчики не дали ему возможности развернуться. После встречи с сотрудником ЦРУ, состоявшейся вскоре после изъятия Капустиным «рукавицы», последний был арестован. Посольству США в Москве был заявлен решительный протест в связи с деятельностью Центрального разведывательного управления, осуществляемой под дипломатическим прикрытием.

Чтобы закончить повествование, скажем: не-

веселая миссия у американских разведчиков из посольской «конторы» ЦРУ. Они, конечно, будут отрещиваться от своего провалившегося агента, будут уверять, что это очередные козни против американских дипломатов, и так далее и тому подобное...

Предательство Капустина вызвало законные чувства возмущения у советских людей, чувства презрения к человеку, изменившему своей Родине.

ПОД ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ «КРЫШЕЙ»

В кабинете американского посольства в Москве трое американцев: советник и два дипломата рангом пониже — второй и третий секретари. Шло деловое обсуждение тайной операции Центрального разведывательного управления США — «дипломаты» обсуждали план вербовки советского гражданина, представляющего интерес для американской разведки.

Человек, о котором вели речь собравшиеся в кабинете, — военнослужащий Александр Иванов. Советник посольства США недавно познакомился с ним на облюбованном иностранными дипломатами загородном пляже. Случайное на первый взгляд пляжное знакомство сулило большие дивиденды: был установлен контакт с военнослужащим. И к тому же, как оказалось, он уже находился в поле зрения ЦРУ. Об этом-то и говорили сейчас трое американцев, профессионально прикидывая, как быстрее и надежнее затянуть в шпионские сети А. Иванова.

Выпускником одного из московских институтов Александром Васильевичем Ивановым шпионское ведомство США заинтересовалось еще за несколько лет до описываемых событий. Тогда он служил военным переводчиком за границей. В заведенное американской разведкой досье на

Иванова уже в то время попали кое-какие сведения об особенностях его поведения, личных качествах и привычках. Особое внимание, конечно, привлекли его недостатки: тщеславие, болтливость, склонность к спиртному.

«Пляжные» впечатления советника американского посольства, кажется, не противоречили собранным в досье материалам. Да, Иванов показался американцу словоохотливым, честолюбивым, самоуверенным человеком. От профессионального внимания разведчика не ускользнуло и то, что Иванов любит вести разгульную жизнь, «шикнуть». А это, по общему мнению собравшихся американцев, требовало денег.

Советник посольства США и его коллеги, еще раз проанализировав материалы досье и сопоставив их со свежими данными, собранными во время встречи на пляже, решили: основой вербовки должны быть деньги. Иванова нужно соблазнить крупной суммой.

Кому и как это лучше сделать?

Шпионское «трио» было единодушно: советнику посольства следует уйти «в тень». Он — заметная фигура в дипкорпусе, к тому же проработал в Москве уже несколько лет. Остановились на кандидатуре третьего секретаря. Ему, человеку почти одного с Ивановым возраста, хорошо владеющему русским языком и ловкому в обхождении, как казалось американцам, будет сподручнее справиться с задачей вербовки...

Теперь пора представить действующих лиц описанной выше сцены.

Советник — руководитель экономического отдела посольства США в Москве Питер Сэмлер.

Второй секретарь — сотрудник этого же отдела Джозеф Макдональд.

Третий секретарь — сотрудник административно-хозяйственного отдела американского посольства Дэннис Макмэхеп.

А теперь вернемся к событиям, предшествовавшим этому деловому обсуждению в одном из кабинетов американского посольства.

Воскресный день, по мнению Иванова, складывался неважно. Если бы накануне в ресторане в компании новых знакомых Александр вовремя сдержался и не заявил с апломбом, что платит за всех, вечером можно было бы снова кутнуть. У приятелей деньги были, он видел, но сейчас они все молчат. Значит, на пляже опять придется платить за всех ему. Отказаться нельзя — Александру необходимо произвести впечатление на приглянувшуюся девушку из новой компании. Перед тем как убежать купаться, она заявила, что проголодалась и не отказалась бы от шашлыка.

Приятели сделали вид, что не расслышали.

«Скупердяи, любят дармовщину», — подумал о них Александр. И вдруг понял, что, в сущности, он ничего толком не знает о своих новых знакомых.

Конечно, без их помощи он сюда не попал бы.приятели, рекламируя поездку на пляж, многозначительно говорили: там, мол, интересно, бывают в основном одни иностранцы, в ресторанчике делают отменные шашлыки. Плкнуть бы на всю эту компанию. Какие у него с ними общие интересы? Да никаких. Так, собутыльники. И он для них — тоже.

Но девушка понравилась. Надо выдержать роль.

— Чего хочет женщина, того хочет бог, — по-английски галантно произнес Александр и на-

правился к пляжному ресторанчику. Заказав шашлыки, Иванов решил скоротать время за бокалом шампанского.

То ли от жары, то ли от вчерашней попойки, но шампанское ударило в голову. Хорошее настроение окончательно пропало, нахлынули тягостные мысли: о предстоящем разводе с женой, возможных неприятностях из-за этого на службе, о долгах (и немалых!), которые надо возвращать. Да и отпуск кончается...

Неожиданно перед столиком, за которым Александр тянул охлажденное сладкое шампанское, появился худощавый мужчина среднего роста, в очках с темной оправой.

— Разрешите? — обратился он к Иванову по-английски.

Словно продолжая только что прерванный разговор, незнакомец произнес:

— У вас отличное произношение. Вы случайно не учились у нас в Штатах? Меня зовут Питер Сэмлер, я американец.

Он говорил мягко, словно хотел подчеркнуть свое искреннее расположение к собеседнику. Это успокоило Александра. Да и комплимент насчет знания английского языка пришелся по душе.

— Нет, я учился в Москве. Александр Иванов, переводчик, — представился Иванов.

Завязался непринужденный разговор, в котором Александру захотелось блеснуть эрудицией и в свойственной ему манере произвести впечатление на американца.

— У вас несомненно талант лингвиста, Алекс. Можно вас так называть? Знаете, мне редко доводилось встречать иностранцев с таким прекрасным произношением. Учитывая вашу мо-

лодость, могу смело сказать — вас, Алекс, ждет отличная карьера.

Сэмлер извинился и распрощался, выразив надежду встретиться снова. Пообещал Иванову принести с собой в следующий раз интересную книгу на английском языке.

Александр был доволен неожиданной встречей и беседой. Особенно польстили комплименты по поводу его лингвистических способностей и упоминание о карьере. Но тут же в глубине души шевельнулась обида: ведь, и правда, его, несомненно талантливого специалиста, недооценивают на работе. Да что там — попросту затирают.

«Случайный человек и тот оценил мои способности, — с удовольствием вспоминал беседу с Сэмлером Александр. — А на службе не ценят этого. Конечно, от зависти».

Народная мудрость гласит: каждый судит по себе. Мерой, которой Иванов измерял и оценивал окружающих его людей, была выгода. Политически беспринципный, склонный к огульному критиканству всех и вся, Александр, несмотря на молодость, был уже нравственно нечистоплотной личностью. Он не имел привязанностей ни к жене (женился не бескорыстно), ни к дочери, ни к знакомым. Друзей у него никогда не было — были дружки-собутыльники.

Иванов считал себя вершиной совершенства. Любое замечание, критику близких, сослуживцев воспринимал как незаслуженную обиду, оскорбление, вопиющую несправедливость. Ради личной выгоды, ради карьеры он мог поступить всем. Его жизненным кредо было только получать, ничего не давая взамен. Свою энергию, способности, ум, которым природа не обделила

его, он направлял только на это. Идеиные, моральные устои советского общества Александр считал существующими для других и не обязательными для себя. Деньги, праздная и беспутная жизнь, пьяный угар, случайные женщины, заграничные вещи — вот что в последние годы было вершиной интересов Иванова.

На это-то и делали ставку американские спецслужбы.

Через неделю, когда понравившаяся Александру девушка предложила снова съездить на пляж, он охотно согласился. Тут же мелькнула мысль о новой встрече с любезным американцем. Вспомнилось и его обещание принести какую-то особенно интересную книгу, которую мало знают в СССР.

...На пляже Александр без труда отыскал среди отдыхающих «своего» американца. Удобно разместившись под тентом, Сэмлер листал книгу. Неподалеку стоял «форд» красного цвета с дипломатическим номером американского посольства.

* * *

Питер Сэмлер нервничал. Наконец настал день, когда ему предстояло «передать» Иванова Дэннису Макмэхену. Советнику посольства США в Москве хотелось и самому «чистым» выйти из игры, и вместе с тем помочь молодому сотруднику.

— Разрешите, Алекс, я вас представляю моему коллеге из нашего посольства. Он закончил в Штатах университет, прекрасно знает русский язык, специализируется по СССР. У него есть своеобразное хобби — собирает различные рус-

ские словечки, которые не встретишь у вас в печати. Ваш талант лингвиста он, несомненно, тоже оценит. Надеюсь, вы понравитесь друг другу. И будете взаимно полезны...

Молодой коллега Сэмлера был в легкой рубашке, джинсах, коричневых замшевых полуботинках, одетых на босу ногу — по-пляжному.

Представляясь, он скороговоркой буркнул свою фамилию. А затем сразу же предложил называть его «Володей». Александр не возражал и переспрашивать фамилию не стал. Знакомство отметили в пляжном ресторанчике. Потом вместе купались, загорали. Время от времени вели беседу между собой то по-русски, то по-английски.

Новый знакомый Александра был неплохим рассказчиком. Говорил по-русски совершенно чисто, без акцента, любил вставлять в разговор различные жаргонные словечки. А подчас и более витиеватые и крепкие выражения из своей «коллекции». Особенно в анекдотах.

Александр «Володя» все больше и больше нравился. Импонировали его веселость, дружелюбие, приветливая улыбка, подчеркнутое внимание к собеседнику.

Наблюдая со стороны, Сэмлер заключил: дела у Дэнниса, кажется, идут неплохо. И теперь наконец Сэмлер может уйти «в тень».

...В очередной выходной день Александр и «Володя» встретились на пляже как старые приятели. В разговорах, ничуть не стесняясь своего новоявленного «друга», Иванов сетовал и на свою службу, и на неурядицы. Александр поверял «Володе» личные дела, говорил о трудностях жизни, упомянул и о долгах. И не удивился, когда «Володя» не только посочувство-

вал ему, но и пообещал выручить из финансовых затруднений — помочь, если положение с долгом станет совсем безвыходным.

Догадывался ли в этот момент Иванов, кто был его новый знакомый? Задумывался ли о том, что шаг за шагом увязал в трясине, в которую его затягивали американские разведчики? До полного падения, до последнего шага в болото предательства оставалось совсем немного...

Решив, что «плод созрел», «Володя» однажды провел с Ивановым многозначительный разговор. Он, собственно, и подвел Александра к самому краю пропасти.

— Понимаешь, Саша, ты мне импонируешь. И я не хочу, чтобы у тебя были неприятности.

— Неприятности?

— Знаешь, Сэмлер... Ты слышал об НТС?

Не дожидаясь ответа, «Володя» пояснил: НТС — сокращенное название народно-трудового союза, антисоветской организации, основанной еще в 1930 году. В годы войны члены этого союза верой и правдой служили в фашистских карательных отрядах.

— Так вот, Саша, — продолжил «Володя», — Питер женат на дочери одного из лидеров этого союза. Здесь это привлекает к нему повышенное внимание. Ты ведь военный, и тебе лучше забыть о Сэмлере.

«Володя» внимательно следил за реакцией Иванова на это сообщение. Судя по всему, Макмэхен остался доволен — уловка удалась. Александр напуган.

— Вольно или невольно, Саша, но ведь и я могу подвести тебя, как у вас говорят, «под

монастырь». Но мне чертовски не хочется терять с тобой связь. Здесь, на пляже, мы всегда на виду.

«Володя» на секунду как бы задумался.

— Знаешь что, давай будем встречаться где-нибудь в другом месте? Не возражаешь? Я-то дипломат, мне бояться нечего. А тебе...

Иванов молча кивнул. В это время он лихорадочно обдумывал, что же ему делать. Предложение «забыть» о Сэмлере, но в то же время сохранить дружбу с «Володей» показалось Александру хорошим выходом из положения. И выгодным — у него уже зрели свои планы и расчеты. Иванов интуитивно чувствовал необычность интереса к нему «Володи». Но здесь-то и проявилась его склонность к авантюризму, политическая беспринципность. Мысль поправить свои финансовые дела с помощью «Володи» все прочнее овладевала сознанием Александра, подавляя беспокойство, убаюкивая совесть.

Казалось, что и «Володя» уловил эту перемену в настроении Иванова. Прикрыв деланной улыбкой внутреннее напряжение, американец поинтересовался: не удалось ли Саше урегулировать проблему с долгами. Не успел Иванов ответить, как «Володя» бросил давно заготовленные фразы:

— Деньги для тебя будут. Ведь ты тоже помог бы мне, попади я в затруднительное положение. К тому же ты, конечно, не откажешь мне, если я попрошу тебя об одной консультации. Мы ведь деловые люди, правда?

— Спасибо, но мне как-то неудобно...

— Вот и отлично, — не смог скрыть своей радости «Володя». И подумал: «Теперь, кажется, все в порядке. С крючка не сорвется».

А вслух произнес:

— С собой сейчас у меня денег нет... Давай поступим так: завтра в 16 часов 30 минут встретимся здесь же. Но это будет в последний раз. Я передам тебе записку с указанием, где мы сможем увидеться, не привлекая «чужих» глаз. И еще кое-что...

Где-то в глубине сознания снова возникло чувство тревоги, но Александр от него отмахнулся. Желание иметь деньги, разом решить все финансовые проблемы брало верх над всем остальным.

На следующий день в условленное время Иванов снова появился на пляже. «Володя» его уже ждал. Он стоял так, словно никогда не был знаком с Александром. Выбрав удобный момент, Макмэхен прошел мимо Иванова и с мастерством иллюзиониста сунул ему в карман брюк спичечный коробок...

Москва.

Кронштадтский бульвар.

Квартира Иванова

Александр было не по себе. Казалось, все вокруг смотрят на карман. Спичечный коробок словно жег тело. Но достать его и раскрыть Иванов не решился ни на пляже, ни дорогой, пока добирался до города. Раскрыть спичечный коробок Иванов решился лишь дома.

В нем было несколько исписанных листов тонкой бумаги. Он стал читать:

«Дорогой друг, мы очень рады, что нашли общий язык и установили с вами контакт. Глубоко уверены, что наши отношения по мере их развития будут искренними, взаимоуважительными и, конечно, взаимовыгодными...»

На других листках излагалась просьба ответить на некоторые вопросы. В конце письма подчеркивалась взаимовыгодность «консультаций» и шли рассуждения о его личной безопасности. Ему, мол, не предлагают денег лишь потому, что в этом случае он может привлечь к себе ненужное внимание.

Иванов понял: его, военнослужащего, хочет завербовать американская разведка.

Как же это могло случиться?

Из показаний американского шпиона Иванова А. В. на допросе во время следствия:

«Я много думал о мотивах, в силу которых стал изменником Родины. Задумываться об этом стал вскоре после того, как со мной установилась связь американская разведка — ЦРУ. Уже с того времени меня угнетало сознание того, что я стал предателем, совершил самое тяжкое преступление против моей Родины.

Оценивая совершенное мною деяние, я стараюсь выяснить, что привело меня к установлению преступных отношений с американской разведкой. И я не могу назвать какую-либо объективную причину, ибо ее просто нет. На путь преступления я встал в силу целого ряда обстоятельств субъективного характера, в силу присущих мне черт личности, которым я в то время не смог дать правильную оценку...

У меня были искаженные представления о ценностях жизни. Мне были присущи высокомерие и болезненное самолюбие, излишние самоуверенность и самонадеянность, честолюбивые амбиции, переоценка своих способностей и деловых качеств, стремление к достижению цели без учета моральных сторон избираемых для этого средств и способов».

Прочитав письма, переданные ему «Володей», Иванов не знал, как поступить. А выход, достойный гражданина Советского Союза, у него был. Любому человеку, который ошибся и допустил какие-либо отклонения от норм поведения, советское законодательство дает возможность исправить ошибку.

Так мог бы поступить и Иванов. Но... не поступил. И потом горько сожалел и еще долго будет сожалеть об этом в тюремной камере. Да, пожалуй, и всю свою оставшуюся жизнь...

А тогда Александра одолевали совсем другие мысли. Он не испытывал чувства долга перед Родиной, народом, которые дали ему все. Не испытывал чувства долга и перед отцом-фронтовиком, дочерью. Только чувство животного страха за себя какое-то время удерживало Иванова от рокового шага. А потом перевесила сомнительная выгода.

Хотелось заработать. Легко и не утруждая себя. Рассчитывал, что, вступив в преступную связь с американской разведкой, он обведет ЦРУ «вокруг пальца», заработает кучу денег. А значит, рассчитается с долгами, которых становилось все больше и больше, безбедно, на «широкую ногу» проживет. А там видно будет. Ведь не дурак же он — выкрутится!

Иванов надеялся, что «легкий флирт» с ЦРУ останется незамеченным и безнаказанным. К тому же боялся: доложи он обо всем, его никто по головке не погладит. А рассказать придется и о пьянках, и о долгах, и о своей болтливости в разговорах с американскими разведчиками. А это — наказания в общественном, административном, дисциплинарном порядке. От этого, конечно, никто еще не умирал. Но крах

карьеры — это и утрата достигнутого положения. Конец его честолюбивым планам.

Иванов думал только о себе. Он испугался, струсил. И тогда, и потом, на следствии, он будет искать оправдания для себя. Иногда смехотворные, зачастую циничные.

Из показаний американского шпиона Иванова А. В. на допросе во время следствия:

«Став на путь измены Родине, я не ставил своей целью причинение максимального вреда Советскому государству... Я хотел получить от американцев за минимальную информацию возможно большую сумму денег».

А теперь посмотрим, какие вопросы были поставлены перед Ивановым в самом первом задании Центрального разведывательного управления США (пунктуация дана по подлиннику):

«...Каковы точно ваш почтовый адрес и индекс

В какой именно конторе вы работаете и что она из себя представляет

В какой должности служите, чем занимаетесь

Имеете ли автомобиль, радиоприемник, их марка

Имеете ли фотоаппарат, умеете ли фотографировать

К какой информации и к каким военным изданиям имеете доступ

Перечислите лиц, их должности, с кем вместе служите

Точно укажите место своей службы и схематически сделайте привязку его к местности...»

Были и другие вопросы.

В последнем листке, который прочитал Иванов, содержалось расписание последующих

встреч, составленное профессионалами из ЦРУ на четыре месяца. Было дано описание и схематическое изображение места встречи, условно названного «Дыб», — у остановки автобуса на улице Дыбенко.

В инструкции, переданной Александру Дэнисом Макмэхеном, предусмотрительно указывалось, что в случае, если на встречу придет не «Володя», а кто-нибудь другой, Иванов должен был в левой руке держать свернутую газету и на пароль: «Вы друг Володи?» — ответить: «Да, и прошу передать ему привет».

* * *

Москва.

Улица Дыбенко

Из показаний американского шпиона Иванова А. В. на допросе во время следствия:

«Я, конечно, много знал из того, что интересовало «Володю». За годы службы регулярно присутствовал на партийных собраниях, многих служебных совещаниях. Но боялся обо всем этом рассказывать американцам. Возможно, еще надеялся, что они, увидев мою малую осведомленность, отвяжутся.

Но прежде всего хотел получить от них деньги. Поэтому что-то я им все равно должен был рассказать, хотя и понимал, что это являлось военной и государственной тайной».

Из данных уголовного дела № 84:

«Во время обыска на квартире Иванова А. В. в доме № 30 по Кронштадтскому бульвару в городе Москве, где в то время он проживал, обнаружен порванный месячный «График ответст-

венных дежурных». График приобщен к уголовному делу в качестве доказательства».

Иванов унес его домой для подготовки ответа на вопросы ЦРУ о сослуживцах.

Аккуратно переписав подготовленную шпионскую информацию, Иванов упаковал листки в пачку из-под сигарет «Пелл-Мелл», заклеил ее клейкой лентой и спрятал в кухне на антресоли. Потом поехал осмотреть место будущей встречи с американским разведчиком. Осмотром остался доволен: место укромное, рядом — аллея лесопарка.

В обусловленный день ровно в 16 часов 30 минут Иванов встретился с «Володей». Перед «рандеву» хлебнул для храбрости коньяку. Так же он поступал и в последующем перед каждой новой встречей.

— Здравствуй, Саша. Ты чистый?

— Чистый? — Иванов не сразу понял, о чем идет речь. — А, да, конечно. Можешь не волноваться. «Хвоста» за мной нет.

— Пройдемся по аллее? — «Володя» указал на асфальтированную дорожку лесопарка.

С минуту шли молча. Американский разведчик вертел в руках футляр для очков.

— Чудесное место. — Иванов и Макмэхен остановились около поваленного дерева. — И все отсюда видно.

— Да, конечно. — Иванов не знал, что говорить.

Инициативу в разговоре взял «Володя». Американский разведчик деловито осведомился:

— Ты ответил на мои вопросы? Не будем зря тратить время.

Иванов вытащил из кармана пачку из-под сигарет.

— Я тут написал...

— Это хорошо. Я задам еще несколько вопросов, не возражаешь? Отвечай, пожалуйста, сюда, — Макмэхен показал на футляр для очков, где был спрятан портативный диктофон.

— Говори спокойно, внятно. Итак, в какой конторе ты работаешь?

— Я написал...

— Ты должен мне все равно ответить и сейчас.

— Ладно, но ты... Вы обещали...

— Конечно, Саша, деньги я принес, — американец достал конверт и такую же, как передал ему Иванов, пачку из-под сигарет «Пелл-Мелл». — Пять тысяч, как обещали. И еще несколько вопросов. На будущее.

— Спасибо, конечно, но я хочу сказать... Этого мало!

— Это не повод для дискуссии. Мы еще обсудим вопрос оплаты. А сейчас — ответы.

На следующую встречу Деннис Макмэхен пришел не один — в сопровождении незнакомой Иванову женщины лет 26—28, худощавой, с правильными чертами лица. В беседе она участия не принимала, а стояла в стороне, внимательно наблюдая за обстановкой. (Потом, в ходе следствия, Иванов А. В. опознает в ней жену американского разведчика — Лесли Макмэхен).

«Володя» передал Иванову полиэтиленовый пакет, в котором находился целый шпионский набор: специальный миниатюрный фотоаппарат, десять кассет к нему с пленкой по 230 кадров каждая. Макмэхен вручил также Иванову тайнописную копирку, шифроблокнот, инструкцию по составлению тайнописных сообщений. И

обычную авторучку. При этом предупредил, что на ее стержне намотана пленка с новым планом связи.

* * *

Из уголовного дела № 84:

«При аресте у Иванова А. В. обнаружены и изъяты 3 куска пленки, намотанные на металлическом стержне, на которой изложен план связи агента с разведкой США, содержащий описание сигнальных меток, конкретные места и время их постановки на улицах города Москвы, схематическое изображение и условные названия этих мест, а также пути следования к ним».

Из заключения судебной экспертизы:

«Представленная на экспертизу пленка с планом связи является специальной везикулярной пленкой производства фирмы «Кальвар» (США). На аналогичных пленках разведкой США изготавливаются инструкции своей агентуре».

Из показаний американского шпиона Иванова А. В. на допросе во время следствия:

«Подробно рассказав, как обращаться с фотоаппаратом (выдержка и диафрагма у него были заранее установлены, рассчитаны на слабое освещение и изменению не подлежали), «Володя» несколько раз подчеркнул, что больше встречаться с ним на улице Дыбенко мы не будем. «Здесь удобно, безлюдно», — попытался я воспротивиться. Но он заверил, что и новое место встреч надежное.

Мне показалось, что он что-то недоговаривал. Или боялся, что место «Дыб» раскрыто органами советской контрразведки».

На этой встрече Иванов, уже получивший от ЦРУ желаемые деньги, попытался было отвязаться от американцев:

— Возможно, меня скоро по службе переведут на Дальний Восток. Я не смогу с вами встречаться и передавать интересующую вас информацию.

— Чем вызван перевод?

— Ну, как обычно, перемещение по службе. — Иванов чувствовал, что ожидаемого эффекта его новость не произвела. Американец и не думал оставлять его в покое.

— Ничего, не переживай, Саша. Ты и вне Москвы будешь нам полезен. Мы планируем наши с тобой деловые связи на длительную перспективу.

Из шпионской инструкции, переданной Иванову американским разведчиком Макмэхеном:

«Впредь мы не будем встречаться у «Дыб». Передаем новое условное место, «Роща» — близ входа на Даниловское кладбище в городе Москве. Место довольно пустынное и глухое».

Москва.

Даниловское кладбище

Прошло пять месяцев.

Однажды, проезжая по Бережковской набережной — своему излюбленному маршруту, второй секретарь посольства США в Москве Джозеф Макдональд заметил условный сигнал. Его появления под одним из почтовых ящиков ждала американская разведка. Этим сигналом, как предусматривалось инструкцией ЦРУ, Иванов вызывал американцев на встречу в обусловленном месте «Роща».

На эту встречу Джозеф Макдональд должен

был выйти сам — таково было решение штаб-квартиры ЦРУ, принятое в интересах активизации работы с агентом. Однако была и другая причина: в ЦРУ решили, что работать с таким агентом, как Иванов, должен более опытный разведчик.

...В день встречи в 20 часов 30 минут, держа в левой руке условный сигнал — свернутую в трубочку газету, Иванов стоял недалеко от входа на Даниловское кладбище. Ждал «Володю». В сгущающихся сумерках Иванов то и дело озирался по сторонам, стремясь разглядеть знакомую фигуру.

Однако к Иванову подошел не «Володя». Это незнакомый ему высокий мужчина в черной меховой шапке из кролика, с белой полиэтиленовой сумкой в руках.

— Вы,— обратился он к Иванову,— друг «Володи»?

— Да, я прошу передать ему привет,— ответил паролем Иванов.

— Меня зовут Алекс,— представился незнакомец.

Иванову показалось, что пришедший на встречу американский разведчик говорил парочито измененным голосом. Нервноничая, он то и дело поправлял очки.

Алекс отвел Иванова в глубину темной аллеи и стал настойчиво выпрашивать, что ему удалось сделать для ЦРУ. Беседу записывал на диктофон. Спрятав его затем в карман пальто, передал Иванову авторучку.

— Там новый план связи. И новые задания...

Из шпионской инструкции, переданной Иванову американским разведчиком Макдональдом:

«Внешне авторучка ничем не отличается от обычной, и ею можно писать, как и любой другой. Для нанесения тайнописи необходимо убрать вовнутрь пишущий стержень, а концом корпуса наносить тайнописный текст на листах чистой бумаги, на полях книги. Писать следует только на бумаге хорошего качества. В случае сильного давления могут появиться коричневые следы».

Из заключения судебной экспертизы:

«Комплексным химико-криминалистическим исследованием шариковой ручки для тайнописи установлено, что ее корпус, изготовленный из пластмассы, содержит специальное вещество для нанесения тайнописи, которая не может быть проявлена в обычных условиях общедоступными средствами. Подобные средства тайнописи ранее уже применялись разведкой США».

Американская разведка считала, что запланированная ею тайная операция проходит успешно. Дальнейшие события, однако, развивались уже не по сценарию ЦРУ.

Неотвратимо приближалось возмездие.

Из газет за 24 августа 1983 года

«В Комитете государственной безопасности СССР

Органами государственной безопасности СССР пресечена шпионская деятельность советского гражданина Иванова А. В. В ходе расследования выявлены факты, неопровержимо свидетельствующие о причастности к этому шпионскому делу ряда сотрудников посольства США в Москве. При аресте у Иванова изъяты инструк-

ции ЦРУ по сбору разведывательной информации и поддержанию конспиративной связи, а также другие материалы и средства для ведения шпионажа. Верховным судом СССР Иванов приговорен к длительному сроку лишения свободы».

* * *

Эта скандальная провалившаяся тайная операция ЦРУ — еще одно свидетельство широкомасштабной разведывательной деятельности, которую постоянно ведут против нашей страны специальные службы США и их вашингтонские вдохновители. Они — враги мира и рядышки напряженности. Нормальные, деловые отношения с СССР не входят в их планы.

«Я сам был свидетелем того, — справедливо отмечал в своей книге «Облако опасности. Нынешние реалии внешней политики» видный профессиональный дипломат Кеннан, — как американские разведывательные службы раз за разом проводили или пытались проводить операций, которые не только прямо подрывали советско-американские дипломатические отношения, но сами возможности достичь взаимопонимания между двумя правительствами».

Советские компетентные органы своевременно раскрыли шпионскую деятельность замаскировавшихся в посольстве США в Москве американских разведчиков и их агента — бывшего военнослужащего Иванова А. В.

В Вашингтоне постоянно озабочены тем, как бы прикрыть завесой тайны постыдную деятельность ЦРУ. Грозят тюремным заключением и крупным штрафом тем, кто отважится раскрыть имена сотрудников ЦРУ и их агентов.

Но все тайное в конце концов становится явным, а дела американских «дипломатов» — тем, чем они в действительности являются — шпионажем. Напомним имена действующих лиц уголовного дела № 84, тех, кто скрывался под личиной сотрудников американского посольства в Москве: советник экономического отдела посольства Питер Сэмлер, третий секретарь Дэнис Макмэхен, он же «Володя», второй секретарь экономического отдела Джозеф Макдональд, он же Алекс.

Уместно задать вопрос: не слишком ли много сотрудников для экономического отдела посольства США в Москве, если учесть, что и выдворенный из СССР в марте 1983 года за шпионскую деятельность первый секретарь Ричард Осборн, а также объявленный ранее персона нон грата третий секретарь Питер Богатыр подвизались в роли сотрудников этого же отдела посольства?

Такого рода «дипломатическая» деятельность ЦРУ явно идет в ущерб делу развития двусторонних отношений между нашими странами.

ТОРГОВЦЫ ДУШАМИ

В Комитет госбезопасности Украины пришло письмо от мастера по ремонту телевизоров Ильи Г. Что же побудило автора взяться за перо? Обратимся к письму: «Давно я знаю Израилевского, бывал в его компаниях. Первое время мне казалось, что он просто хвастун и любитель застолий. А теперь вижу: опасный человек. Думаю, что он с потрохами проданся американцам. Особенно в этом я утвердился после того, как мой знакомый Кричевец показал мне письмо Израилевского, пришедшее из США, где тот сейчас живет. Обратил я внимание вот на какие слова в том письме: «Передай Альберту, что о разговоре с ним сообщил куда надо». Тут что-то неладно...»

Кто такие Израилевский и Кричевец? Кто скрывается под именем Альберта и что сообщил о нем Израилевский «куда надо»?

Израилевский, еще живя во Львове, снискал себе репутацию тунеядца и картежника. Переходил с завода на завод, нигде подолгу не задерживался, так как больше всего в жизни не любил работать. Им овладела одна страсть: как можно больше добыть денег, добыть любой ценой. Любил говорить: «Каждый в жизни делает свой бизнес».

Видимо, для этого и решил Израилевский выехать в «землю обетованную» — в Израиль. И руководило им стремление к легкой жизни. Устроив себе вызов от мифического дяди, якобы проживающего в Израиле, он получил разрешение на выезд из нашей страны. Вскоре Израилевский объявился в США...

А что предшествовало его отъезду за границу? Пьянки, разгульная жизнь, которая требовала все больше денег. Тогда-то и подвернулся Израилевскому Кричевец, который стал финансировать его попойки в ресторанах, игру на бильярде и в карты. Просто стал лакеем этого мелкого хищника. Сослуживцы прозвали Кричевца «крабом» за сильно развитые у него «хватательные» способности. Сам же он представлялся при знакомстве «материально ответственным экспедитором мясокомбината». Изрядный доход ему давали хищения мяса. Потом в их компании появился Алик, он же Альберт, по фамилии Петрашевич. Израилевский в пьяном откровении сказал о нем: «Нужная рыбешка!..»

Видимо, уже тогда Израилевский лелеял планы «подарить» Алика «кому надо» в США и получить за него немалый куш. Это тебе не фунт мяса, проданного из-под полы Кричевцом.

Позже, в ходе следствия, выяснилось, что Израилевский старательно «обрабатывал» Альберта. И вскоре почувствовал, что у того под воздействием этой обработки обостряется интерес к нетрудовому обогащению. Теперь Израилевский все чаще говорил с ним на эту тему. Смотри, внушал он, вот Марек Кричевец умеет жить. А ты, Алик? Ведь у тебя неплохая голова. Переходи на другую стезю...

— Что имеешь в виду? — спрашивал Алик. —
Пытался я ведь перепродать бриллианты...

Зная, что задел за живое, Израилевский ответил не сразу:

— Ходишь рядом с богатством. За секретные сведения, которые у тебя под боком лежат, там, — он указал пальцем на запад, — дадут большие деньги. Чуешь? Я в Америке найду людей, которые помогут тебе. Хочешь, сведу с теми, кто платит за услуги долларами? Согласен?..

Незадолго до отъезда за границу, встретив его на улице, спросил:

— Где пропадаешь?

Взяв Алика под руку, Израилевский повел его в тенистую аллею Стрыйского парка. Шли несколько минут молча, оглядываясь по сторонам.

— Скоро уезжаю...

Заговорщики углубились дальше в парк.

Напомним, что все это стало известно позднее, в ходе следствия и на суде.

А пока настойчиво распутывался клубок, ниточка к которому тянулась от письма советского гражданина. Встал вопрос: как мог Петрашевич стать «другом» такого продажного типа, каким оказался Израилевский? Что знали о нем на предприятии? Что говорили о нем люди? С делом своим справляется, от общественной жизни держится в стороне. Слышали, что оставил двух жен, выпивает. Правда, на предприятии его не видели пьяным. Наоборот, он считался трезвенником, служакой, приходил на работу и уходил точь-в-точь по распорядку. И больше, кажется, ничего особенного о нем не говорили. Хотя рассказывали и о том, что Петрашевич в последнее время стал чаще появляться в цехах

и на участках именно тогда, когда там делали какую-то новинку или получали новый заказ, чего раньше за ним не наблюдалось.

И другие факты показывали, что поведение Петрашевича после письма Израилевского изменилось. Поэтому возникла версия, и она подтвердилась впоследствии полностью, что Петрашевич из письма Израилевского к Кричевцу, сообщавшего о нем, понял: представители американской разведки уведомлены о его готовности к тайному сотрудничеству.

Новые факты говорили о том, что Петрашевич вступил в контакт с американской разведкой, и о том, что американцы его изучали. Как-то во Львове появился сотрудник посольства США в Москве с женой. Они кружили в районе дома Петрашевича, присматривались, где он живет, изучали подходы. Правда, с ним самим они не встречались — Центральное разведывательное управление США планировало другой способ связи со своим новоявленным шпионом.

В середине мая 1980 года на Московской междугородной телефонной станции появился молодой человек. Одеждой, манерой поведения он не выделялся из числа тех, кто в этот вечер пришел в переговорный зал. Набрал по телефону-автомату номер абонента во Львове, стал говорить.

Когда в тот день и в те же минуты во львовской квартире Петрашевича раздался звонок, трубку поднял сын.

— Это квартира Петрашевича?

— Да.

В трубке на время замолчали, слышалось тяжелое дыхание. Наконец далекий голос попросил позвать Альберта Георгиевича.

Назвавшись знакомым Израилевского, неизвестный, в котором Альберт по акценту легко угадал иностранца, тихо в трубку сказал, что привез для него «привет».

— Я вам послал письмо по почте. Вы можете приехать в Москву? — И, получив утвердительный ответ, заключил: — Все.

Через несколько дней Петрашевич действительно получил письмо, из которого узнал, что для него в Москве заложен тайник со всем необходимым для шпионской связи с ЦРУ. Не раздумывая, он в тот же день вечером вылетел в Москву.

Пользуясь подробными указаниями и схемами, содержащимися в письме, Альберт нашел место закладки тайника. Было семь часов утра. Редкие машины проезжали по дороге. Озираясь, приблизился. Кажется, все спокойно. И затем по-воровски, постоянно оглядываясь, бросился из кустарника к указанному месту, черпая ботинками жидкую грязь. Вскоре нашел контейнер, схватил его и опрометью бросился в кусты. Найдя укромное место, торопливо стал извлекать содержимое из полиэтиленового пакета: шифровальные таблицы, инструкции разведки, в том числе наставление, как принимать кодированные радиопередачи находящегося в ФРГ франкфуртского центра ЦРУ, задание по сбору информации на оборонном заводе и другие шпионские «аксессуары», в том числе заранее заготовленные письма бытового содержания для нанесения на них тайнописью шпионской информации, сработанные мастерами из Лэнгли. Уже позднее, без спешки, прочитал в вопроснике, что интересуется заокеанских «друзей». Из пакета извлек деньги.

— Не густо отвалили,— процедил Альберт, кидая пачку в портфель. Затем оглядел хитроумно сделанный контейнер и швырнул его в кусты.

Альберт поспешил в другой район города. Вечером на одном из домов мелом поставил букву «А», которая была сигналом для американцев, что шпионский контейнер им взят. Ночью первым же самолетом Альберт вылетел во Львов. «Кажется, все прошло гладко»,— думал он, однако переживал, что прислали такую маленькую сумму денег...

Первое письмо в разведцентр Альберт сочинял долго. Сначала сообщил, где работает, но тут же приписал, что хочет перейти на более важное предприятие, указал его дислокацию. На вопрос ЦРУ, сможет ли передавать детали технического оборудования, ответил, что это делать трудно, но будет стараться. (Может, учтут и пришлют в другой раз более внушительную сумму.) Подтвердил свое согласие сотрудничать с американской разведкой. Приписал в конце, чтобы прислали денег в счет будущих услуг.

Потом зашифровал свои шпионские сообщения с помощью переданных ему ЦРУ таблиц и получившиеся цифры нанес тайнописью на одно из писем, полученное от американцев.

Письмо отвез в Ленинград — как требовала инструкция — и там опустил его в почтовый ящик. Позднее, на следствии, он вспомнил: на конверте был адрес какого-то американца, проживающего во Флориде.

Отправляясь в Ленинград, Альберт «прихва-

тил» с собой любовницу, кутил там в ресторанах. Влез в долги... Но не очень-то беспокоился — был уверен, что его данные по расценкам ЦРУ стоят немалых денег. Однако во время очередной передачи по радио американцы сообщили: «Плата в зависимости от ценностей добытых сведений».

Разочарование было огромное, но спорить Альберт не мог, он уже полностью был во власти своих заморских хозяев, которые лихорадочно требовали добывать секретные сведения, нужные ЦРУ.

И вот на своей машине он гонял по Львовской, Черновицкой, Закарпатской областям, наведывался в Киев, Белоруссию, в поисках «добычи» кружил возле аэродромов и воинских частей.

По вечерам часто приходил на квартиру двоюродной сестры Серафимы, запирался там в отдельной комнате и слушал предназначенные для него радиопередачи. ЦРУ властно требовало данные о военных базах, количестве самолетов на аэродромах, о воинских частях, проводимых учениях...

Снова по междугородному телефону звонок иностранца. На этот раз он говорил торопливо, кратко: «Посылаю письмо Миши».

В письме тайнописью сообщалось, что в одном из районов Москвы заложен еще один тайник, и указывалось место, где Петрашевич должен поставить сигнал об изъятии.

Прилетев в Москву вечером, он провел ночь в нервном напряжении в здании городского аэровокзала. Сон смыкал на одну-две минуты его глаза, но потом Альберт тревожно вскакивал и озирался по сторонам... В семь часов спустился в метро и долго петлял в нем, меняя по-

езда. Потом уже на автобусе добрался до условленного места.

Взял контейнер, извлек из него новые шифры, письма, задания, еще несколько писем на подставные адреса американской разведки в США.

В одном из указаний, переданных шпиону ЦРУ, сообщалось, что разведка переходит с ним на другие способы связи, присылает новые инструкции по приему и расшифровке радиопередач. А где же деньги? Опять жалкая сумма! Утром прилетел во Львов.

В те дни Альберт метался нервный, угрюмый, злой.

Ночуя то у сестры, то у тетки, которой жаловался на трудную жизнь, неполадки на работе, он однажды даже сказал: «Со мной может произойти тяжелое несчастье». На расспросы тетки не отвечал.

Перед очередным отъездом в Ленинград Альберт спрятал в тайнике под ванной часть инструкций ЦРУ, потом зашел в магазин, где сестра была заведующей, и передал ей чемоданчик-«дипломат». «Спрячь в сейфе,— сказал он,— тут материалы с завода». На самом деле в нем были новые коды и шифры, полученные через второй тайник в Москве.

Вечером позвонил знакомый и пригласил его на очередную попойку. Альберт раздраженно ответил:

— Не могу. Собираюсь в командировку.

Такого за Альбертом не замечалось. Обычно, если его приглашали выпить, он не отказывался. А тут...

Было уже за полночь, а Петрашевич все сидел на кухне. Время от времени он подходил к

окну, слегка отодвигал штору и тревожно вглядывался в ночную темноту. Во дворе было тихо и пустынно. Быстро выкурив сигарету, Альберт снова садился за столик и по-прежнему нервно, торопливо брал из конвертов листы писем и между строк тайнописью наносил ряды цифр.

Закончив работу, открыл форточку, поднес спичку к пачке бумаг — шпион должен был по инструкции сжечь использованные цифры.

И вот он в самолете — грузный, высокий, с неряшливой шевелюрой, обрюзгший, с угрюмо-тревожным, отрешенным взглядом. А ведь совсем недавно был другим — стройным, подтянутым. Мастер спорта Петрашевич смело выходил на ковер по борьбе самбо.

А теперь? Даже внешность говорила о падении человека, страстью которого стала нажива и пьянство. Это и привело его к измене Родине, он попал в лапы ухищренных, опасных, бездушных вербовщиков из ЦРУ и их сионистских пособников.

Когда Альберт собирался отправить за океан на один из подставных адресов ЦРУ секретные сведения, которые не должны были попасть к американской разведке, решено было поставить точку в этой грязной шпионской истории. Кольцо вокруг шпиона смыкалось.

В Ленинграде его ждал приятель, он сообщил, что стол в ресторане уже накрыт. «Теперь можно», — решил Альберт. Попойка в ресторане затянулась до полуночи.

В номер гостиницы Петрашевич добрался с трудом, еле стоял на ногах. И сразу же в одежде упал на кровать...

На первом же допросе Петрашевич рассказал о своей шпионской работе. Отрицать что-

либо не было смысла: в момент задержания у него обнаружили предметы шпионской экипировки.

— Поверьте, я ошибся, став на предательский путь,— часто повторял он.— Я искуплю вину...

В те же самые часы во Львове были извлечены из потайных мест в квартире Петрашевича шпионские документы, а в магазине у сестры Альберта из сейфа был взят оставленный перед отъездом чемоданчик со шпионскими бумагами.

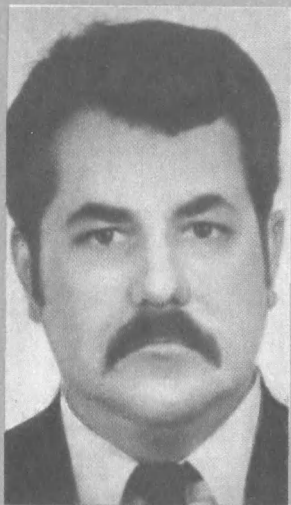
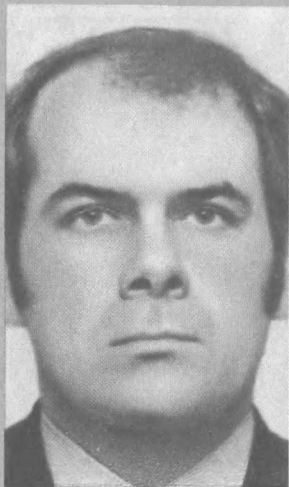
Тяжкие преступления Петрашевича перед Родиной были полностью доказаны. Шпион во всем признал себя виновным. Просил снисхождения, винил в происшедшем уехавшего в США Израилевского — этого «торговца людскими душами», который втянул его в авантюру, давая обещания «спасти» в нужную минуту. Все это так. Но Петрашевич сам ступил на путь предательства, и нет ему снисхождения. За измену Родине, выразившуюся в шпионаже в пользу США, суд приговорил его к лишению свободы на длительный срок.

Здание посольства
США в Москве

Эдмунд Вильям
Келли —
«атташе» посольства,
1975 год.

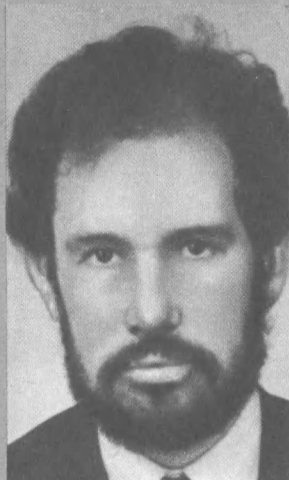
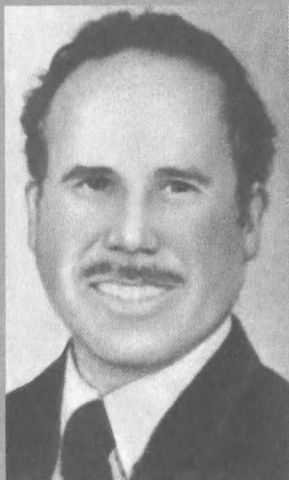
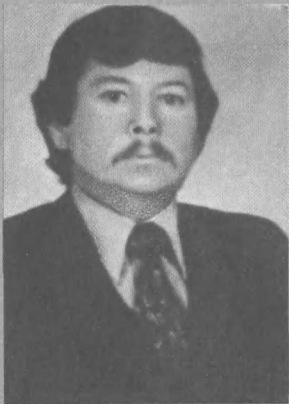
Марта Петерсон —
«секретарь-архивист»
посольства, 1977 год.

Питер Богатыр —
«третий секретарь»
посольства,
1981 год.

Винсент Квинлан
Крокетт —
«гражданский
помощник атташе
по вопросам обороны»,
1977 год.

Разведчица ЦРУ Марта Петерсон, задержанная с поличным в момент закладки тайника для американского шпиона Огородника, возвращается в посольство после опознания ее личности.

Луис Томас — «атташе»,
1983 год.

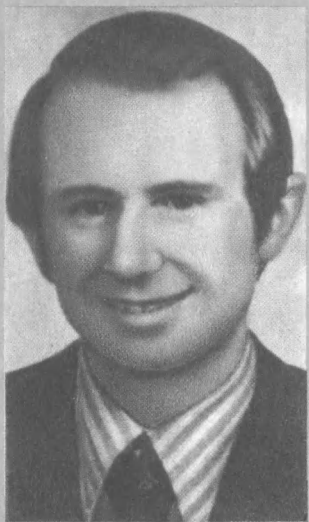
Пол Стомбуах —
«второй секретарь»
посольства, 1985 год.

Ричард Осборн —
«первый секретарь»
посольства, 1983 год.

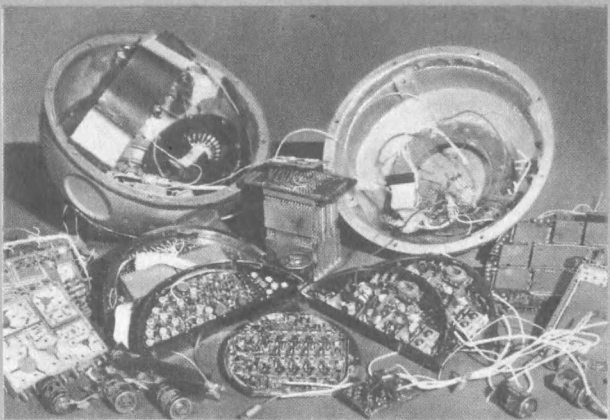
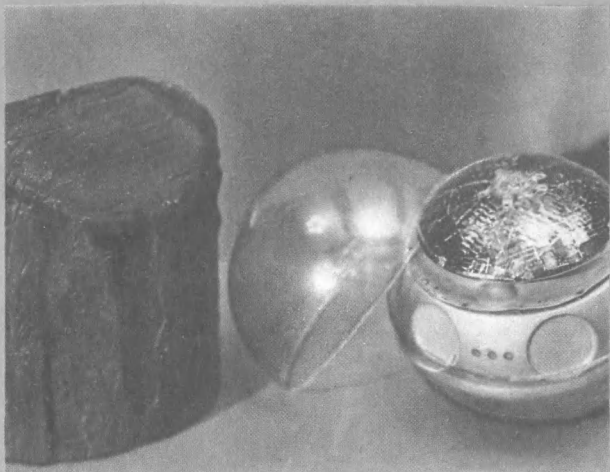
Майкл Селлерс —
«второй секретарь»
посольства, 1986 год.

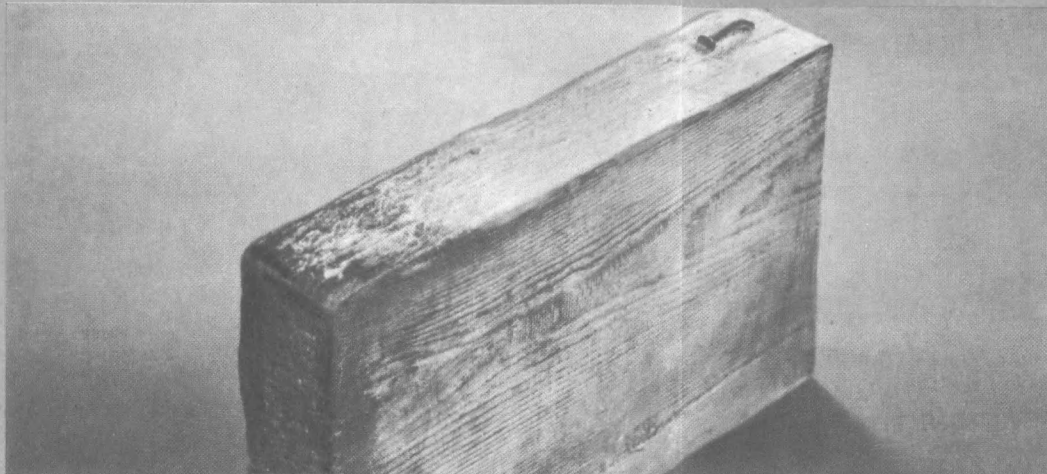
Подмосковье. Здесь, вблизи одного из оборонных объектов был конспиративно установлен «сосновый пенек».

Американские
разведчики
Веттерби (фото сверху)
и Корбин, действовавшие
под прикрытием
сотрудников
посольства США
в Москве —
участники операции
«сосновый пенек».

Содержимое «пенька» — сложный комплекс специальной разведывательной аппаратуры.

«Хитроумный»
шпионский контейнер,
изготовленный в форме
деревянного бруска,
предназначавшийся
для разоблаченных
органами КГБ
агентов ЦРУ Капомяна
и Григоряна.

Содержимое контейнера.
В письмах, подделанных
под переписку
американских
туристов,
на подставные адреса
направлялась в ЦРУ
запрашиваемая
информация.

Ленинград. Во дворе Боткинской больницы был задержан с поличным при изъятии шпионского контейнера американский разведчик Шорер, вице-консул генерального консульства США.

На фото — контейнер, изготовленный в форме плоской коробки и переданный американской разведкой советскому гражданину Борису Н., которого ЦРУ рассчитывало вовлечь в свои шпионские сети. Согласно инструкции ЦРУ, контейнер с помощью вделанного в него магнита должен был крепиться к нижней части металлического ящика, укрепленного на стене здания больницы.

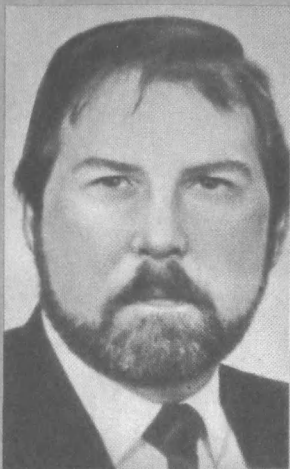

Американский разведчик Лэнжелли, атташе посольства США в Москве, передает в автобусе материалы шпиону Попову.

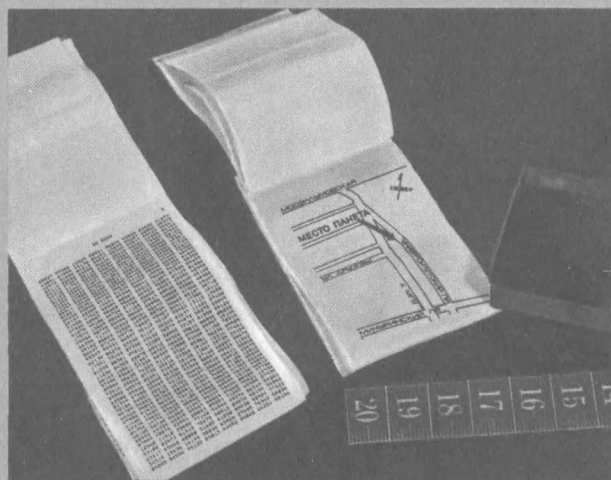
Шпионский контейнер
с инструкциями ЦРУ
для советского
гражданина
Липавского, которого
пыталась завербовать
американская разведка.

Второй секретарь
посольства США
в Москве
Мэлвин Левицки,
специалист
по «правам человека»,
по совместительству —
связник ЦРУ,
активный участник
операции по вербовке
Липавского.

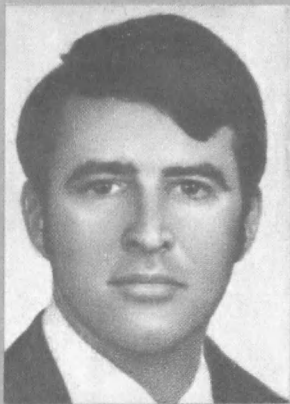
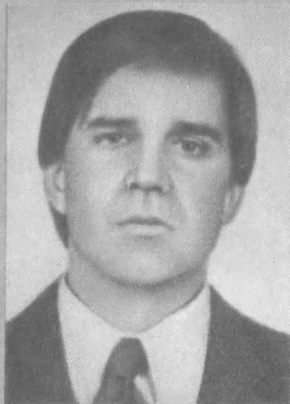
Участники шпионской операции ЦРУ: Алекс Грищук — сотрудник посольства США в Москве и Ричард Миллер — консул генконсульства США в Ленинграде.

Разведчик ЦРУ Лон Аугустенборг, вице-консул генконсульства США в Ленинграде, задержанный с поличным вместе с женой при попытке изъять шпионский контейнер из тайника.

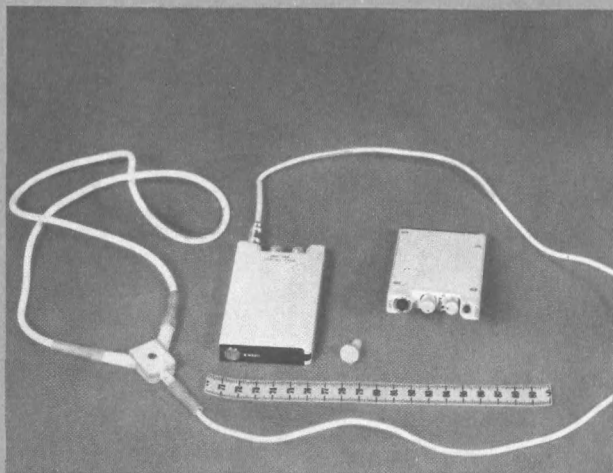

Контейнер
со шпионскими
материалами,
предназначавшийся
для агента ЦРУ
Филатова.

Шифрблокнот
и инструкции ЦРУ
для Филатова.

Шпионское «трио» —
участники
тайной операции
резидентуры ЦРУ
в Москве
по вербовке
советского гражданина
Иванова.
Деннис Макмэхен —
третий секретарь
посольства.
Джозеф Макдональд —
второй секретарь
посольства.
Питер Сэмлер —
советник
экономического отдела.

Портативная разведывательная аппаратура для контроля и перехвата радиосвязи, изъятая у разведчика ЦРУ Крокетта, находившегося в СССР под прикрытием «гражданского помощника» атташе по вопросам обороны при посольстве США. Крокетт был захвачен с поличным в Москве при проведении шпионской акции.

Ю. Дмитриев

БИТАЯ КАРТА

Письмо из прошлого

История эта началась давно, когда один из ее участников — белорусский парень из Полесья, вовлеченный, как и многие миллионы его сверстников, в водоворот бушевавшей на советской земле войны, оказался по ту сторону...

А закончилась она в середине 1983 года лаконичным официальным сообщением:

«В Комитете государственной безопасности СССР.

...В г. Москве при проведении шпионской акции был задержан с поличным атташе посольства США Луис Томас. В ходе расследования получены уликовые материалы, полностью изобличающие этого американского дипломата в осуществлении разведывательной деятельности, несовместимой с его официальным статусом. За противоправные шпионские действия Л. Томас объявлен персона нон грата».

Какая же ниточка протянулась между разведчиком ЦРУ Луисом Томасом, прятавшимся за ширмой атташе американского посольства в Москве, и Михаилом Алексеевичем Борщевским, тем когда-то очень молодым белорусским парнем, которому в далеком сорок первом было едва ли восемнадцать лет? Что связало разде-

ленные десятилетиями события, в которых вновь оказалось замешанным шпионское ведомство США — Центральное разведывательное управление?

Однажды утром Михаил Алексеевич Борщевский, живущий сейчас в одном из белорусских городов, обнаружил в своем почтовом ящике удивившее его письмо. Оно, как явствовало из синего штампа, было из Москвы, где у него вроде и знакомых-то нет. Не говоря уж о родственниках, которых вообще осталось мало. Война, годы — кого пулей сразило, как родного брата осенью 44-го под Брестом, кого хворь да старость в могилу свели.

«Дорогой друг, — начиналось письмо, — давай встретимся поскорее. Обещаю тебе долгую разлуку компенсировать гостеприимством...» И вдруг такая фраза: «Мы хорошо помним тебя, помним дорогого нам Карла!» Машинально дочитал до конца полное намеков и условностей письмо, где неизвестный пока отправитель приглашал приехать в Москву, называл место встречи и конкретное время.

Борщевский еще раз перечитал строки неожиданного письма — и болью защемило сердце. «Неужели вспомнили-таки, отыскиали, опять в омут тянут?..»

...1952 год. Хмурый январский Мюнхен, разношерстный, разноязычный люд — занесены сюда войной. По улицам снуют военные «джипы» и «доджи» с американскими военнослужащими. Янки чувствуют себя здесь хозяевами. Понастроили казарм, полигонов и стрельбищ и еще кое-что, что старались держать в секрете, — вроде одного из неприметных зданий в пригородном местечке Кауфбайерн. Там размещалась

американская разведывательно-диверсионная школа. В нее и попал тогда, в пятьдесят втором, молодой Борщевский.

Как очутился он за границей, что привело его в шпионское гнездо? Об этом он рассказывает сам, ничего не скрывая и не приукрашивая. Встретились мы с ним в его гостеприимном доме, в котором Михаил Алексеевич живет с семьей.

— Будь она проклята, война, — с горечью начинает Борщевский. — С нее все и пошло. Осенью сорок первого стрелковый полк, где я служил, попал в окружение. Было это на Смоленщине, шли тяжелые бои. Потом плен. Лагерь военнопленных в Рославле. Затем каторжные работы в Германии под дулом автомата. Пришлось хлебнуть горя, отведать подневольного труда. Когда закончилась война, я оказался в американской зоне оккупации. Возвратиться сразу на Родину побоялся. Пугали нас «сибирскими лагерями», а сами новые хозяева оборудовали для тысяч и тысяч запуганных, плохо разбиравшихся в политике людей свои лагеря — для перемещенных лиц. Так нас тогда называли...

Смотрю на смуглое широкое лицо моего собеседника, вглядываюсь в его очень живые, молодые еще, но с постоянной грустинкой глаза. Думаю, какой бедой оборачивается в жизни каждый неверный шаг в молодые годы. На чужбине приглядели его главари белорусских националистов — бывшие фашистские пособники и прихлебатели вроде избежавшего справедливого возмездия Бориса Рогули, быстро нашедшие себе новых покровителей в американской разведке.

Не сообразил молодой еще Борщевский, что так называемая организация белорусских скаутов, куда его втянули и где заставили даже принять «присягу», все эти «кружки» и «землячества» были просто приманкой для несведущих людей, которых одурманивали, играя на их национальных чувствах, а на деле готовили человеческое сырье для западных спецслужб, и в первую очередь американских.

В тот самый день, когда Борщевский приехал в Мюнхен и встретился там с высоким, мрачным американцем, назвавшимся Полом, он понял, что попал в руки разведчиков. Пол разместил его на конспиративной квартире ЦРУ, дал немного денег на питание. К делу приступил немедленно: уже в первый день во время обеда потребовал рассказать о себе, назвать друзей и знакомых. На следующий день Борщевского уже осматривали, ощупывали дюжие врачи с офицерской выправкой. Другие незнакомцы в штатском заполняли какие-то карточки, снимали отпечатки пальцев.

От всего этого Михаилу стало не по себе. Неужели же придется возвращаться на Родину такой ценой? Жизнь в чужой стране опостылела ему. Где только не мотался он в поисках заработка — слесарничал на заводе вблизи Франкфурта-на-Майне, очищал жернова на водяной мельнице где-то в горах у Рейна. Потом завербовался на английские угольные шахты вблизи Ковентри. Вот там-то в местной пивной его и «облагодетельствовал» своим вниманием тот самый Рогуля, у которого, все это знали, руки были по локоть в крови, которого боялись даже его подручные. Он сплеходительно похлопал по плечу Борщевского и тоном, не терпя-

щим возражений, сказал: «Мы еще возьмем свое, мы еще повоюем...» Потом добавил: «Поезжай, парень, в Бельгию. Поучись в гимназии, поработай. Там есть наши люди. Они тебя найдут...»

И вот «нашли». «Помогли». Устроили в американскую шпионскую школу...

Из показаний Борщевского на заседании военного трибунала: «В разведшколе мне дали кличку «Карл». Еще троих молодых парней примерно с такой же, как у меня, судьбой окрестили «Бен», «Джо» и «Фин». Нас стали обучать радиodelу, топографии, прыжкам с парашютом. Потом нас разделили, учили по одному: подделке паспортов, военных билетов, печатей, владению оружием, стрельбе ночью, в темноте, приемам самбо. Много времени уделяли отработке легенд. Мне выдали советский паспорт на вымышленную фамилию. Я должен был рассказывать, что якобы во время войны потерял родителей, жил у родственников, с 1942 по 1947 год служил в Советской Армии, потом работал на заводе.

Проводили занятия по тайнописи, учили переписке с помощью симпатических чернил, другим способам связи с американской разведкой. Дали адрес конспиративной квартиры в Париже, где жил один из подручных Рогули, куда велели направлять сообщения, если бы прервалась радиосвязь».

И вот в один из августовских дней 1952 года Борщевского и его группу разведчики ЦРУ повезли на американский военный аэродром. Предстоял полет на территорию СССР — тот роковой полет, который подвел черту под первой половиной жизни Борщевского.

Прозрение

Рассматриваю захваченное шпионское снаряжение. Чего здесь только нет: большие зеленые, под цвет листвы, шелковые парашюты, автоматы времен минувшей войны, пистолеты, ножи, бинокли, карты, компасы, приемники, радиопередатчики. И три спальных мешка. Все это было обнаружено у разведывательно-диверсионной группы, в состав которой входил Борщевский. Все сохранено как зловещий символ «холодной войны», которую развязали против СССР бывшие западные союзники.

...В ночь с 26 на 27 августа 1952 года четырехмоторный самолет без опознавательных знаков тайком проник в советское воздушное пространство.

Тревожное то было время. Еще недавно наши и американские солдаты, встретившись на Эльбе, с радостью обнимали друг друга, горячо приветствовали, поднимали тосты за долгожданную победу. Еще жива была в памяти боевая союзническая дружба. Но уже всюду повеяли ветры «холодной войны», и в американских армейских штабах, еще вчера планировавших совместные операции против фашистского вермахта, рождались зловещие замыслы атомных бомбардировок советских городов, ударов с воздуха и моря по социалистическим странам. Этот варварский план носил название «Дропшот». Разрабатывались и другие агрессивные акции американской военщины.

Всюду развернулось и шпионское ведомство — ЦРУ. Для обеспечения воинственных планов Пентагона оно приступило к операциям по соз-

данию разведывательно-диверсионного подполья на территории СССР. Разрабатывались планы массовой заброски в нашу страну агентов-диверсантов, которых в срочном порядке обучали в специальных школах ЦРУ в Западной Европе. Денег на это не жалели. Какие только ухищрения ни придумывались, чтобы забрасывать в Советский Союз свою агентуру. Специальные ранцы с легким реактивным двигателем — для преодоления преград, воздушные шары, крохотные одноместные вертолеты, специальные водолазные костюмы, надувные лодки и плотки и другое снаряжение. Излюбленным приемом ЦРУ была заброска шпионов с самолетов.

...Шел второй час ночи, когда темно-зеленый «дуглас», нарушивший советскую границу, резко начал снижаться. Что впереди, как сложится дальше судьба? Мрачные мысли нарушила команда: «Прыгать!» Четыре темные точки отделились от самолета. Диверсанты приземлились удачно. Было это вблизи деревни Клетиче тогдашней Молодечненской области. Осмотрелись, зарыли парашюты. Потом передали по радио в шпионский центр в Западной Германии свои координаты, доложили, что готовы для дальнейших действий. Что же поручили им делать на советской земле хозяева из ЦРУ?

В следственных материалах читаем: «Ипструктировал нас перед заброской американский генерал, назвавшийся Виктором. Он и сформулировал задание: организовать шпионскую сеть, вербовать агентов, подбирать удобные площадки для выброски новых шпионских групп, вести наблюдение за оборонными объектами, за передвижениями войск, изучать вокзалы, автотрас-

сы, добывать документы, используемые на территории СССР,— паспорта, военные билеты и другие. Вести антисоветскую и националистическую пропаганду. Если потребуется — применять оружие, часовых снимать с помощью бесшумных пистолетов...»

Агентов-диверсантов забрасывали надолго, оснащали их авторучками для стрельбы ядовитым газом, чтобы расправляться с намеченными жертвами. Имели они с собой лопаты, топор, пилу-пожовку для строительства землянок. Что еще? Карандаши с подсветкой, чтобы и по ночам можно было донесения писать, компасы, бинокли. Спальных мешков почему-то оказалось три на четверых — четвертый диверсант должен был, согласно этому нехитрому замыслу, постоянно бодрствовать, нести охрану.

Но не помогли ни ночные бодрствования, ни легенды, ни по-кошачьи осторожные рейды в близлежащие города и поселки. Не помогли и попытки оказать сопротивление, когда обнаруженная при активной помощи местных жителей шпионская группа была обезврежена чекистами. Диверсанты предстали перед военным трибуналом.

Измена Родине, шпионаж... Полагается за это суровое наказание. Но учли молодость Борщевского, его чистосердечное раскаяние. Годы, проведенные в заключении, не прошли бесследно. Много передумал, читал, вникая в суть происшедшего, добросовестно трудился, овладел несколькими рабочими профессиями. Понял, осмыслил, осудил свои ошибки и преступления. Проклял все, что связывало его со шпионским прошлым.

Начал новую жизнь, создал семью. Растет сынишка, на работе уважают за честный труд.

И вдруг это письмо, зовущее обратно в пропасть. Нет, господа из ЦРУ, не тот уже Борщевский. Слишком дорогой была его плата за ошибки молодости. Слишком долгим и трудным путь к высокому званию советского гражданина. Он знал теперь, как поступить: решил дать бой тем, кто однажды толкнул его на тяжкое преступление.

...И вот в назначенное в письме ЦРУ время Борщевский приехал в Москву и направился поздним вечером в обусловленный район. Это был небольшой сквер, где уже прогуливался невысокий человек с черным пуделем. Вроде бы вышел на прогулку перед сном — в синей спортивной куртке, светлой майке, бежевых брюках. Картина довольно обычная для тех, кто держит собак.

Увидев Борщевского, незнакомец окинул его внимательным взглядом и решительно направился в его сторону. Спросил по-английски: «Вы Карл?..» Получив утвердительный ответ, ловким профессиональным движением извлек из кармана и вручил Борщевскому небольшую пачку конфет «Холодок». Успел только сказать: «Это для вас, внутри вы найдете необходимые инструкции...» В этот момент американский разведчик был задержан. Потрясенный неожиданным провалом, он долго не мог прийти в себя. Задержанный оказался разведчиком ЦРУ и «по совместительству» атташе посольства США Луисом Томасом.

В безобидной пачке из-под конфет действительно была спрятана инструкция ЦРУ. В ней, в частности, содержались подробные указания

для отыскания и изъятия тайника со шпионскими материалами. Когда обнаруженный позже шпионский контейнер, изготовленный «умельцами» из ЦРУ в виде булыжника, показали дипломатам посольства США, смущенным американцам оставалось только развести руками.

А Михаил Алексеевич Борщевский уехал в свой родной город. Уехал с сознанием выполненного долга перед своим народом.

В. Чирков

КОНЕЦ

«РОЛЬФА ДАНИЭЛА»

Да, вся эта история напоминает детектив. Но она не выдумана, имена здесь приведены подлинные, факты — тоже. И все-таки, листая это уголовное дело, возбужденное по признакам преступления, предусмотренного пунктом «А» статьи 64 УК РСФСР (шпионаж), я то и дело ловил себя на мысли, что читаю сценарий какого-то фильма «про шпионов». Потом, на суде, я увидел живых людей, имена которых значились в деле как Обвиняемый, Свидетель...

Не раз упоминались и такие персонажи, как Иностранные Разведчики. Пользуясь дипломатической неприкосновенностью, они избежали скамьи подсудимых, но были выдворены из СССР. Один из них — бывший сотрудник генерального консульства США в Ленинграде Аугустенбург, пойманный с поличным на шпионаже. С ним мы еще не раз встретимся. Но после. Сейчас же — о том, как все начиналось, а точнее, о начале конца одной из шпионских операций Центрального разведывательного управления США.

Измайлово, Москва. К вечеру над Москвой нависла грозная туча. Хлынул дождь, разогнав слепополуденную жаркую духоту и запоздалых

туристов, бродивших у храма возле Серебряно-Виноградного пруда в Измайлове. Поднимая фонтаны брызг, неслась по шоссе одинокая машина. Вспышка молнии осветила на мгновение дипломатический номер посольства США в Москве. Неподалеку от окруженного рвом собора из нее вышел высокий, худощавый молодой человек с сумкой, наполненной чем-то громоздким и тяжелым. На несколько минут он скрылся в зарослях кустарника. Промокший до нитки, буквально выполз оттуда, воровато огляделся по сторонам. Никого. Сумка его была пуста. Еще раз оглядевшись, он стряхнул с белой рубашки налипшие травинки, облегченно вздохнул и поспешно ретировался.

Комитет государственной безопасности, Москва. Далеко за полночь чекисты вернулись из Измайлова. В кустах, где ползал под дождем любитель ночных прогулок из американского посольства, они обнаружили ничем не примечательный на первый взгляд камень-тайник, внутри которого лежали шпионские инструкции, шифроблокноты и другой шпионский реквизит...

Измайлово, Москва. Кучерявый человек с узко посаженными глазками подошел к зарослям кустарника, огляделся. В это раннее утро в парке было пусто. Солнце едва позолотило коричневую воду рва. Человек нагнулся, поднял камень, положил его в дорожную сумку, выпрямился и от неожиданности и внезапно нахлынувшего страха осел — подкосились колени. Снова заставил себя оглядеться. Нет, ничего опасного — просто хлопнула дверь проезжавшей мимо автомашины. Озираясь по сторонам, кучерявый направился в сторону метро. Страх гнал его от этого места. И небезосновательно. Сколько веревочек ни виться, а концу быть...

Ленинград, управление КГБ. Кучерявым оказался Ю. В. Павлов, сотрудник Арктического и Антарктического НИИ Госкомгидромета. Им давно уже интересовались советские контрразведчики. Новые данные все поставили на свои места. Ясен стал и характер его внешне «безобидных» контактов с иностранцами в заграничных портах, где оказывался Павлов, плавающая по морям и океанам в качестве члена экипажа советского научно-исследовательского судна. Когда следователи после его ареста начали восстанавливать ход событий, Павлову пришлось «вспомнить» все до деталей. И истину удалось по крупицам установить в полном объеме, понять, почему и как он превратился в предателя и агента иностранной разведки под звучной кличкой «Рольф Даниэл».

Павлов родился в 1935 году в Куйбышеве. Отец — по образованию горный инженер. Мать — преподаватель английского языка.

Павлов окончил школу, затем один из ленинградских институтов по редкой тогда специальности — экспериментальная ядерная физика. Какое-то время работал над диссертацией. Показалось скучно. Бросил. Лишь через несколько лет взялся за фантастический проект «Создание искусственных алмазов с помощью ядерных взрывов». Потом Павлов решил попытать счастья в другой сфере. Из научно-исследовательского института в Ленинграде, куда его направили по распределению, он, не проработав и двух лет, уехал на Дальний Восток. Так в начале 1961 года впервые Павлов оказался в океане на борту теперь уже легендарного «Витязя». Маршрут его проходил через Японию, острова Таити, Фиджи, Гавайи...

Все это было необычно и вместе с тем посвоему обыкновенно. На борту «Витязя» шла серьезная научная работа, и никто не ждал за нее ни фанфар, ни лавров. Никто, кроме Павлова. Он верил в себя куда более значительного, чем был на самом деле. Реальность его лишь раздражала, напоминая о себе бытом и служебными обязанностями. И поэтому, возвратившись из заграничного путешествия на скромную должность в одном из владивостокских НИИ, он, подобно Остапу Бендеру, произнес классическую фразу: «Это не Рио-де-Жанейро». Павлов не мог и предположить, что ему придется там побывать.

В Ленинграде, куда Павлов вскоре вернулся после смерти отца, его тоже не встретили с фанфарами. За семь лет (с 1962 по 1969 год) он сменил несколько мест работы. Искал не интересного дела, а где больше платят. Этот период его жизни отмечен в трудовой книжке номером воинской части. То, чем он там занимался, обычно квалифицируется термином «секретные работы и документы», и, естественно, с него взяли подписку об обязательстве хранить подобные тайны.

Позже, когда он был уже завербован ЦРУ, в Лэнгли особо заинтересовались именно теми секретами, к которым Павлов имел доступ.

«...Мне показали уголовный кодекс в ходе следствия,— говорил Павлов.— И я понял, каков характер моих преступлений...»

«Показатель лжи», если употребить судебно-медицинский термин, здесь гораздо выше нормы. Павлов, конечно, хорошо знал, чем чревато разглашение секретных сведений. Но в этом — весь Павлов.

На судебном процессе он признавал только неопровержимые факты. Играл свою роль до конца...

«Роль супермена,— пояснил следователь, который вел его дело.— Он искренне считает себя таким. По сути дела, он авантюрист, азартный игрок, уверенный, что сумеет переиграть всех. На следствии, кстати, он никак не мог поверить, что его провал был предопределен. Все искал, где он совершил ошибку, позволившую КГБ взять его с поличным. Думал: случайность...»

Ленинград. Двойная жизнь Павлова началась задолго до того, как он стал предателем. В обвинительном заключении по его делу есть такие слова:

«...В результате идейного перерождения Павлов Ю. В. встал на позиции противника Советской власти».

За что же он на Советскую власть так обиделся? Чем не угодили ему? Вот еще несколько строк из его биографии.

В 1969 году он переходит на работу в Регистр СССР. «Со временем,— рассказывает он сам,— я стал одной из центральных фигур в атомной инспекции Регистра. В 1977—1980 годах в составе делегации СССР выезжал за границу на заседания международной группы по разработке кодекса безопасности атомных судов. Четыре раза был в Лондоне, по разу — в Генуе, Оттаве, Гамбурге». И все же оп из Регистра ушел. Сам. Почему? Вот как он это объяснял потом, на следствии:

«Я понял, что рамки этой организации узки для меня. Наступил длительный период заскучав...»

Он «просиживал на работе часами, глядя в

потолок». Это его слова. О чем же мечталось-грезилось в рабочее время? О «красивой жизни», о славе, о даче, и не где-нибудь, а на Багамских островах...

В обвинительном заключении по его делу отмечается, что именно в период тех голубых грез у Павлова «возникло стойкое стремление к наживе». Станным образом это стремление сочеталось с присущей Павлову маниловщиной. Где-то он услышал, будто лауреатам Нобелевской премии дают виллу на Багамских островах. И грезил наяву: «Все иностранные телеграфные агентства передают: «Юрий Павлов, выдающийся ученый, которого не сумели оценить по достоинству в Советском Союзе, удостоен Нобелевской премии за свои работы по созданию искусственных алмазов с помощью ядерных взрывов...»

Так постепенно у него вызревал план передать свою давно отвергнутую рукопись на Запад. Там, как он считал, оценят...

Осенью 1981 года Павлов переходит на работу из Регистра в Арктический и Антарктический НИИ Госкомгидромета. Переходит с понижением в должности только для того, чтобы отправиться в заграничный рейс на научно-исследовательском судне «Профессор Визе».

Порт Олесунн, Норвегия. Октябрь 1981 года. Вместе с группой моряков Павлов сходит на берег. В кармане у него письмо на английском языке. В нем он пишет, что в России его не признают, возможностей для проведения научных работ по предложенному им методу у него нет, а к тому же не хватает и денег. В письмо он вложил описание изобретенного им «метода получения искусственных алмазов», маршрут

судна. Приписал: «Я одет в старое темное пальто, на голове вязаная шапочка, в правой руке буду держать красочный буклет...»

Вместе с группой моряков он пошел на городской почтамт, быстро нацарапал на конверте адрес: «Олесунн, Норвегия. Консульству ФРГ» — и опустил его в почтовый ящик.

Дважды — в Гамбурге (ФРГ) и в Рейкьявике (Исландия) — он выходил с красочным буклетом в руке на берег. Но к нему никто не подошел.

23 марта 1982 года «Профессор Визе» снова пришвартовался у причалов Гамбурга. Во втором рейсе Павлову наконец «повезло».

Из показаний Павлова: «...Я сошел на берег в том же виде (пальто, шапочка, но без буклета). Высокий, пожилой, загорелый, слегка косящийся человек упорно следовал за нами и, улучив момент, подал мне знак, явно стараясь привлечь мое внимание. Наша группа вошла в универмаг. Члены группы были увлечены выбором сувениров, так что можно было спокойно сойтись. Приблизившись ко мне, этот человек показал мне конверт моего письма в консульство ФРГ и спросил по-английски, я ли написал это письмо. Затем передал мне конверт, где, как я потом обнаружил, было 800 западно-германских марок. Далее он сказал, что надеется на продолжение контакта, ибо он будет полезен и мне, и ему...»

«Пожилой немец» попросил его на прощание коротко сообщить свою биографию, дать список научных трудов. Это, как он сказал, нужно одному научному центру в ФРГ, который собирается субсидировать работу Павлова. Значит, все-таки оценили...

В каюте Павлов долго мусолил в руках пачку денежных купюр. Сначала переложил их из кармана пальто в пиджак, потом под подушку. Снова вынул деньги и пересчитал их. Вспомнил, что в ювелирном магазине у порта видел золотой браслет. Кажется, он стоил 550 марок. Вот такой бы купить. И еще останется... Так он и сделал. Потом этот браслет фигурировал на суде в качестве вещественного доказательства...

Рио-де-Жанейро, Бразилия. Косоглазый предупредил, расставаясь: «Мы с вами встретимся в следующем порту...»

На встрече в Рио-де-Жанейро о науке больше разговоров не было. «Пожилой немец» начал разговор издали. Сперва попросил Павлова расписаться в получении 800 марок. «Для отчетности». Потом сказал: «К сожалению, в наших научных кругах очень мало знают о Советском Союзе. У вас, увы, закрытое общество. И то, что мы в своей свободной печати публикуем открыто, у вас — тайна за семью печатями. Вы, кажется, имели дело с атомными двигателями для кораблей, судя по вашим поездкам за границу с советскими делегациями...»

«Да,— ответил Павлов.— Секрета в этом нет».

«Упаси бог, нас не интересуют действительно секретные данные. Но тот научный центр, который готов вам помочь, хотел бы в качестве компенсации получить от вас ответы на кое-какие вопросы. Разумеется, все это останется в тайне и никак не повлияет на вашу карьеру. Да и вопросы-то вполне невинные...»

Вопросы были далеко не невинные. «Пожилой немец», кадровый сотрудник «Бундеснах-

рихтендинст», спецслужбы ФРГ, созданной после войны ЦРУ и бывшим гитлеровским генералом Геленом, потребовал от Павлова данные, составляющие государственную тайну СССР.

Павлов понял, куда катится и во что его втягивают. Попробовал было отказаться, но «немец» намекнул, что полученную сумму надо как-то отрабатывать...

Если бы Павлов сумел остановиться хотя бы тогда, нам не пришлось бы с ним встречаться в зале заседаний Ленинградского военного трибунала. Советский закон гуманен. Явка с повинной была для Павлова единственной возможностью избежать скамьи подсудимых. Но он не остановился...

Санта-Крус де-Тенерифе, Канарские острова.
12 мая 1982 года в автобус, шедший к порту, неожиданно вошел «пожилой немец». За остановку до порта он пошел к выходу. Проходя мимо Павлова, уронил ему на колени газету, извинился. Павлов передал ему газету, только свою, в которую запрятал конверт с ответами на вопросы, полученные в Рио-де-Жанейро. На судне в газете «немца» он нашел сверток. Там — деньги и очередные инструкции...

К вечеру «Профессор Визе» покинул Канарские острова и взял курс на Ленинград.

В Ленинграде вновь появилась возможность пойти и рассказать обо всем, что случилось с ним во время рейса. Но не пошел. Почему?

Из показаний Павлова: «...Мысль рассказать обо всем у меня возникала, но я подавлял ее и не планировал раскрываться: стремился сохранить полученные деньги...»

В Санта-Крусе он не успел потратить все свои шпионские «заработки». Из полиэтилена сделал

себе нателный пояс и, сходя с борта «Профессора Визе», пронес деньги контрабандой через таможеню. Таким же путем он доставил эти деньги на борт научно-исследовательского судна «Профессор Зубов», покинувшего Ленинград 6 октября 1982 года.

Копенгаген. У выхода из порта стоял знакомый «пожилой немец», подмигивая косым глазом. Павлов метнулся в сторону, тот пошел за ним, держась чуть поодаль, чтобы не привлекать внимания моряков с «Зубова». Неподалеку от памятника погибшим рыбакам группа остановилась сфотографироваться. Павлов отошел к цветочному киоску.

«Здравствуйте, с благополучным прибытием,— услышал он хрипловатый голос косоглазого.— Что вы так нервничаете? Успокойтесь. За вами никто не следит. Что-нибудь привезли свеженького?»

«Нет, не сумел»,— ответил Павлов.

«Нет товара — нет денег,— прохрипел «пожилой немец».— Впрочем, можете заработать. Вот тут анкеты. Ответьте на вопросы. Постарайтесь к завтрашнему дню ответить на все сразу. С вами будет работать мой коллега, молодой парень. У него тоже к вам будет несколько технических вопросов. Он вас найдет сам. А я с вами встречу в Рио. Кстати, если вам нужен фотоаппарат, то у меня в кармане «Минокс». Пользоваться им просто...»

Ночью Павлов аккуратно заполнил вопросник, потом забрался под одеяло и долго ворочался, прежде чем забылся беспокойным сном.

Утром он вновь сошел на берег. У старинного особняка на улице Строгет услышал вопрос по-английски: «Дорогой друг... Вы ответили на

нашу анкету?» Перед ним стоял молодой лысеющий блондин высокого роста с синей пластиковой сумкой в руке. Павлов передал ему бумаги. Тот достал из кармана какой-то листок, сверил его с почерком Павлова и, поблагодарив, быстро ушел, бросив на прощание: «До встречи в Рио».

Рио-де-Жанейро. Стоя у светофора в ожидании «зеленого», Павлов лениво разглядывал желтые и белые автобусы, заполнявшие авениду Риу-Бранку копотью дизельных двигателей, малолитражки, шарахавшиеся от наглухо закрытых лимузинов с кондиционерами, дарящими прохладу пассажирам. Кто-то ткнул его логонько в бок, и он почувствовал в своей свободной руке нечто вроде футляра от градусника. Рядом стоял знакомый по Копенгагену «молодой немец». Дали зеленый. «Немец» переходил улицу, держась как можно ближе к Павлову, и тот успел передать ему свое письмо и уточненную программу рейса «Профессора Зубова».

Из показаний Павлова: «...Вернувшись на судно, я увидел, что переданная мне вещь представляла собой картонную тонкую трубку, открытую с обеих сторон. Внутри была бумага. Я долго не мог эту бумагу вытащить. Пришлось обрезать трубку по уровень бумаги. Это был перечень технических вопросов на английском языке. Требуемые данные были мне в основном известны».

Разведка ФРГ требовала от своего агента все новых и новых данных о советских военных кораблях, двигателях для атомных подводных лодок, оборонных предприятиях, о тех, кто там работает...

Да, Павлов понимал, что увязает все глубже в шпионской трясине, из которой уже просто так не выбраться.

Наутро Павлов снова вышел в город. Забежал в аптеку якобы купить бритву. Там его уже поджидал «пожилой немец».

«Привет, давно не виделись».

«Тише вы,— ответил Павлов.— Нас могут услышать».

«Зря волнуетесь. Ваши далеко. Принесли ответы?»

«Да, вот здесь»,— сказал Павлов, передавая «немцу» запечатанный конверт, над содержанием которого он трудился до полуночи.

«Вот деньги»,— полез было в карман «немец».

«Не надо здесь. Лучше в Монтевидео».

«Это хорошо, что вы осторожны. Ваша группа ждет вас на ближайшем перекрестке. Спешите, догоняйте».

Вся встреча заняла пять минут. Наутро «Профессор Зубов» покинул Рио-де-Жанейро и взял курс на Уругвай.

Монтевидео. Знакомых немцев Павлов сразу увидел у выезда из порта. Незаметно махнул им рукой. Успел увидеть, как они медленно пошли к своей машине...

Встретились только в полдень. На площади Независимости сидел на скамейке «молодой немец», делая вид, что рассматривает голубей, вертевшихся у его ног в ожидании корма. Павлов поотстал от своих товарищей и свернул за угол. «Немец» тут же нагнал его и сунул ему в карман конверт. «Там деньги,— сказал он,— и небольшой сюрприз для вас. С вами теперь будут работать американцы. Завтра постарайтесь к одиннадцати часам прийти в отель «Прези-

дент». Это на площади Артигаса по левую сторону, рядом с вывеской «Гуд стайл», примерно в двух кварталах отсюда по улице 18 Июля. Там вас встретят. И не беспокойтесь, безопасность вам гарантируют полную...»

По дороге в порт он снова прокрутил в памяти разговор с «молодым немцем». Почему же все-таки его отдают американцам? Решили, что уже не нужен?

Павлов так до конца и не понял, почему его передали (или перепродали?) американцам. Едва ли он знал о том, что западногерманские спецслужбы с самого момента их возникновения ходят в подручных у своих американских хозяев.

Пригретые американцами выкормыши Гелена спят и видят, как бы подключиться к «кредитовому походу» против социалистического содружества, и в первую очередь против Советского Союза, как лучше услужить своему хозяину.

На судне, открыв в каюте конверт и прочитав находившиеся в нем инструкции, Павлов заставил себя успокоиться. Американцы уговаривали: «Ваша безопасность стоит у нас на первом месте...» Далее излагались условия сотрудничества с ЦРУ — ежемесячный оклад и размер вознаграждения за каждое важное сообщение. Все это будет поступать на его личный счет в банке. Павлов медленно порвал листочки, бросил их в туалет и пустил воду. Оставил только вопросник. Завтра нужно вернуть его с ответами в отеле «Президент»... Новым хозяевам... Пока что они не слишком щедры. Аванс — всего сто долларов. Остальное — от немцев в песетах, окончательный расчет.

Впрочем, надеждам Павлова на то, что с «передачей» его американской разведке на него прольется золотой дождь, не суждено было сбыться. Как в тот раз, так и потом американцы не баловали своего агента. В болезненном воображении Павлова громоздились цифры со многими нулями на его «личном счету», мелькали толстые пачки «его» долларов. Лишь потом, уже в ходе следствия, ему стало ясно, что американцы дурачили его своими посулами, ловко играя на его стремлении к наживе. Так и не узнал Павлов, как этого ни добивался, сколько денег он «заработал» и в каком банке они хранятся.

...Он заметил их за несколько кварталов до «Президента». По улице 18 Июля шел «пожилой немец», угодливо поддерживая под локоть «шефа», как сразу окрестил его про себя Павлов. «Шеф» двигался какой-то страпной походкой, будто у него был приступ радикулита и он боялся пошевелить торсом, чтобы не вызвать боль. Из-под арки они вышли на площадь почти у самого отеля. Двое впереди остановились. Павлов подошел к ним, и «шеф», сняв темные очки, протянул ему руку. «Немец» сказал: «Знакомьтесь. Это — наш американский друг». «Зовите меня Павел, — сказал он. — Приятно познакомиться с вами».

Американец всматривался в Павлова с минуту, потом вновь надел темные очки и жестом пригласил его зайти в отель.

«Нет, нет, меня могут увидеть с вами», — сказал Павлов. И только тут заметил атлетически сложенных парней, стоявших чуть поодаль. «Немец» кивнул в их сторону: «Не беспокойтесь, у нас надежная охрана».

Павел спросил, ознакомился ли Павлов с его письмом.

— Да, прочитал,— ответил он.

— Устраивают вас условия нашего сотрудничества?

— В общем, да.

— Нам надо бы поговорить подробнее. Но как? Есть предложение. Мы дадим вам таблетки. Для здоровья они совершенно безвредны, но когда вы их примете, судовой врач сочтет вас тяжело больным и вынужден будет оставить на берегу в госпитале. Там мы могли бы кое-чему научить вас, что пригодилось бы вам в будущем. А потом вы вернетесь домой с любым советским судном. Через месяц примерно.

— Это опасно,— ответил Павлов.

— Мы вам гарантируем...

— Нет, нет. Не надо никаких таблеток. Лучше так, как раньше...

— Ну ладно,— согласился Павел, доставая из кармана конверт.— Тогда держите. Здесь вопросы и немного денег на карманные расходы. Передадите ответы нашему человеку на Маврикии. Он вас найдет в районе рынка. Пароль для связи — «Павел Дуклов».

Порт-Луи, Маврикий. «Профессор Зубов» пошел из Монтевидео на юг — к острову Южная Георгия, затем пересек Атлантический океан и, обогнув юг Африки, взял курс на остров Маврикий. В ночь на 5 апреля 1983 года на горизонте показались огни Порт-Луи...

...Утром Павлов с первой же группой сошел на берег, в город. На ступеньках подъезда административного здания порта сидел чем-то похожий на мексиканца парень в темных очках. Павлов вспомнил: это был один из тех, кто сто-

ял в «кордоне» у отеля «Президент», пока они говорили с Павлом. «Мексиканец» помахал рукой Павлову и медленно пошел за его группой к рынку. У лотка с сувенирами они обменялись конвертами, и «мексиканец» тут же затерялся в толпе.

Павлов раздумывал: «Интересно, как среагируют на мои ответы американцы... Ведь и половины не знаю из того, что их интересует. Давно уже этими делами не занимался. Лишь от старых друзей кое-что удалось узнать про новые подлодки, но янки требуют точных данных. Восемьдесят вопросов, и в каждом еще по два, по три подвопроса, а где взять ответы? Ну ничего, что-нибудь придумаю. Пусть попробуют проверить».

В конверте был новый вопросник. Еще обширнее. И письмо: «Дорогой друг! Мы рады, что вы согласны работать вместе с нами. Таким образом вы строите для своей семьи лучшее будущее». Павлов прочел вопросник и криво усмехнулся: «Лучшее будущее!»

Помимо вопросника в конверте «мексиканца» оказались еще две любопытные бумажки. Во-первых, описание способов конспиративной связи с ЦРУ за границей — адреса, телефоны, по которым можно выйти на связь с «Центром» в случае, если Павлов неожиданно окажется за пределами СССР. И во-вторых, ему сообщали, что отныне он для ЦРУ уже не просто Павлов, а агент по кличке Рольф Даниэл. И именно так и надо ему впредь подписывать все свои донесения. В тексте была приписка: адреса и кличку запомнить, а бумажки, на которых все это написано, опустить в стакан с водой. Павлов удивленно рассматривал на глазах исчезающую

в воде инструкцию, для верности помешивая жидкость чайной ложечкой...

Копенгаген. Майские тюльпаны переливались всеми цветами радуги на площадях и скверах датской столицы. Но даже они не радовали моряков с «Профессора Зубова» — хотелось скорее домой. До Ленинграда осталось всего три дня хода. Последний выход на берег — и дома...

Павлов снова вышел из порта с первой группой. У «Русалочки» сидел Павел. Он встал и медленно пошел впереди группы по направлению к королевскому дворцу на площадь Амалиенбург. На площади толпились туристы в ожидании смены караула. За спиной Павлов услышал голос: «Привет от Павла Дуклова». Рядом стоял «мексиканец». Павел куда-то исчез. «Мексиканец» взял у Павлова конверт с ответами на вопросы, полученные в Порт-Луи, и сунул ему в карман блокнот.

Внутри была записка. Ему объяснили, что в блокноте тайник — за картоном в задней части. По приезде в Ленинград надо его вскрыть бритвой по краю. Сейчас запомнить только одно: если не удастся снова выехать за границу, то постараться устроиться на работу на оборонное предприятие и дать об этом сигнал в соответствии с инструкцией, спрятанной в тайнике.

17 мая 1983 года Павлов сошел на берег в Ленинграде.

Ленинград. «Дорогой друг! Мы рады, что вы получили в Копенгагене наш пакет и готовы иметь с нами связь изнутри СССР. По вашей просьбе мы внесли на ваш счет деньги... Дайте сигнал у места «Вход» о получении контейнера...»

Павлов перечитывает записку ЦРУ, находившуюся вместе со шпионским снаряжением в заложенном в Измайлове тайнике. На столе у него блокнот, полученный в Копенгагене, со вспоротой обложкой. Там — схемы тайниковой связи, ленинградские, московские адреса. А вот и «Вход»...

Рольф Даниэл еще числился в картотеках и платежных ведомостях американских спецслужб. Радиостанция ЦРУ все еще передавала предназначенные ему кодированные радиogramмы с неизменным обращением «Дорогой друг!» и уверениями в его «полной безопасности». А дело уже шло к финалу.

...Мы ехали по Ленинграду в машине с одним из тех, кто в этой операции участвовал непосредственно.

Я привык видеть Ленинград во время печальных своих наездов туда таким же, каким обычно видят его туристы. Мой спутник хорошо знает Ленинград с другой стороны, мало кому известной. Мы ехали по маршруту, которым обычно добираются из дома в генконсульство США его сотрудники. Именно на этом маршруте и были обозначены места для условных сигналов.

Владимирская площадь. Эта площадь у одного из рынков в Ленинграде именовалась «Влад». Она была выбрана для подачи Павлову сигналов о закладке предназначенных ему тайников работниками ЦРУ, скрывавшимися в Москве и Ленинграде под маской дипломатов. Если машина с дипломатическим номером генконсульства США ставилась носом к тротуару, — значит, закладка произведена в условном месте в Ленинграде, если багажником к тротуару, то в Москве. Именно так и поставила машину

24 июля 1983 года жена американского разведчика Аугустенборга, подав сигнал Рольфу Даниэлу.

Набережная Обводного канала. Жилых домов тут почти нет, после окончания рабочего дня — ни души. Здесь выбрали место для тайника под названием «Обводной».

Кронверкская улица, 16. Вернувшись в Ленинград из рейса, Павлов должен был поставить у входа в проходной двор на Кронверкской, 16, цифру «2» так, чтобы ее было видно из проезжающей по улице машины. Это означало, что он устроился на работу в соответствии с заданием и ждет сигнала о закладке тайника.

Перекресток улиц Максима Горького и Кронверкской. С перекрестка этих улиц видна телефонная будка. Это место называлось «Максим». Здесь Рольф Даниэл должен был поставить метку о готовности к закладке в тайник собранной им шпионской информации.

Проспект Добролюбова, 1/79. В инструкции ЦРУ этот дом имел название «Добро». Так же как и на Кронверкской, агенту после закладки информации в тайник следовало поставить на стене проходного двора свою двойку.

Приморское шоссе, 40-й километр. Тайник «Сорок». Таким названием обозначался дорожный указатель на 40-м километре Приморского шоссе. Мимо него сотрудники генконсульства США с семьями регулярно проезжают на свою дачу в Зеленогорске, что примерно в 60 километрах от Ленинграда. Именно у этого тайника и предстояло разыграть основными событиями...

Улица Пестеля, 11. Еще один проходной двор. Мы подошли к старому дому. Он был весь в

строительных лесах, шел ремонт. «Смотрите,— сказал мой спутник.— Сохранилась метка...» На выцветшей штукатурке чернела жирно выведенная двойка. В конце августа 1983 года Павлов таким способом сообщил ЦРУ, что содержимое тайника в Измайлове он изъял. Это место и именовалось «Вход». Я провел рукой по стене и представил себе на минуту, как проезжали мимо «Входа» «дипломаты» из генконсульства США по этой улице. Слегка притормозив, удовлетворенно отметили про себя: «Контейнер в Москве изъят». И ехали дальше. Как ни в чем не бывало...

Греция, радиоцентр ЦРУ. Сразу же после того, как появилась у «Входа» условленная двойка, из Греции, с одной из американских военных баз, окопавшихся в этой стране, радиоцентром ЦРУ было передано для Павлова следующее сообщение: «Рады, что вы изъяли контейнер. Ждем вашего сигнала о закладке в месте «Сорок».

Ленинград. 5 сентября появилась двойка в месте «Максим». На следующее утро по пути на работу сотрудник генконсульства США слегка притормозил у телефонной будки и зафиксировал метку.

Приморское шоссе, сороковой километр. 10 сентября, в субботу, в семь часов вечера у указателя на сороковом километре появилась ничем не примечательная тряпка, измазанная в мазуте. Внутри была консервная банка с информацией от Рольфа Даниэла.

И снова Павлова била нервная дрожь. На автобусной остановке он стоял один. Вроде бы обошлось. И все же всю дорогу до Ленинграда сидел, съежившись в кресле.

Ленинград — Зеленогорск. В ту же ночь на проспекте Добролюбова в условном месте «Добро» появилась очередная двойка. Утром в воскресенье 11 сентября американский разведчик из генконсульства США Мюллер убедился, что метка поставлена, и выехал на Приморское шоссе. У сорокового километра он слегка сбавил скорость и проехал на дачу в Зеленогорске. Семейство Аугустенборгов находилось там с пятицы...

Через сорок минут после прибытия Мюллера Аугустенборг с женой и двухлетней дочкой выехали с дачи консульства. За несколько минут до них с дачи вышел «передовой дозор» — еще одна машина с номером генконсульства. Она проехала мимо сорокового километра не останавливаясь. На шоссе все было спокойно. Спустя десять минут на сороковом километре появилась машина Аугустенборга. У столба он резко затормозил. Из машины вышла его жена с детским одеяльцем в руках. Одеяльце упало, точно накрыв лежавшую на бетонном основании столба грязную тряпку-контейнер.

Сделав вид, что она очень удручена своей «неловкостью», жена Аугустенборга быстро подобрала одеяльце и поспешила к автомашине. Похоже, этот спектакль тщательно отрабатывался — ведь надо было, чтобы одеяльце попало точно на тряпку.

Сам Аугустенборг в это время должен был, не выходя из машины, буквально держать ногу на педали газа, чтобы тут же рвануть с места. Казалось, все шло по плану, по не раз отрепетированному сценарию.

Миссис Аугустенборг бросила одеяльце с тряпкой на заднее сиденье, но сесть в автома-

шину не успела — она была задержана с личным.

Вскоре г-н Аугустенборг был объявлен персоной нон грата и вместе с семьей покинул пределы СССР.

Вслед за Аугустенборгами по тому же маршруту проследовал и господин Мюллер.

Лэнгли, штаб-квартира ЦРУ. В июне 1982 года, почти за год до того, как был заложен тайник ЦРУ в Измайлове, в штаб-квартиру ЦРУ в Лэнгли прибыл президент США. Прибыл, чтобы в торжественной обстановке подписать законопроект о неразглашении в печати имен агентов спецслужб. А заодно и подбодрить своих «рыцарей плаща и кинжала», воодушевить их на «крестовый поход» против «империи зла», как можно было в некоторых кругах именовать нашу страну. Вот что он сказал тогда: «Вы, мужчины и женщины, работающие в ЦРУ, — глаза и уши свободного мира... Мы должны призвать все страны мира к «крестовому походу» за свободу и к глобальной кампании за права человека; вы находитесь на переднем крае этой борьбы. Вы должны бороться за свободу в условиях мира и войны и в том призрачном мире, который находится между ними...»

ЦРУ — это послушное орудие в руках высшей исполнительной власти США, и именно ему поручено этой властью заниматься шпионажем против нашей страны и других стран социализма, завлекать в свои сети таких, как Павлов, склонять их к предательству Родины. Методами и средствами в такой тайной войне не брезгают. Рассуждения о «правах человека», о «свободе и демократии» — не больше чем дымовая завеса для «крестоносцев» из Лэнгли. А за

этой завесой творятся дела грязные, омерзительные, калечатся судьбы и души неустойчивых, запутавшихся людей.

Из последнего слова Павлова Ю. В.: «...Я совершил тяжелейшее преступление перед Родиной... Глубоко раскаиваюсь в содеянном. Я потерял семью, которая бесконечно дорога мне. Я недостоин жить среди советских людей. Я не могу смотреть им в глаза...»

По приговору военного трибунала Павлов Ю. В. понес суровую, но заслуженную кару.

* * *

Эпилог. Готовясь к первому «обезглавливающему» удару против СССР, разрабатывая планы «звездных войн» против нашей страны, всего социалистического содружества, добиваясь военного превосходства, агрессивные круги США придают большое значение разведывательным и иным подрывным акциям. В орбиту своих действий они (и в этом легко убедиться, проследив шпионские маршруты Рольфа Даниэла) вовлекают и своих союзников по НАТО, другим блокам. И хотя главенствующую роль в тайной войне играет ЦРУ, в коварных происках против нас участвуют и другие разведки. Разведывательные органы империалистических государств, служа своим хозяевам, занимаются шпионажем отнюдь не ради самого шпионажа. И представлять их только в качестве органов шпионажа было бы заблуждением.

Они — инструмент агрессивной политики, психологической войны, дезинформации, подрывных операций с использованием разного рода отщепенцев и изменников. Они играют ак-

тивную роль в практической реализации планов нынешних правящих кругов США, провозглашающих главной целью уничтожение коммунизма. Они стремятся расшатать общественно-политические устои социализма, ослабить обороноспособность социалистических государств. Мы рассказали о провале очередной операции ЦРУ и БНД. Но она, увы, не единственная. Нужно быть готовым к тому, что подрывные операции против нашей страны будут продолжаться и дальше.

Дело Павлова многому учит. Оно показывает, чем оборачиваются беспечность, легкомысленность идейно нестойких людей, которые за лестью и лицемерным «сочувствием» иных западных «доброхотов» не умеют вовремя разглядеть хитросплетения паутины западных разведок, запутываются в ней и вовлекаются в преступную деятельность против нашей Родины.

**В. Кротов
Р. Сергеев**

ШПИОНСКИЙ МАСКАРАД

Американская разведка в своих «тайных операциях», как известно, весьма неразборчива. Убийства из-за угла, государственный терроризм и свержение неудобных режимов, преследование инакомыслящих и просто шпионаж с использованием самых разнообразных приемов и ухищрений, которые варьируются в зависимости от сложившейся обстановки. В последнее время, например, в практике Центрального разведывательного управления заметно участились случаи использования методов сценического искусства перевоплощения для решения чисто шпионских задач.

Скажем сразу: никакие ухищрения не дают ЦРУ гарантий от провалов. Тогда-то и появляются в советской печати такие, например, сообщения:

«...В городе Москве задержан с поличным при проведении конспиративной встречи с завербованным американской разведкой советским гражданином второй секретарь посольства США Майкл Селлерс. Пресечена еще одна шпионская акция спецслужб США против СССР».

Попробуем расшифровать это скупое сооб-

щение Комитета государственной безопасности СССР.

В тот день, 10 марта 1986 года, М. Селлерс, как обычно, выехал утром на работу в посольство. Но отнюдь не для того, чтобы за письменным столом разбирать дипломатические документы. Да и до бумаг ли было дело, когда вечером предстояла ответственная конспиративная встреча. Требовалось хорошо продумать роль, отрепетировать убедительные диалоги и конечно же соответственно экипироваться. М. Селлерс недаром имел в ЦРУ репутацию способного актера. Ведь, как утверждают, он даже готовился стать голливудской «кинозвездой».

Дальнейшие действия М. Селлерса и впрямь ничем не отличались от ухищрений профессионального актера, готовящегося в примерной к выходу на театральную сцену. Второй секретарь политического отдела деловито приладил к верхней губе гуцульского типа усы, попробовал, прочно ли держит клей, примерил парик, мастерски прилаженный к кроличьей шапке-ушанке. Селлерс занялся подбором и снаряжением верхней одежды. В карманы подготовленной для специальной миссии легкой нейлоновой куртки рассовал несколько микрофонов и приладил через прорезь под подкладкой портативный магнитофон. Для пущей маскировки положил в сумку еще несколько пар очков с простыми стеклами. Подготовка к встрече была в основном закончена. Оставалось только обсудить кое-что с партнером, ибо весь план предстоящего шпионского спектакля был задуман и основан на хитроумной идее перевоплощения, а точнее, на подмене одного действующего лица другим.

Партнер — сотрудник посольства США Рональд Паттерсон, хоть и не походил лицом на М. Селлерса, был с ним одного роста, имел точно такую же куртку и шапку, носил очки и, что самое главное, жил вместе с Селлерсом в одном доме и даже в одном подъезде.

Итак, вечером 10 марта, подъехав к дому на своем «мерседесе», Р. Паттерсон спокойно вошел в подъезд. Прошло какое-то время, и вот из подъезда спешит к «мерседесу» — нет, не Паттерсон, а М. Селлерс, одетый и «подстроенный» под Паттерсона и незаметно получивший в подъезде ключи от паттерсоновской автомашины. Стремительно набрав скорость, автомашина с лже-Паттерсоном растворилась в лабиринтах московских переулков. Последний вояж второго секретаря политического отдела посольства США в Москве М. Селлерса закончился, как в кино: американский разведчик был пойман с поличным. «Маскарад» не помог М. Селлерсу.

Быть может, спросит читатель, «игра» в перевоплощение была свойственна только М. Селлерсу, обладавшему для этого соответствующими актерскими данными?

Отнюдь нет. Театральные приемы не раз использовались американскими разведчиками в Москве во время их тайных, но ставших явными операций. Вот несколько примеров.

...Буквально в то самое время, когда в одной из голливудских гримерных ассистенты американского актера Дастина Хоффмана примеряли ему женский наряд перед съемками известной советскому зрителю кинокомедии «Тутси», за многие тысячи километров от Калифорнии — в Москве, на улице Чайковского, в здании посольства США происходило нечто подобное с дру-

гим «актером». Коренастого, с солидным брюшком рыжеусого мужчину с помощью поролонового бюста, накрученной маски и легкой, в цветочек, кофточка превращали, как сказал бы классик, в «даму, приятную во всех отношениях». Превращали не для съемок в кино, не для костюмированного бала-маскарада в посольстве и не для розыгрыша коллег-дипломатов, а для выполнения очередной шпионской миссии американской разведки.

Эта «дама» в один из июльских дней 1982 года вышла под руку со своей «подругой» из подъезда дома, где проживали иностранные дипломаты. Вскоре они оказались на окраине Москвы, где им предстояло завершить важный этап шпионской операции. Роль «приятной дамы» исполнял кадровый сотрудник ЦРУ Луис Томас, по совместительству атташе отдела безопасности посольства США в Москве. Его «подругу» и партнершу по шпионскому представлению — Дебора Рейнольдс, жена другого сотрудника ЦРУ в Москве, которой по сценарию отводилась роль статистки.

«Дипломаты» из ЦРУ, похоже, никогда не сомневались в успехе своего сценического перевоплощения. Был в этом уверен и второй секретарь экономического отдела посольства Джозеф Макдональд. Он тоже любил переодеваться, ухитряясь превращаться из элегантного молодого человека в подслеповатого старика в очках. К такого рода трюкам с переодеванием прибегают в ЦРУ буквально все: от мелкого шпиона, внедренного в ряды участников антивоенного движения, до самого директора Центрального разведывательного управления, который, как утверждают, любит путешествовать по свету,

тщательно заgrimировавшись под малоприметного коммивояжера.

Сценические фокусы с переодеванием сотрудников резидентуры ЦРУ в американском посольстве в Москве не приносят им ожидаемых лавров. Более того, они лишь способствуют пополнению длинного списка американских должностных лиц, объявленных персона нон грата и вынужденных досрочно покинуть территорию Советского Союза.

В. Владимир

ВСТРЕЧА ОСЕНЬЮ НЕ СОСТОИТСЯ

Москва, Кастанаевская улица, 7 мая 1986 года. Стремительно сгущаются сумерки. Женщина, стоящая у автомашины с дипломатическим номером посольства США в Москве, пугливо озирается по сторонам. Она напряженно вглядывается туда, откуда должен появиться человек, которого она ждет. Это — Урсула Сайтс, американка. Ждет она Эрика Сайтса, своего супруга, профессионального разведчика, числящегося в штатном расписании посольства США гражданским помощником атташе по вопросам обороны. Ждет его возвращения со шпионской встречи, чтобы тут же доставить и его самого, и ожидаемый «улов» в надежно защищаемое морской пехотой помещение отряда разведки в американском посольстве.

Урсуле еще долго в отчаянной надежде придется ждать, прежде чем она поймет, что Эрик Сайтс к месту randevu с ней на Кастанаевской улице не вернется...

У гражданского помощника аппарата атташе по вопросам обороны Эрика Сайтса в это время заботы уже совсем иные — задержанный с личным во время тщательно готовившейся спецслужбами США конспиративной встречи с завербованным американской разведкой агентом, он с тоской наблюдает за тем, как из синей

сумки, которую он намеревался передать агенту, один за другим извлекаются предметы шпионского реквизита. Вот электробритва «Харьков», в действительности приспособленная служить в качестве контейнера для хранения шпионского снаряжения. При самом внимательном внешнем осмотре она не вызывает никаких подозрений. Так оно и задумано — ни у кого не должно появиться мысли о том, что в ее корпусе оборудован тайник, в котором можно упрятать мини-фотоаппарат размером с тюбик губной помады, предназначенный для фотографирования секретных документов. Вот картонная коробка с сувенирным письменным прибором, изготовленным на Московском заводе писчих принадлежностей имени Сакко и Ванцетти. В нем американские «умельцы» по шпионажу также соорудили тайник. Он устроен в небольшом углублении, прикрываемом металлической пластинкой, и предназначен для размещения там мини-фотоаппарата.

Из сумки извлекается пузырек — в таких в наших аптеках продаются витамины. В нем таблетки, предназначенные для тайнописи, их надо растворить в воде. На стол ложатся конверты с адресами в Соединенных Штатах. Конверты обычные, такие можно купить в любом киоске. В них вложены письма на английском языке, безобидные по содержанию: их авторы делятся своими впечатлениями от поездки по нашей стране, им нравятся наши памятники истории и культуры. Подобные письма, но написанные американскими туристами, сотнями уходят из нашей страны за океан. Эти же два — особенные. Они должны были бы служить прикрытием для шпионских донесений в разведцентр.

Адреса на конвертах натуральные, адресаты — некие Руди Комак в Брукфилде, штат Висконсин, и Арнольд Истон в Бверне, штат Техас. На этих письмах агенту надо тайнописью нанести зашифрованный текст на полях или между строчек. Если сообщение важное, инструкция американской разведки советует письма продублировать, опустив их в разные почтовые ящики. Похоже, уже забыта учиненная в свое время конгрессом США спецслужбам отеческая головомойка по поводу вмешательства в частную жизнь американских граждан.

И наконец, появляется блокнот, с виду ничем не примечательный, разве что обложка слегка припухлая, точно впитавшая в себя влагу. В обложке также тайник. Там упрятаны инструкции американской разведки тайному агенту. В них указания относительно организации будущих встреч, подробные схемы, призывы к особой бдительности. В листах мелким шрифтом самое важное — задания американской разведки по темам, которые ее особенно интересуют. Руководители разведки требуют от агента информации о тактико-технических характеристиках самолетов, о дислокации и назначении оборонных объектов, о работающем на них персонале. «Желаем вам приятно провести лето и ждем встречи с вами осенью» — такими словами завершается послание разведцентра США своему агенту в Советском Союзе.

Вечер 7 мая. Малая Пироговская улица. Над Москвой еще больше густеют сумерки, ветерок разносит аромат тополиного клея. Людей на улице довольно много. Сайтс во дворе дома номер 22. Здесь должна произойти шпионская встреча. Едва ли кто из прохожих или сидящих

в этот теплый майский вечер на скамейках жильцов дома обращает на него внимание — Эрика Сайтса не отличишь от москвича: на нем джинсы, ковбойка, курточка на молнии, купленная в московском магазине кепка. В руках уже известная читателям синяя сумка. Сайтс нервно оглядывается по сторонам. Кажется, нет ничего подозрительного. Ровно в 21.15 появляется человек, в руках у него свернутая в трубочку газета — таков условный знак. Сайтс приближается к нему, называет пароль, слышит ответ, приглашает прогуляться...

Задержанный с поличным, Сайтс стоит мертвенно-бледный, точно оглушенный громом. Он еще долго будет пребывать в таком состоянии.

Что касается советского гражданина — агента американской разведки, он арестован, и в отношении него ведется следствие. Нет сомнения, что ему будет воздано по заслугам.

Вот, собственно, все, что можно рассказать о провале этой крупной шпионской акции американской разведки, о бесславном конце очередного «крестоносца» от Пентагона.

Что касается Эрика Сайтса, то по поводу его шпионской деятельности посольству Соединенных Штатов и атташе по вопросам обороны этой страны заявлен решительный протест. Сайтс объявлен персона нон грата, его поспешили отправить в Соединенные Штаты.

Вашингтонская администрация, заявил заместитель пресс-секретаря Белого дома Л. Спикс, не станет комментировать предъявленное Сайтсу обвинение в шпионаже. Да, дело настолько очевидное, что, как говорится в таких случаях, комментарии излишни. Видимо, это и имел в виду официальный представитель США.

Избавим Лэрри Спикса от этой неприятной для него обязанности. Прокомментируем случившееся сами.

Американские информационные агентства, сообщив о выдворении Сайтса за шпионаж из Советского Союза, отметили, что до него последним американцем с дипломатическим паспортом, которому предложили покинуть СССР по аналогичной причине, был второй секретарь посольства Майкл Селлерс. Список разоблаченных американских разведчиков, выдворенных из СССР за последнее время, этим не исчерпывается. Высланы за шпионаж сотрудники посольства США третий секретарь Питер Богатыр, атташе Луис Томас, первый секретарь Ричард Осборн, второй секретарь Пол Стомбах, сотрудники генконсульства США в Ленинграде Лон Аугустенбург и Ричард Мюллер. Разоблачены третий секретарь Д. Макмэхен, советник Питер Сэмлер, второй секретарь Джозеф Макдональд, гражданский помощник атташе по вопросам обороны Алекс Грищук. Задержана в момент проведения шпионской акции американская разведчица Марта Петерсон, маскировавшаяся под дипломатическим прикрытием секретаря-архивиста посольства, захвачен с личным специальным помощником атташе по вопросам обороны США Винсент Крокетт.

Цинизма и наглой самоуверенности американским разведчикам не занимать. Помощник военно-морского атташе США Липскомб, задержанный в момент совершения шпионской акции, бесцеремонно заявил, что действует по прямому указанию своего руководства, которое обязало его... «контролировать обстановку на промышленных предприятиях Ленинграда».

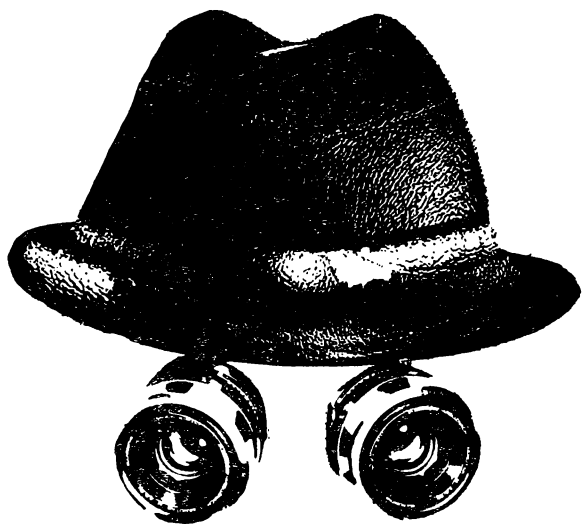
Самые низкопробные методы продемонстрировал атташе США Вольф, выкравший при содействии своего канадского коллеги служебные документы из стола сотрудницы «Интуриста» в Казани в момент, когда та буквально на минуту оставила «гостей» одних в своем кабинете.

Своеобразный «семейный шпионаж», как и в случае с супругами Сайтс, явили миру американские разведчики: помощник военного атташе Репперт, помощник военно-морского атташе Генри, вице-консул генерального консульства США в Ленинграде Аугустенборг, первый секретарь посольства США Осборн и другие, привлекавшие к шпионской работе своих жен.

Вывод однозначен — Соединенные Штаты пытаются расширять разведывательную деятельность против нашей страны. По данным американской печати, в 1987 финансовом году спецслужбам США из бюджета намечено выделить 24 миллиарда долларов (для сравнения: в 79-м они получили 10 миллиардов, в 90-м, как полагают, эта цифра достигнет 30 миллиардов). Основные средства и усилия американских спецслужб направляются против Советского Союза. Некоторое время назад на закрытых слушаниях в конгрессе выступил министр обороны США Каспар Уайнбергер. Министр, пишет газета «Вашингтон пост», назвал крупнейшего получателя разведывательной информации. Это — Пентагон.

Американские спецслужбы рьяно включились в «крестовый поход» против нашей страны. Они рвутся к нашим оборонным секретам. Новоявленным «крестоносцам», однако, не мешало бы помнить, чем заканчиваются такие походы.

**ОХОТНИКИ
ЗА ЧУЖИМИ
СЕКРЕТАМИ**

В. Кассис
Б. Крымов

ОХОТНИКИ ЗА ЧУЖИМИ СЕКРЕТАМИ

Две эти истории, рассказанные в очерках «Любопытство не порок?» и «Охотники за чужими секретами», — давние. Но, как видит читатель, «дипломаты»-шпионы не перевелись и по сей день.

Перед нами кипа вещественных доказательств, а проще говоря, шпионских материалов, полностью изобличающих всю неблагоприятную деятельность высокопоставленных чиновников из аппарата военных атташе — американского и английского посольства в Москве. Нам порекомендовали проехать на Ярославский вокзал и побеседовать с бригадой скорого поезда Владивосток — Москва.

Мы встретились с ними прямо на вокзале и показали газету «Известия», где была опубликована нота МИД СССР о несовместимой с дипломатическим статусом деятельности военного атташе США полковника Дж. А. Обри, его помощника подполковника К. Р. Ливера, помощника военно-воздушного атташе США майора Дж. Ф. Смита и помощника военно-морского атташе Великобритании Н. Лавиля. Железнодорожники выглядели усталыми после шестнадцатидневной поездки, но, узнав, в чем дело,

они с возмущением стали говорить о «путешествии» четырех иностранцев и сразу же согласились рассказать, как все было. Восстановим же по этим рассказам все события.

К скорому поезду Москва — Владивосток спешили пассажиры. Минут за пятнадцать до его отправления на перроне Ярославского вокзала у вагона № 5 появилась группа иностранцев, отъезжающих и провожающих. Бросилось в глаза большое количество мест: чемоданы, сумки, коробки, целлофановые мешки с верхней одеждой и т. д. Четверо иностранцев, говоривших порусски с акцентом, предъявили проводнику проездные билеты до Хабаровска и заняли шестое купе.

Как правило, люди в поезде быстро знакомятся, находят темы для разговоров, особенно когда им предстоит вместе проделать не одну тысячу километров. Так было и в пятом вагоне. Исключением были пассажиры шестого купе. Знакомства с советскими гражданами-попутчиками они всячески избегали.

Затворничество иностранцев вызывало, естественно, некоторое недоумение у пассажиров вагона. Кто они, эти люди? Куда и зачем едут? Любой мало-мальски наблюдательный человек не мог не обратить внимания на нервозность в их поведении. Более того, то один, то другой пассажир из этого купе постоянно находился в проходе вагона возле окна. И вот что странно: в то время, когда остальные пассажиры смотрели на красивые пейзажи, иностранцы из шестого купе обращали свои взоры в другую сторону. Нельзя было не заметить, что интерес у них разгорался именно тогда, когда на горизонте появлялся военный или промышленный объект.

Они входили и выходили из купе, обменивались многозначительными взглядами, репликами.

Необычным в поведении иностранцев было и то, что они просыпались и вставали еще до наступления рассвета, а запирались в купе с наступлением темноты. Но, видимо, сразу спать не ложились, потому что еще долго из-за двери купе разносились по всему вагону иностранная речь и звуки джаза — туристы крутили транзистор. Работники вагона-ресторана предлагали пассажирам горячие обеды, кондитерские изделия, приглашали в ресторан. И многие, естественно, пользовались этими услугами. Только четверо иностранцев хранили гробовое молчание и никак не реагировали на приглашения. Лишь на четвертый день двое из них отправились обедать.

Обстановка в вагоне-ресторане располагает не только к еде, но и к беседе с соседями по столику. В данном случае инициатива принадлежала советским пассажирам, которым, естественно, хотелось узнать, куда собрались иностранцы. С видимой неохотой, лишь бы отвязаться от дальнейших расспросов, они представились американскими спортсменами, едущими на Олимпийские игры в Токио. При этом один выдал себя за боксера, а другой — за тяжелоатлета. Некоторое сомнение вызывал возраст этих «спортсменов». Уж если кто и мог претендовать на это звание, то это англичанин Лавиль — высокий, худощавый блондин. Однако почему-то в числе посетителей ресторана его не было. Теперь-то уж понятно, почему. Представитель английского военного атташе и в данной ситуации оказался на положении младшего партнера, коему, по-видимому, была отведена незавид-

ная роль охранника «имущества» янки. Оставаясь в одиночестве в купе, он был вынужден еще и кухарить, разогревая на спиртовке кашу-концентрат. В вагоне пахло подгорелой крупой.

Во время стоянок поезда, когда пассажиры выходили на перрон поразмяться, иностранцы попеременно оставляли свой наблюдательный пункт у окошка и тоже спешили на «прогулку». Их тянуло туда, где находились советские военнослужащие. При этом вояжеров интересовали знаки различия родов войск на их погонах.

Пассажиры возвращались в вагон, поезд трогался. И вот однажды из купе иностранцев показалась труба, напоминающая телескоп. Сомнений почти не оставалось: в шестом купе ехали отнюдь не иностранные спортсмены, спешившие на Олимпийские игры...

— Да, кстати,— вспоминает проводница Нина Стоколева,— я, заходя в шестое купе, обратила внимание, что иностранцы уж больно много пишут. Поначалу я подумала, что это письма на родину. Я даже полюбопытствовала: «Наверно, вы очень любите своих жен, что так много пишете им». Обычные пассажиры привычны к тому, что мы заходим к ним в купе подмести пол, сменить постельное белье, предложить горячего чая. Но эти... Их почему-то раздражали наши услуги.

Мы поинтересовались у Нины, почему она не предупредила иностранцев о том, что фотографировать из вагона не полагается.

— Да как же! Я предупреждала их,— ответила Нина.

— Натерпелись мы с ними,— перебивает проводник Юрий Фионов.— На одной из станций

трое из них чуть было не отстали от поезда. И почему бы вы думали?..

Да потому что на железнодорожных путях этой станции стоял эшелон с военной техникой. Рассвет едва забрезжил. Но от опытного взгляда шпионов эшелон не ускользнул. Они выскочили впопыхах из вагона и бросились в хвост поезда, чтобы детально рассмотреть зачехленную технику и сделать снимки с близкого расстояния.

— Но поезд тронулся, — продолжает Юрий, — и господа иностранцы были вынуждены, как зайцы, бежать за составом, с трудом вскочили в последний вагон.

А между тем поезд приближался к Хабаровску, где иностранцы должны были сойти. Накануне вечером один из них зашел в служебное купе проводников и попросил книгу жалоб и предложений.

— Сначала я подумал, что мы чем-то не угодили избалованным иностранцам, — рассказывает Фионов. — Однако на их лицах не было недовольствия. Наоборот, они заискивающе улыбались. И тут я подумал, что книга им, видимо, нужна для того, чтобы узнать фамилии и адреса, которые оставляли некоторые военнослужащие.

А через некоторое время все тот же иностранец в очках протянул мне лист бумаги. Это была благодарность иностранных «туристов». Если хотите, можете взять ее, нам их похвала не нужна, — и Юрий протянул официальный бланк аппарата военного атташе при посольстве США в Москве. Под текстом стояли подписи Обри, Ливера, Смита и Лавиля.

— Мы показали эту бумагу бригадиру поез-

да, — заметили Нипа и Юра, — заодно и рассказали о всех своих подозрениях.

— Я и сам замечал, что иностранцы из пятого вагона не те, за кого они себя выдают, — говорит бригадир Юрий Петрович Нестеров. — А когда я услышал рассказы товарищей, у меня сложилось твердое убеждение, что эти люди делали в пути какое-то грязное дело. Мы написали заявления и передали их в органы КГБ.

Итак, наше первое интервью закончено. Теперь снова беседуем с представителем Комитета государственной безопасности. Он рассказал нам, что благодаря бдительности советских людей эта шпионская операция сорвалась. Работники Хабаровского краевого управления КГБ изъяли у «дипломатов» два длиннофокусных объектива к фотоаппаратам, разведывательный приемник, карты, 26 блокнотов с разведывательными записями и 26 отснятых пленок (более 900 снимков). Шпионы были пойманы с поличным. Высокопоставленные чиновники из посольств США и Англии в Москве выражали недовольство и всячески пытались выгородить своих разведчиков. Не осталась в стороне и западная пресса, которая раздувала шумиху вокруг якобы зря обиженных «дипломатов». Впрочем, эта шумиха уже обернулась против ее организаторов. Напрасно старались адвокаты шпионов в Вашингтоне и Лондоне: факты — упрямая вещь.

Перелистываем блокноты. Их много. Четыре книжки содержат записи разведывательных заданий Пентагона и представляют собой перечень объектов, расположенных по Транссибирской магистрали, в которых наиболее заинтересованы империалистические разведки.

Все блокноты со шпионской скрупулезностью испещрены записями и пометками. Они делались через каждые 3—5 минут, через каждые 3—4 километра. Вот одна из них, привязанная к местности: «Высоковольтная линия электропередачи (фотоаппарат № 2, катушка А, кадр 21); мост через реку, две казармы, военный аэродром (фотокамера № 6, катушка В, кадр 21-21)».

А вот еще одна любопытная запись: «12 неустановленных тягачей для межконтинентальных ракет большого диаметра класса «земля — земля» (камера 4, катушка Е, кадры 5—7). Выдержка сделана на скорости 1250 при диафрагме 2. Следовало бы сделать при скорости 14 000 при диафрагме 4, 3 снимка передержаны».

Разве похожи эти записи на пометки туриста, любующегося красотами русской природы?! Нужны еще примеры? Их можно приводить бесконечно. Как мы уже указывали, мелким почерком испещрены 26 блокнотов!

Знакомясь со всеми этими материалами, невольно задумываешься над тем, что эти «дипломаты»-шпионы могли бы нанести безопасности Советского государства немалый ущерб, если бы наши чекисты с помощью советских людей вовремя не пресекли эти действия.

**Н. Волков
Б. Федоров**

ЛЮБОПЫТСТВО НЕ ПОРОК?

Известная поговорка «Любопытство — не порок» представляется нам несколько спорной, особенно когда дело касается представителей некоторых иностранных держав, аккредитованных в нашей стране. Дело в том, что есть среди них такие, кто никак не может определить грань, отделяющую любознательность от действий, имеющих совсем иное название.

Это убедительно подтверждают похождения двух помощников военного атташе США в Москве подполковников Х. Мэтсона и Г. Джекобсона, «случайно» оказавшихся в расположении воинской части под белорусским городом Борисовом.

Надо же! Ехали дипломаты в Борисов и Вильнюс познакомиться с достопримечательностями этих городов, а уже на следующий день после выезда из столицы очутились в запретной зоне.

Когда их присутствие было обнаружено, они, памятуя, что нападение — лучший вид защиты, учинили скандал.

Что же произошло в Борисове?

...На привокзальной площади в пригородный автобус села группа людей в военной форме и пятеро в штатском, из них три женщины. На остановке «Зеленый бор» водитель автобуса объявил пассажирам:

— Граждане! Мы выехали за черту города. Лиц, не имеющих специальных пропусков в военный городок, прошу выйти здесь.

(Заметим, что такое объявление всегда делается именно для того, чтобы избежать случайностей и недоразумений.)

Все остались на местах, только один мужчина в очках, похожий на пастора, подтолкнул другого локтем и недвусмысленно показал взглядом на военную технику, которая уже «просматривалась» впереди. Соблазн оказался велик. Мэтсон и Джекобсон (а двое в штатском были именно они) преступили границу любопытства и оказались на стезе порока. Они не сошли и на следующей остановке.

Миновав ворота контрольно-пропускного пункта, автобус остановился, и патруль попросил предъявить пропуска. Они оказались у всех, кроме военнослужащих... из армии США, которые вместо пропусков предъявили только заискивающие улыбки.

Патрульные потребовали, чтобы неизвестные покинули машину. И вскоре улыбки Мэтсона и Джекобсона сменились оскалом. Они что-то лихорадочно комкали в карманах, грубили, демонстрируя превосходное знание бранного лексикона.

— Что у вас в карманах? — спросил их патрульный.

Незваные гости после настойчивого требования извлекли из карманов несколько блокнотов. В них, как выяснилось несколько позже, оказались записи разведывательного характера.

Вдруг Мэтсон и Джекобсон резко изменили тактику. Они заявили, что являются иностран-

ными дипломатами и попали в автобус и гарнизон «по ошибке».

Но это была ложь. В одном из блокнотов оказалась предварительно сделанная запись, относящаяся к тому самому объекту, на котором «случайно» оказались американцы.

Наконец они предъявили дежурному офицеру свои дипломатические карточки и потребовали вызова «представителя властей».

Вскоре из Борисова прибыл капитан милиции. Выслушав рассказ патрульных о происшедшем, он приступил к составлению акта, причем каждый его пункт тут же опровергался «дипломатами». Они потребовали вызвать шофера, который, по их словам, не делал при выезде из города никаких предупреждений. Это было опровергнуто как прибывшим с очередным рейсом Вашкевичем, так и другими пассажирами, ехавшими в автобусе. Тогда дипломаты, пошептавшись, заявили, что не понимают по-русски и требуют переводчика. После такого «дипломатического сальто» никто не мог удержаться от смеха. Брань, беспрестанно извергаемая американцами на чистом русском языке, еще звенела в ушах. Правда, теперь они замолчали.

Одним словом, Мэтсон и Джекобсон делали все, чтобы затянуть время, что, видимо, входило в их расчеты. Переводчика поблизости не оказалось. Пришлось обратиться за помощью к учителю английского языка.

Потом они заявили, что «не видели границы города». Прогулка к уже знакомой остановке «Зеленый бор», где на прочном бетонном основании был установлен щит с надписью «Борисов», казалось бы, развеяла последние сомнения, но высокопоставленные джентльмены ста-

ли утверждать, что щит появился лишь сию минуту.

Неуемная фантазия Мэтсона и Джекобсона истощалась. Они с трудом сдерживали нервную дрожь. Факты недозволенной деятельности военных дипломатов были налицо.

Быть может, найдутся наивные люди, которые поверят в случайность происшествия под Борисовом? Должны их разочаровать. МИД СССР уже указывал посольству США в Москве на действия Джекобсона в Чугуеве, также несовместимые с его дипломатическим статусом.

Более того, похождения двух американцев в районе Борисова превзошли их коллеги из аппарата американского военно-морского атташе Ричардс, Хаммер и Чэннел. Они совершили кавалерийский наскок на судостроительные заводы в Ленинграде. Их застали в момент фотографирования территории одного из них. Они грубили представителям охраны предприятия, показывая поразительное сходство характеров с участниками эпизода в Борисове и категорически отказались выдать заснятые фотопленки. На свои подозрительные «экскурсии» американцы прихватывали «младшего партнера» — помощника атташе вооруженных сил Канады подполковника Уотсона. Он выполнял функцию «наблюдательной вышки». Его завидный рост помогал без особых усилий заглядывать через высокие заборы и корректировать наблюдения своих американских коллег, подсматривавших в щели заборов.

Не слишком ли много «случайностей»? Нам кажется, что некоторым дипломатам пора научиться видеть границу между деятельностью, определенной их статусом, и шпионажем.

П. Демидов

МАСКА

Запомним дату 19 августа 1975 года. Шесть часов утра. Дэнни Мак Артур Лофтин вышел из дома. Постоял у подъезда, словно раздумывая, что делать. Взгляд его скользнул вдоль улицы и ни на чем (или ни на ком?) не остановился. Да и что могло бы привлечь его внимание в такой ранний час. Дворник, который усердно орудовал метлой возле подъезда? Так ведь они уже успели привыкнуть друг к другу за столько времени, слава богу, не первый год соседи. Только вот зачем пунктуальный иностранец раньше обычного вышел из дома?

Лофтин повернул направо, дошел до угла, где обычно стоял его автомобиль. Хлопнула дверца, мягко завелся мотор, и темно-синие «Жигули» тронулись с места. Почему он не воспользовался представительным голубым «доджем», своей основной машиной? Впоследствии мы убедимся, что на то были веские основания. Впрочем, почему впоследствии? Вице-консул генерального консульства Соединенных Штатов Америки в Ленинграде Дэнни Мак Артур Лофтин, он же кадровый сотрудник Центрального разведывательного управления, должен был

встретиться с человеком, которого предполагал завербовать. Встретиться предстояло, разумеется, тайно. Потому американский дипломат предпочел респектабельному лимузину скромную малолитражку, каких в городе тьма, логично полагая, что на номер машины Д 04-035 мало кто обратит внимание.

Итак, Лофтин вышел из дома, сел в «Жигули» и уехал. Запомним дату — 19 августа 1975 года...

Почем нынче Кандинский!

Миша рос один. Нет, не сиротой. Детство его прошло при папе и при маме. Во время войны Петр Петрович Казачков занимал довольно видное положение, и семья жила в достатке. К тому же он и жена, Мишина мама, имели ученые степени кандидатов наук. Поэтому, когда в 1944 году у Казачковых родился сын, будущий Михаил Петрович, с судьбой наследника особых проблем не предвиделось. Спустя некоторое время Казачковы переехали в Ленинград, глава семейства увлекся коллекционированием произведений живописи. Это я к тому, что хочу объяснить, в какой обстановке проходило становление юной жизни.

Миша рос один — без братьев и сестер. Но в окружении академических изданий Пушкина и Толстого, полотен Левитана и Коровина, Кончаловского и Рериха. С детства он слышал о великих именах, и Миша научился легко обращаться с ними, как если бы они жили по соседству. Когда, в какой момент Миша Казачков пришел к выводу, что эстетическая и художественная ценность произведений искусства очень плодотворно переводится в денежные знаки,

сказать трудно. Во всяком случае, к двадцати двум годам он успешно совершил свою первую финансовую операцию, чьей жертвой оказались как раз академические Пушкин и Толстой. Событие это совпало с другим, которое проложило еще одну линию в русле его жизни. Михаил Казачков окончил Ленинградский университет и занял место младшего научного сотрудника в Физико-техническом институте имени А. Ф. Иоффе. Физики и лирики сосуществовали в его душе вполне благополучно.

В школе он был отменным учеником. К пятнадцати годам вполне сносно, по словам товарищей, изъяснялся по-английски. В университете — далеко не на последнем счету. Сессии — досрочно. Зачетка — в порядке. Так что его приход в институт был естествен и, как многие считали, заслужен.

Те, кто бывал у него дома, на Пушкинской улице, потом долго и с восхищением рассказывали, какая у Казачкова великолепная коллекция пластинок, «дисков». На стенах — работы русских живописцев XIX—XX веков. Иконы. Уютно мурлычет в углу магнитофон. Вот Миша посмотрел на часы («Сейко» — последняя модель), включил транзисторный приемник, безошибочно поймал нужную станцию, и «нерусская русская» речь раздвигает горизонты ваших представлений о мире и, главное, о вашей же стране. Здесь можно было полистать относительно свежие «Тайм» или «Лайф», узнать из западногерманского или какого иного справочника цены на товары, при мягком свете торшера выпить рюмочку-другую виски или джина. И почувствовать себя почти там. Полумрак. Полусвет. Полужизнь.

Контактов с нужными людьми у Миши было тьма. Как на хорошей распределительной подстанции. Знакомые менялись часто. Ну а те, кто был в особом доверии, хоть и замечали, но вроде бы не замечали, что иные картины очень быстро уступали место другим, книжные полки обновлялись, как экспозиции в магазине, вместо стереофонического «Грюндига» вдруг появлялся не менее стереофонический «Сони», а голоса, что звучали раньше из динамиков «Сателлита», теперь окрашены медовым тембром другого радиоприемника, «Нейшнл» или «Шарп». Однако на то оно и доверие, чтобы, замечая, не замечать. Не замечать, например, как неизменно возникал Миша Казачков в домах, где недавно кто-то умер и осиротевшая семья собирается продать кое-что из ценных вещей. Вазочку там или сервиз, или книги, или те же картины. Художественные достоинства, как мы помним, Миша Казачков успешно переводил в иной, универсальный, с его точки зрения, эквивалент. Однажды, купив вазочку из китайского фарфора за двадцать пять рублей, продал ее какому-то эстету за пятьсот. А картину, приобретенную в Ленинграде за 600 рублей, уступил киевскому ценителю искусства за полторы тысячи.

Я написал: однажды. Если бы! Путь, который Казачков прошел по цепочке преступлений, нанизывая одно звено за другим, составляет не один год. За это время он совершил сотни махинаций — спекулировал, занимался контрабандой, валютными сделками, вступал в отношения с людьми сомнительными и откровенными негодяями, обманывал доверчивых и облапошивал несведущих.

Предприимчивый и ловкий, умеющий направить свои способности лишь на одно — личное благо, не гнушаясь при этом ничем (как говорится, его бы энергию да в мирных целях!), Казачков, понятно, чувствовал себя стесненно в рамках нашего строя, нашей морали. И произошла любопытная трансформация. В детстве и отрочестве, объективно отмеченный печатью незаурядности и субъективно утверждаемый в этом мироощущении матерью (отец Казачкова умер), он вошел в зрелость с твердым сознанием собственной исключительности. Вы думаете, проза жизни поставила его на место? Не было прозы! Сплошное порхание, легкий полет, скольжение по поверхности и — малыми затратами — большие дивиденды.

Переступив порог института имени Иоффе, Казачков очень быстро создал себе репутацию весьма полезного человека. Без гостей в институте обходилась редкая неделя, значит, кому-то нужно отрываться, значит, будет страдать работа, а тут — Миша. И специалист, и в общем-то человек без определенных занятий, потому что который год работает над темой, а толку — ноль, стало быть, и отрываться-то не от чего, и ему самому все это в охотку, за чем же дело стало? А оно и не стало. Визит — Миша. Культурная программа для гостей — Миша. Встречи-проводы — опять же он, Миша.

А вскоре ленинградская таможня сделала представление институту: была задержана контрабанда, которая, как выяснилось, предназначалась Казачкову. Конфуз! Постановили: избавиться от общения с иностранцами.

Но не нуждался к тому времени Михаил Петрович Казачков ни в зарубежных контактах с

помощью института, ни в больших и малых радостях, вытекающих из них. К тому времени он освоил не только технику спекуляции, но и технологию контрабанды, овладел существующими и изобрел (представьте!) новые способы контактов с зарубежными партнерами. К тому времени он уже превратился из мелкого дельца в крупного, с размахом, дельца.

Одним из его заочных клиентов был владелец крупного книжного магазина в Париже. Для него Казачков подобрал весьма неплохую библиотеку: первое издание Большой Советской Энциклопедии, Энциклопедический словарь Граната (74 тома), первое издание Литературной энциклопедии, Толковые словари Даля и Ушакова, академические издания Толстого (90 томов) и Пушкина. (Заметим: эти и другие книги, которые будут упоминаться в дальнейшем, а также картины в большинстве своем запрещены к вывозу из Советского Союза, так как они отнесены к раритетам.) Посредниками в этой операции были некто Бушовски, словак по национальности, и гражданин Республики Заир Жозеф-Жюльен Нтумба Нканда. Поскольку гонцы не могли осилить всего груза литературного наследия, Казачков прибегнул и к помощи почты — через подставных лиц, на подставные адреса.

Не менее плодотворными были контакты Казачкова с гражданами Соединенных Штатов Америки. Заведующий славянским отделением Колумбийского университета Роберт Карлович приобрел у Казачкова 226 томов — энциклопедии, словари, академические издания русских классиков. Через Уильяма Челсму переправил за океан некоему Джорджу Маэске редчайшую

книгу — «Лимонарь, или Цветник Духовный», изданную в Киеве в 1628 году.

Но широкая душа Миши вмещала далеко не одну пламенную страсть. За 10 лет через его руки прошли магнитофоны «Дайнако» и «Филиппс», «Ревокс» и «Акай», с наушниками и без, с усилителями и без оных, оснащенные стереофоническими колонками и системой «Долби». Он получил от своих поставщиков не менее 390 «дисков» (которые продал, нажив при этом около 20 тысяч рублей). И еще две тысячи французских франков, но об этом чуть позже. Его контрагенты — уже знакомые нам Нтумба и Карлóвич, да еще Фредерико Мутомбо, сын дипломатического представителя Республики Заир в Москве, да Фрума Готтшалк (США), да... может, хватит? Ведь нам предстоит рассказать еще и о других контактах Казачкова с уголовным кодексом, без которых портрет его будет неполным.

27 июля 1975 года вблизи советско-финляндской границы в заброшенном доте был обнаружен сверток. В нем оказались картины и иконы. В частности, «Батальная сцена» ван Хуфа и «Николай Чудотворец» с «Иоанном Предтечей». Сверток анонимный — ни от кого, никому. Ясно: все сведения хранила чья-то память. Но чья?

Розыскные меры, которые были предприняты следственными органами, не дали ответа на этот вопрос. Ни владелец, ни посредник, ни адресат не появились. Но когда через четыре месяца против Казачкова будет возбуждено уголовное дело и в его квартире произведут обыск, найдут журнал с записями, сделанными рукой Михаила Петровича (это установит графическая экспертиза). В журнале отыщутся и святые, и ван

Хуф, против которого будет поставлена стоимость — десять тысяч рублей. Там же будут и точно такие же метки, что стояли на упаковке, и еще другие, означающие предметы, ушедшие безвозвратно (у Казачкова была своя система кодирования). Черновики писем, изъятые тогда же, помогут установить, какие и сколько антикварных книг Казачков подготовил к контрабанде. Но все это будет. Пока же — бурная деятельность.

За тысячу рублей он сбыл двум финнам картину Владимирского «Летний день с купальщицей» и икону. Сделка состоялась прямо в его квартире накануне Нового года, и это должно было служить доброй приметой на будущее.

Так что Михаил Петрович чувствовал себя на коне. В активе — операции с картинами Клодта, Окономо, Клевера, Рериха, Броерса, Кустодиева, Бурлюка, Лорена, Иванова; махинация с коллекцией палехских изделий: пусть невелика прибыль — каких-то двести рублей, но все-таки... Не будь Михаил Петрович столь неприхотлив, разве удалось бы ему нажить на подобных спекуляциях и сделках почти двадцать тысяч рублей? А размер контрабандных операций, которые он намеревался осуществить, но не успел? В одном лишь 1975 году почти на тридцать тысяч рублей.

Не будем подсчитывать доходов Казачкова. Этим достаточно занималось следствие. Столь же тщательно, сколь и объективно. Следствие не хотело идти по пути ужесточения вины. Но есть косвенные признаки, как бы дополнительные штрихи к портрету, и они порой могут сказать больше, чем иная очная ставка.

Чуть было не написал привычную фразу: Ка-

зачков жил не по средствам. Всё так, если иметь в виду зарплату. Но это Корейко у Ильфа и Петрова жил так. А Михаил Петрович — как раз по средствам. Было, например, у него к моменту ареста три жилища. Одно — где обитал с матерью, женой и сыном. Другое — трехкомнатную квартиру — снимал для дела (платил он за нее, кстати, ровно столько, сколько получал в институте). А еще одну снял для любовницы. Жена не работала, но заботливый глава семейства охотно отправлял ее и сына на курорт. Сам — с дамой сердца — предпочитал отдыхать в Крыму. Одевался неброско, но, как говорили о нем приятели, люксово. Не стыдилась своих туалетов и жена. Когда один из его приятелей — некто Владимир Велле — выехал на постоянное жительство во Францию, Казачков легко дал ему займы двадцать пять... тысяч. По средствам, очень даже по средствам жил Михаил Петрович. Вот только каким способом эти средства добывались...

У читателя готово сорваться возмущенное: да что же это такое, в самом деле?! Куда все смотрели? Есть ли на них управа? Управа есть. А что касается куда смотрели, то тут разговор особый.

С комфортом

То, о чем рассказано выше, было известно и до того, как Казачкова поймали на месте преступления с поличным. Но, прежде чем предъявить Казачкову всю сумму обвинений, нужно, чтобы каждое ее слагаемое стало доказанным, неопровержимым фактом. Девять долгих месяцев шло тщательнейшее расследование каждого преступного шага, каждого пре-

ступного действия, каждого преступного намерения или подготовки к нему. На одну чашу весов легли поступки, а на другую лишь помыслы, ибо первые имеют противоправное содержание, а вторые не наказуемы. В материалах следствия не осталось ни одной позиции, которая вызывала сомнение. Осталось лишь то, что было подтверждено самим Казачковым, свидетелями и документами. Ну хорошо, а могло ли все это если не быть совсем, то хотя бы не доведено до такой крайней степени? Наверное. Если бы...

Мы — о бдительности, которая не есть синоним подозрительности, но которая сродни таким понятиям, как заинтересованность, забота, внимание. Касается ли это судьбы Родины в целом или каждого человека в отдельности. Благополучия всего нашего огромного хозяйства или крохотного цеха. Бдительность, о которой речь,— это собственная настроенность, восприимчивость ко всему, с чем неблагополучно и внутри, и вокруг нас, с ближними и дальними, со знакомыми и чужими. Отсутствие такой бдительности — это равнодушие.

А тут порою, что скрывать, не все у нас бывает складно. Разве не было видно чуть ли не с первых самостоятельных шагов Михаила Казачкова, что нормы его жизни, мягко говоря, отличаются от общепринятых? А реакция? Ироническое отношение к нему в институте, в лучшем случае — отчужденность, нередко — и мы в этом уже убедились — стремление использовать его, казачковские, «слабости», чтобы избавиться от лишних хлопот себя.

Случай с таможней. В коллективе его даже не обсуждали. Отдел кадров лишь попросил Ка-

зачкова написать объяснение. Он «объяснил». На том все кончилось. Кончилось, по сути, формально. А ведь милиция возбудила против Казачкова уголовное дело. Однако он выкрутился, доказал свою непричастность. И в дальнейшем, по разным другим поводам и в других обстоятельствах, Казачков попадал в поле зрения органов правопорядка. Но не был пойман за руку — и не вор. И всех это успокаивало, хотя должно бы насторожить его жену, друга.

Казачков был отнюдь не безвинным ягненком. У него была довольно гибкая тактика поведения. Все тихо — Казачков предприимчив и активен; сгущаются тучи — он тише воды и ниже травы. Взять его за руку было не так-то просто... Природные данные и семья развили в нем комплекс исключительности. Комплекс, который вырос в порок и полностью подчинил себе Казачкова.

Казачкову легко давались коммерческие махинации. Достижения в сфере спекуляции и уголовщины он объяснял собственными заслугами и талантом. Коллеги деликатно попробовали поставить ему в укор научное бесплодие — он воспринял однозначно: завидуют и потому не дают хода. У Казачкова появился комплекс неудовлетворенности. Но участием гениев, которых не понимают, Миша довольствоваться не хотел. И пришел к выводу, что ему здесь душно, тесно. В этом коллективе. В этой стране. На этой земле...

Мыслью уехать за границу Казачков поделился с женой. Осторожно, вскользь, чтобы в любой момент можно было обернуть в шутку. Татьяна Васильевна не воспылала негодовани-

ем, правда, и не бросилась в восторге мужу на шею — отнеслась спокойно.

— Может, и вправду там нам будет лучше, — согласилась она. — Как-никак оба с лучшим образованием.

Практичный и хваткий, он понимал, что там ему вряд ли удастся воспользоваться простодушием и добротой людей, понимал, что там будет мало справки из жэка, что он единственный кормилец в семье и потому не может быть уволен даже по сокращению штата. Казачков Михаил Петрович отлично разбирался не только в магнитофонных системах — в социальных тоже. И, зная, что не отягощен научным багажом, логично рассудил: нужен багаж иного свойства. Багаж, который позволит обществу, куда он стремится, оценить, сколько он, Казачков, стоит.

У него стали меняться не только масштабы операций, но и их содержание и даже стиль. Он сделался более взыскателен к выбору предметов для торговли. Часть вещей пытался переправить через границу не для продажи, а чтобы, оказавшись там, вступить во владение ими. Если клиент внушал доверие, он говорил ему, что предпочитает подождать и получит деньги там. Все — там, все — будущее... Стал меняться и круг его зарубежных знакомых. Все больше в поле зрения попадают люди, примыкающие к дипломатическим кругам, имеющие солидные связи, то есть способные как-то ему помочь. Он заручается согласием одного, поддержкой другого, протекцией третьего... Оказывает большие и малые, в зависимости от обстановки, услуги.

Вот что рассказывал сам Казачков (из протокола допроса):

— Александр Коновалофф — атташе по вопросам культуры и печати Посольства Бельгии в СССР. У меня было с ним пять или шесть встреч. Большею частью в сквере возле посольства, одна в кафе «Националь». Я хотел заинтересовать его, поскольку рассчитывал на помощь с выездом. Предлагал рисунки одного ленинградского художника, вещи, книги. Коновалофф сказал, что финансовая сторона его не интересует. Попросил ноты церковных песнопений. Я обещал. Я попросил его передать моему другу Владимиру Велле кое-какие из его документов, а у него, у Велле то есть, взять деньги, которые я когда-то дал ему в долг, и привезти их мне. Просил, чтобы Коновалофф свел меня с кем-нибудь из своих знакомых, кто поедет за границу раньше его. Обычно Коновалофф отвечал на мои вопросы не сразу, а при следующей встрече. Не знаю, может, консультировался. Я предлагал ему более тесные контакты, но он уклонялся. Говорил, что в посольстве уже есть представления нашего МИДа по поводу того, что Коновалофф занимается деятельностью, не совместимой с дипломатическим статусом. А второй раз ему бы попадаться не хотелось...

Из материалов другого допроса Казачкова:

— Андрэ Голованов — представитель одного из зарубежных банков в Москве. Встречался с ним не меньше десяти раз. Познакомился через Владимира Велле (он тогда еще не уехал). Пользовался уже отработанным способом связи — звонил по телефону и, ничего не говоря, клал трубку. Это означало, что через 15 минут мы должны встретиться в условленном месте. Обедали в ресторане на Чистых прудах. Как-то в вестибюле театра «Современник» он передал

мне магнитофон «Сони», присланный из Парижа Владимиром Велле. Одна из встреч была на похоронах отца Велле. Я попросил Голованова отвезти Велле письмо, но он отказался, сказал, что лучше выучить его наизусть. Письмо касалось моих требований к Велле вернуть долг. Я, в частности, хотел, чтобы он прислал через Голованова десять тысяч американских долларов. У нас с Головановым была договоренность: по телефону мы говорим только по-английски, я называюсь Бронштейном...

На первый взгляд — лишь бытовая возня вокруг тряпок, статуэток, псалмов. Но лишь на первый взгляд. По сути — незаконные встречи, противоправные действия, контакты со связными, которые способны были заниматься не только коммерческой деятельностью. Казачков, казалось ему, ловко цеплял клиентов на крючок наживкой в виде картин Кандинского или ван Хуфа, икон или серебряных рублей петровского времени. Но кто кого цеплял в действительности, у нас еще будет возможность убедиться.

Чеки серии «Д»

Казачков спешил. Время шло, в его воображении за рубежом кипела прекрасная и заманчивая жизнь, а он был все еще только на подступах. Казачков хотел переселиться с комфортом. Вот когда потребовались все краски его коммерческо-уголовного таланта!..

Наконец ему удалось получить вызов оттуда, и он стал оформлять документы на выезд и требовать в институте характеристику. Но к этому времени Михаил Петрович Казачков уже впол-

не созрел для прокурорской санкции на арест. Так что в основе дела Казачкова лежит вовсе не политика, как хочет это представить сам Казачков вкупе с иными поборниками прав человека, а самая примитивная уголовщина.

Следует сказать — и это очень важно — вот еще о чем. Есть у Казачкова сын, Петя. Когда Казачков окончательно решил уехать и стал готовить документы, Пете было три года. Понятно, ему еще было рано самому решать свою судьбу. Тем более что речь шла не о выборе детского сада. Речь шла о Родине. Речь шла о том, как сказал поэт, куда идти, в каком сражаться стане. Могло ли общество оставаться безразличным к решению Петиного отца, Михаила Казачкова, — человека, у которого в представлениях о правах и обязанностях гражданина перед своим Отечеством явное смещение? Сын Казачкова обладает не меньшим, чем любой другой гражданин, правом иметь свою Родину. Общество, которое считает своей главной заботой благо людей, не может оставаться равнодушным, если чье-то недомыслие, или злая воля, или низменный интерес ломает другие судьбы. Это, так сказать, к вопросу о правах...

В случае с Михаилом Казачковым было еще одно существенное обстоятельство. Родственники, которые прислали ему вызов, на деле оказались вовсе не родственниками. Стало быть, ни о каком воссоединении семьи речь идти не могла. К тому же в присланном документе стояла другая фамилия. Казаков. Весьма возможно, произошла ошибка. Но документ есть документ, и от факта никуда не денешься. Как поступил Михаил Петрович? В своей обычной манере. Обратился за помощью к иностранным друзьям,

в частности все к тому же Коновалоффу. Подчистили, подправили, но подлог впоследствии вылез на свет.

А время шло. И Казачков засуетился еще активнее. И теперь самый момент вернуться к началу нашего рассказа, к тому самому раннему утру 19 августа 1975 года, когда вице-консул генерального консульства Соединенных Штатов Америки в Ленинграде и сотрудник Центрального разведывательного управления Дэнни Мак Артур Лофтин вышел из дома и сел в темносиние «Жигули» под дипломатическим номером Д 04-055.

Хлопнула дверца, мягко завелся мотор, и темносиние «Жигули» тронулись с места. Дэнни Мак Артур Лофтин ехал на встречу с Михаилом Казачковым.

Эта встреча была не первой, и она не будет последней. Дипломату-разведчику еще предстоит контакты с Михаилом Казачковым — впоследствии завербованным им агентом. Пока же ограничимся одним: Лофтин искал такого человека — человека, готового служить ЦРУ, готового продать самое святое — Родину. И Лофтин такого человека нашел.

10 ноября 1975 года уже известный нам Александр Коновалофф, атташе по вопросам культуры и печати Посольства Бельгии в СССР, пришел к матери Владимира Велле — Фаине Ильиничне и оставил ей конверт, на котором было написано: «М. Казачкову от А. Г.» (Андрэ Голованов). В конверте были чеки серии «Д» на сумму 350 рублей. Голованов получил от Владимира Велле две тысячи французских франков, обменял их на чеки, а Коновалофф выполнял в данном случае роль связного. Деньги

предназначались Казачкову в счет погашения долга.

Это было прямым нарушением закона о валютных операциях. Следственные органы возбуждали против Казачкова уголовное дело. Нужно сказать, что к этому моменту Казачков совершил немало противозаконного. Это были не только финансовые махинации. Он вступил в контакт с представителем ЦРУ, стал, по сути, его агентом и собирался передать ему важную информацию, которая могла бы нанести серьезный ущерб нашему государству. Казачкова нужно было остановить.

В квартире Казачкова был произведен обыск, в результате которого обнаружили улики, свидетельствовавшие о его незаконной коммерческой деятельности.

Прокурор города Ленинграда дал санкцию на арест гражданина Казачкова в связи с его незаконной валютной сделкой с бельгийским дипломатом Александром Коновалоффом.

В процессе следствия будет установлено все: не только деятельность Казачкова, крупного спекулянта и контрабандиста, но — и самое главное — шпионская деятельность Казачкова в пользу американской разведки.

Каждую среду, в полночь

Итак, встреча. Конечно же Лофтин стремился к ней. Успех мог существенно поднять его акции в конторе. Но была и опасность. Казачков, правда, говорит, что недоволен жизнью, что его не устраивает здешняя система, оттого хотел бы уехать. А может быть, что-ни-

будь другое? Может... Но там, за Потомаком, в окрестностях Вашингтона, в местечке под названием Лэнгли, где разместилось Центральное разведывательное управление, там от него ждут работы. Там нет дела до того, что он еще и дипломат, Дэнни Мак Артур Лофтин, что генеральное консульство призвано способствовать развитию отношений между Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки, что он как вице-консул призван заниматься тем же. А он? Едет на встречу с будущим агентом. Деятельность, уж точно несовместимая с дипломатическим статусом. Он, Лофтин, отлично это понимает.

Однажды он уже сделал скользкий шаг. Когда выставили из страны Шорера: коллегу поймали в момент получения им информации. Не выручили ни дипломатический паспорт, ни положение вице-консула. Дернула его тогда не легкая помогать при отъезде! Объяснить, конечно, можно: он — вице-консул, который как раз занимается административными и финансовыми делами. Только объяснять некому, а ненужной активностью сам впаял себя в шореровскую цепочку. С тех пор и не оставляет мысль, что за ним следят. Правда, он ни разу не находил ей подтверждения, но уж в этих вещах он, будьте уверены, разбирается. Как ни старался, не находил. Неожиданно менял маршруты передвижения, знал лучше иных горожан проходные дворы старого Ленинграда (этим его знанием восхищались знакомые), вызываясь вел себя, чтобы хоть как-то привлечь внимание, — никакого результата! Несколько недоуменных взглядов прохожих, смех детей — вся реакция.

Ну кто еще, кроме него, Лофтина, отправлялся на лужайку к памятнику Пушкина и прямо на траве пил из термоса кофе? Кто сажился на ступени движущегося эскалатора и читал газету? На приемах не брал в рот спиртного, цепко следя за окружением, и если и обращал на себя внимание, так, пожалуй, как раз этой странностью. И Лофтин нервничал еще больше. Именно оттого, что все вокруг было спокойно и не внушало подозрений. Разумеется, он ничем не выдавал своего состояния, разве только кулаки — проклятая привычка, никак не избавиться! — сжимал чаще и стремительнее.

...Очень уж откровенен этот парень. Подозрительно откровенен. А почему, собственно, подозрительно? Ну, сосед. Ну, частенько встречал его на улице, когда тот гулял с сыном. Так ведь это же ты сам, Дэнни Лофтин, первым как-то поклонился ему! Так с тех пор молча и раскланивались, встречаясь на Пушкинской. И вот однажды...

Время близилось к обеду. Казачков знал, что Лофтин вот-вот должен появиться дома: он был пунктуален. Вскоре действительно подкатила машина. Теперь оставалось ждать...

Казачков прошел коротким путем — проходными дворами и оказался возле нужного подъезда. Постарался встать так, чтобы не привлекать ничьего внимания. В два часа дня на площадке этажа, где жил Лофтин, хлопнула дверь. Послышались шаги. Казачков вышел из укрытия, подошел к вице-консулу и представился. Назвался и Лофтин: Дэн.

— Я хотел бы встретиться с вами в более подходящей обстановке. У меня есть для этого

квартира, не очень далеко, на канале Грибоедова.

— Зачем?

— Дело связано с выездом, и мне хотелось бы обговорить кое-какие вопросы. Уверяю вас, это безопасно.

Казачков дал адрес. Лофтин сказал, что свяжется с ним позднее. На том и разошлись.

Шли дни. Лофтин не объявлялся. Казачков нервничал. Но каждый при этом продолжал заниматься своим делом. Один — спекулировал. Другой...

30 июня 1975 года Дэнни Мак Артур поехал в Москву, где пробыл до 3 июля. Что делал — нам неизвестно. 12 июля Лофтин поехал в Хельсинки, где за вывеской американского дипломатического представительства разместился крупный разведывательный центр. 15 июля вернулся в Ленинград. С 14 по 16 августа он вновь побывал в Москве, а через три дня, то есть 19 августа 1975 года, у него наконец состоялась обещанная встреча с Казачковым.

Итак, мы знаем, что Лофтин вышел из дома в шесть часов утра, на что, естественно, обратил внимание дворник. Куда он поехал — неизвестно. Известно лишь, что милиционер видел стоящую у Обводного канала автомашину марки «Жигули» темно-синего цвета с дипломатическим номером Д 04-055. В машине никого не было. Часы показывали десять утра.

Двумя часами раньше в квартиру Казачкова, адрес которой он сообщил Лофтину, кто-то позвонил. Михаил Петрович не имел обыкновения отворять двери на случайные звонки — обычно его заранее предупреждали о визите по телефону. Так он поступил и на этот раз. Неизвест-

ный был настойчив, но Казачков дверь так и не открыл. В десять часов утра Казачков и Фаина Ильинична Велле (она в это время гостила в Ленинграде, а жена с сыном отдыхали в Эстонии) вышли из дома, и в садике напротив Михаил Петрович увидел вице-консула. Они издали поприветствовали друг друга, и вдвоем с Лофтиным вернулись на квартиру, оставив Фаину Ильиничну в саду.

— Вы, наверное, уже потеряли надежду увидеть меня? К сожалению, не было никакой возможности. Скажите, нас не подслушивают?

Казачков включил радио.

— Давайте объясняться письменно, — для большей безопасности предложил Лофтин.

Из показаний Михаила Казачкова:

— Лофтин попросил меня ответить на вопросы анкеты, которую принес с собой. Он сказал, что как только я это сделаю, с того же дня начнется срок, необходимый для получения американского гражданства. Анкета была отпечатана на машинке по-русски, состояла из двух небольших листков. Вверху была строчка: «Бумага растворяется в воде со всем, что на ней написано». Помню, что Лофтин достал ее из блокнота, в котором листы были такого же размера и цвета. Помимо обычных вопросов, касающихся времени и места рождения, состава семьи, работы, там были такие: Есть ли автомобиль? Отношение к воинской обязанности. Были ли отношения с КГБ? Отношение к секретным работам. Подал ли на выезд, когда? И еще один вопрос, который поразил меня больше всего: кого еще знаю из американцев, кроме профессора Дункана Райта?

Здесь необходимо пояснить, почему этот по-

следний вопрос так удивил Казачкова. Дело в том, что Михаил Петрович как-то познакомился с американским профессором в академической библиотеке. Райт выразил желание побывать у Казачкова дома. Но встреча тогда не состоялась.

Михаил Петрович и думать забыл о случайном знакомстве, никому о нем не рассказывал, а уж Лофтина во время их первой встречи и подавно. Между тем американский разведчик располагал этой информацией. От кого?

Из показаний Михаила Казачкова:

— Я ответил письменно на все пункты. Лофтин сказал, что нужно только ставить номер каждого вопроса и сразу писать ответ. Писал, кажется, шариковой ручкой, которую дал мне Лофтин. Лофтин интересовался, чем занимается наш институт, есть ли у него закрытые направления. Спросил об одной очень важной теме, поинтересовался, не знаю ли я, какое учреждение занимается ею. Я ответил на его вопрос, назвал один из институтов, где он находится. Есть ли у меня знакомые в том институте. Я сказал, есть. Кто? Я написал фамилию этого человека, моего друга, которого я давно знаю. В это время вернулась Фаина Ильинична, но она Лофтина не видела, была в кухне. Я вновь попросил Лофтина помочь мне уехать и отправить некоторые картины и книги дипломатической почтой. Он ничего не ответил, но сделал какую-то пометку в блокноте. Когда мы прощались, Лофтин спросил, не нуждаюсь ли я в деньгах. При нем были триста рублей, которые он мне предложил. Он сказал, что мог бы помочь открыть счет в заграничном банке. Я отказался, сказав, что это несвоевременный

разговор. Лофтин еще раз спросил, смогу ли я собрать информацию по секретной теме, и если да, то нужно будет передать ее ему при следующей встрече. Он же предложил систему встреч. Каждую среду, начиная с третьего сентября, между 10 и 11 часами утра я должен быть возле магазина «Старая книга», на углу Герцена и Невского. И ждать появления машины с американским дипломатическим номером. Машина должна либо медленно проехать мимо, либо припарковаться и постоять минут десять. Это значит, что в этот же день, в полночь, Лофтин будет ждать меня в подъезде своего дома. Своей приятельнице я сказал, что встречался с американским дипломатом. Встреча носила коммерческий характер. В действительности же я сразу понял, что имею дело с представителем разведывательной службы.

Оставим в стороне сомнительную законность этой встречи: к лицу ли дипломатическому представителю иностранной державы, к тому же работнику консульства, устраивать ее с гражданином страны пребывания? Разве нет для этого иных — общепринятых форм, которые не бросали бы тень на дипломатический статус? Допустим, Лофтин настолько сердоболел, что решился помочь Казачкову даже в ущерб собственному престижу. Допустим... и глянем в корень.

Чем интересовался Лофтин? Научной тематикой Казачкова, его института, других научных подразделений и — особо — проблемой, имеющей оборонное значение.

Какие люди из окружения Казачкова интересовали американского вице-консула? Те, кто мог стать источником научной секретной ин-

формации. (Лофтин даже хотел знать их поименно.)

Почему Лофтин предложил Казачкову заполнить анкету на бумаге, которая «полностью растворяется в воде со всем, что на ней написано»? Да потому, что характер вопросов и соответственно ответов полностью изобличал, что речь идет о чем угодно, только не о выезде за границу.

Как реагировал Лофтин на настойчивые стремления Казачкова вернуть американца в круг его, казачковских, проблем? Лофтин последовательно добивался своего — информации, а на «дела» Казачкова не обращал особого внимания.

Какую цель преследовал Лофтин, предлагая Казачкову деньги и счет в банке? Он явно хотел дать Казачкову аванс, полагая, что тот будет вынужден отрабатывать его.

И, наконец, последнее. Чем закончилась встреча? Казачков ответил на все интересующие Лофтина вопросы и передал ему другие шпионские сведения. И еще получил два совершенно конкретных задания. Лофтин проинструктировал Казачкова об условиях новых тайных встреч.

Не пора ли переходить к выводам?

Встреча вице-консула генерального консульства Соединенных Штатов Америки в Ленинграде Дэни Мак Артура Лофтина и младшего научного сотрудника Ленинградского физикотехнического института имени А. Ф. Иоффе Михаила Казачкова, состоявшаяся 19 августа 1975 года, была встречей профессионального разведчика с человеком, которого он собирался завербовать и сделать своим агентом. Что, соб-

ственно, и произошло. При этом следует подчеркнуть, что если вначале инициатива знакомства исходила от Казачкова, то впоследствии ею завладел Лофтин, а Казачков послушно пошел у него на поводу по пути шпионажа и предательства. Делал это Лофтин очень ловко, но на то он и профессионал...

На полпути в рай

Итак, жизнь Казачкова наполнилась новым содержанием. Он нашел нового хозяина и кинулся ему служить. Уже через десять дней М. Казачков начинает искать людей, которые могли бы стать для него источником нужной информации. Особый интерес представляет близкий друг (назовем его Ванин). Какие струны его души рассчитывал затронуть Казачков? Прежде всего болезненное самолюбие Ванина. У того не ладилось с диссертацией, переносились сроки утверждения, и человек, понятно, нервничал. Ему начинало казаться, что кто-то специально действует против него, а Казачков подливал масло в огонь.

Как-то друзья встретились на теннисном корте. И когда отдыхали на скамейке в перерыве между играми, Казачков прямо предложил:

— Могу помочь установить контакт с ЦРУ. Не прогадаешь.

Из показаний свидетеля Ванина:

— Казачков трижды уговаривал меня сотрудничать с американской разведкой. Убеждал передать секретную информацию. Уверял, что там будут все условия для жизни и для работы. Я был дружен с Мишей Казачковым и потому

никому не рассказал о его попытках склонить меня к измене. Правда, нужно сказать, был период, когда я начал колебаться, но, к счастью, взялся за ум и не совершил трагической ошибки.

Научный сотрудник одного из ленинградских институтов Ванин действительно едва не разгласил информацию, которая, по заключению экспертизы, является совершенно секретной. Одумавшись, он наотрез отказался от каких бы то ни было контактов с представителем иностранной разведки. Поэтому по делу Казачкова Ванин проходил лишь в качестве свидетеля. Учитывая его искреннее раскаяние, суд счел возможным не привлекать Ванина к ответственности, хотя он и заслуживал наказания за то, что скрывал преступные действия Казачкова. Ванин по-прежнему занимается научной деятельностью, к нему нет претензий, всем своим поведением он доказывает, что сожалеет о случившемся, и старается искупить свою вину. Вот почему мы решили не называть истинную фамилию этого человека.

Между тем близился день условленной встречи, а Казачков еще не справился с заданием. Но не мог же он явиться к своему новому шефу с пустыми руками — ведь Лофтин был так настойчив! Тетрадь, правда, Михаил Петрович уже завел. Это была обыкновенная тетрадь для заметок с изображением Дома-музея Максима Горького на обложке. Но записано в ней было пока до обидного мало — всего несколько фамилий: люди, которые, по мнению Казачкова, могли представить интерес для ЦРУ. (Татьяна Васильевна, жена Казачкова, правда, теперь уже бывшая, подтвердила на следствии, что тет-

радь появилась у мужа после ее возвращения из Эстонии. Это значит — после второй встречи Казачкова с Лофтиным.)

Так вот, список. При обыске найдут и его. К тому времени он будет состоять из 166 фамилий. Казачков не просто вносил в него людей, а с разбором, по определенной системе. Он всех их рассортировал и против каждой фамилии проставил определенный условный знак. Дополнительные индексы означали, что одних он знает только по работе, с другими состоит в личных отношениях, третьи — партнеры по финансовым делам. Особое место занимали сотрудники ведущих научно-исследовательских институтов. И были еще пометки: уверен, предполагаю, подозреваю.

Нет сомнения, надежды, которые возлагал Казачков на этот список, — плод его фантазии. Скорее всего, он лишь набивал себе цену в глазах ЦРУ, чтобы скорее добиться собственной цели. Но давайте представим, что список попал по назначению (к счастью, этого не случилось — не успел Казачков). Ничего не подозревающие и ни в чем не подозреваемые люди, достойные и заслуживающие доверия, вдруг оказались бы объектом внимания дипломатов и недипломатов из ЦРУ, объектом их провокаций. А ведь Казачков имел самое серьезное намерение вручить список Лофтину или, как утверждает он сам, переправить его за границу.

Битый час проторчал Казачков возле «Старой книги», но Лофтин так и не приехал. В полночь он все же не выдержал, выбежал к подъезду и послушно дежурил у входа. Лофтин не пришел. То же повторилось через неделю. И еще. И еще... Что же Лофтин? Неужели он в самом

деле бросил своего подопечного на полпути в рай? Может быть, он охладел к Казачкову? Потерял интерес? А может, испугался его настырности? Все проще. Казачков нарушил инструкцию, которую ему дал Лофтин, ослушался, проявив излишнюю и непредусмотренную инициативу. В планы Лофтина отнюдь не входило принимать условия Казачкова, он предпочитал диктовать их сам. И делал это, надо сказать, отнюдь не по дипломатическому протоколу. Казачков же не давал себе труда пускаться в аналитические изыскания. Он просто нервничал. Нервничал и спешил. Но при этом продолжал заниматься своим делом: потихоньку шпионил и крупно мошенничал. А Лофтин? Он тоже занимался своим делом.

Через четыре дня после встречи с Казачковым у него дома, то есть 23 августа, Лофтин вновь выезжает в Хельсинки и пребывает там до конца месяца. Какие уж административно-финансовые вопросы американского консульства, находящегося в Ленинграде, решал он в Финляндии, — не нам судить. Известно лишь, что, вернувшись, он опять выдерживает Казачкова, чем, правда, повергает того в панику и вынуждает нарушить инструкцию Лофтина (непредусмотренная встреча в подъезде). Но как бы то ни было, Лофтин проводит и третью встречу, а спустя непродолжительное время — и четвертую. Она стоит того, чтобы рассказать о ней особо.

В Ленинград пришла осень. И в один из ее истинно прекрасных дней, все так же во время обеда вице-консула, Михаил Казачков вновь вошел в знакомый подъезд. Хлопнула дверь. Но это был не вице-консул. Казачков ждал. Нако-

нец появился Дэн. Высокий, спортивного склада, он легко спускался по лестнице и, судя по всему, пребывал в отличном настроении.

Вначале они шептались на лестничной площадке. Потом, когда внизу зашаркали шаги, Лофтин отомкнул квартиру и втолкнул Казачкова в тамбур между первой и второй дверьми. И втиснулся туда сам. Там их собеседование продолжалось. Его основной смысл состоял в том, что Лофтин предлагал встречаться через посредника, сказав, что «не имеет права» на прямые контакты. Поинтересовался, нет ли у самого Казачкова таких людей.

Из показаний Михаила Казачкова:

— Я сказал Лофтину, что у меня есть знакомый бельгийский дипломат. Коновалофф. (Помните? Связной в коммерческих сделках. — *Авт.*) Оказалось, что Лофтин его знал. Он сказал, что связь через этого человека возможна.

Во время обыска квартиры Казачкова был найден журнал, в котором он вел учет своим финансовым операциям.

Был найден и список из 166 человек, помеченный условными значками. Казачков сказал, что это — предполагаемые клиенты для коммерческих сделок. Что составил он список, с одной стороны, для памяти и упорядочения дел, а с другой — чтобы познакомить с ним американского вице-консула. И в подтверждение бросил на стол сложенный вчетверо лист бумаги.

Рукой Лофтина (это не отрицал Казачков и подтвердила графическая экспертиза) по-английски было написано, что к нему, Лофтину, Казачков обращался с просьбой оказать помощь для оформления выезда за границу и что этим, собственно, объясняется встреча его, Лофтина,

с Казачковым. Бумага была изрядно потеряна на сгибах, поскольку Казачков таскал ее все время с собой. Оба рассчитывали, что бумага надежно прикроет, если вдруг возникнут какие-то недо-разумения.

Объяснение Казачкова звучало, говоря мягко, неубедительно. Если вице-консул действительно хотел помочь Казачкову в этом, и только в этом, Лофтину логично было бы порекомендовать Казачкова тому, кто занимается этими вопросами по должности.

А потом появились на свет два номера журнала «Тайм», в которых были обнаружены искусно замаскированные под текст статей вклейки с именами людей из списка, составленного Казачковым. Отпечатано это было на портативной пишущей машинке марки «Смит-Корона» (установлено экспертизой), которая принадлежала Казачкову (признание самого Казачкова). Были изъяты при обыске также шифрограммы и кодовые таблицы, составленные Казачковым для... чего? В самом деле, для чего понадобилось ему изобретать сложную систему шифровки текстов, если в своих коммерческих упражнениях он порой действовал на грани открытой безрассудной наглости?

Когда Казачкову было предъявлено обвинение, он вдруг обратился к следователю: «У меня есть важное заявление».

К любым заявлениям положено прислушиваться, к важным — тем более. Прислушались и к Казачкову. К его признанию в преступной связи с Лофтиным, сотрудником Центрального разведывательного управления США, о чем Казачков догадался сразу, к готовности Казачкова всячески помочь следствию в разоблачении

разведчика-дипломата и к предложению Казачкова... освободить его для этой цели из-под ареста. Два первых заявления Казачкова были приняты к сведению и дали следствию дополнительное направление. Третье заявление, естественно, было отклонено.

1 октября 1976 года судебная коллегия по уголовным делам Ленинградского городского суда рассмотрела дело по обвинению Казачкова Михаила Петровича в совершении ряда тяжких преступлений — контрабанда и спекуляция в крупных размерах, валютные сделки, а также особо опасного — измена Родине в форме шпионажа.

Если бы за каждое из них Казачков отбывал наказание в отдельности, ему бы пришлось провести в заключении тридцать девять лет. И это при том, что судебная коллегия учла в качестве смягчающих обстоятельств, что Казачков судим впервые, искренне раскаивается в содеянном и что он частично способствовал следствию в раскрытии преступлений. Поскольку советским уголовным законодательством предельный срок лишения свободы ограничен, судебная коллегия приговорила Михаила Петровича Казачкова к 15 годам пребывания в исправительно-трудовой колонии строгого режима с конфискацией имущества, без ссылки.

Итак, дело помер сорок девять было закончено. Но не закончилось падение Михаила Казачкова. Изменилась траектория. На какую новую орбиту она вывела его?..

Читатель, вероятно, помнит, что судебная коллегия отметила в приговоре: «Учитывая искреннее раскаяние...» И, надо подчеркнуть, это обстоятельство весьма существенно повлияло на

судьбу Казачкова: он мог бы получить и более суровое наказание. Вот что написано его рукой в кассационной жалобе: «Сейчас мне страшно подумать о том, что стало бы со мной, если бы меня не арестовали. Несмотря на годы наказания, которые мне предстоят, я рад случившемуся, ибо меня остановили на пути, который, как я вижу сегодня, вел от преступления к преступлению». Есть там и такие слова: «Я горд тем, что сумел убедить суд в искренности моего раскаяния... Я искренне благодарен работникам следствия за такт и внимание, с которыми они вели разъяснительную работу со мной». Подумать только, что ни слово — сплошная искренность...

Но в колонии он вел себя вызывающе, занимался активной антисоветской пропагандой, оскорблял персонал, старался спровоцировать его. Сейчас Казачков в тюрьме. Его пришлось перевести из исправительно-трудовой колонии в одиночную камеру. Это была вынужденная мера, но предпринятая по вине самого Казачкова.

Когда одно из посольств СССР подверглось провокационному нападению сионистов, наутро Казачков поспешил обрадовать своего приятеля: «Поздравляю, Славик, наши сожгли посольство Советов!» Казачков не скрывал, что очень хочет разрыва отношений и даже войны между Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки. От него отвернулись самые отпетые, однако это не смущало Казачкова, он продолжает гнуть свою линию.

Нетрудно догадаться, чего добивался Казачков. Из всех сил он стремился попасть в прорезь прицела западных радетелей о правах человека, надеть на себя вериги диссидента. Ведь

две предыдущие его ставки принесли сомнительный доход — кому нужен банальный спекулянт или шпион-неудачник? А вот диссидент — дело другое. Тут можно кое-что и выгадать. При условии, конечно, что ему удастся придать своим прошлым похождениям не уголовную, а политическую окраску.

Есть такой антисоветский журнал — «Посев». Появился он еще при Гитлере, когда германский фашизм вот-вот должен был рухнуть под ударами наших войск. Потом «Посев» перешел на содержание к американской и западногерманской разведкам. Что он пишет все эти годы — можно представить. На страницах одного из номеров Казачков «посеял» и свою статью (вероятно, передал рукопись с кем-нибудь из тех, кто вышел из заключения). Напечатана она под значительной рубрикой «Международная политика». Еще, как говорится, не улеглись гипертонические стрессы у обманутых им торговых партнеров (а Казачков ни одной сделки не провел себе в убыток), а Михаил Петрович уже сменил специализацию. Теперь ему захотелось стать политическим деятелем, которого заметят и оценят на Западе. С легкостью необыкновенной, всего на каких-то двух страницах автор препарирует сложнейшие проблемы межгосударственных отношений. И тут же, естественно, дает рецепты и делает прогнозы: «Давайте посмотрим, в чем суть наших противоречий с Западом...» Впрочем, не довольно ли?

На западном политическом рынке всегда была в особом ходу спекуляция на правах человека. Стало быть, надо учитывать конъюнктуру. Ведь Казачков, что ни говорите, а коммерсант. Но не той гильдии. Вот если бы он опублико-

вал, допустим, «Записки уголовного» или, на худой конец, «Как я стал шпионом», там, верно, можно было бы обнаружить и знание предмета, и логику. А тут... Видно, негусто в редакционном портфеле «Посева», коли приходится отдавать его страницы таким хилым всходам. Как, верно, жидковато и у «борцов» за права человека, если уж они пытаются срочно перекрашивать в политического страдальца пойманного с поличным американского шпиона и обыкновенного спекулянта.

Почему мы столь подробно говорим о Казачкове? Да потому, чтобы ни у кого, в том числе у самого Михаила Петровича, не оставалось иллюзий по части его истинного и мнимого лица. Чтобы никому, в том числе и Михаилу Петровичу, не пришло в голову задуматься: а вдруг им в самом деле руководит идея? Вдруг он просто вынужден был ее скрывать и лишь теперь раскрылся по-настоящему? Раскрылся-то он в принципе давно, а по-настоящему до конца — действительно сейчас. Ну а суть Казачкова как была, так и осталась прежней.

Всего лишь несколько дополнительных штрихов к портрету.

До 1975 года в паспорте Михаила Петровича Казачкова в графе о национальной принадлежности было написано: русский. И это соответствовало истине, поскольку отец его был русским. Когда же Казачков решил эмигрировать, то немедленно причислил себя к евреям. И это в общем тоже не противоречило истине, поскольку мать Казачкова — еврейка. Казачков для вида собирался в Израиль — значит, ему нужно было найти там родственников, а какая могла быть родня у русского Казачкова. Следо-

вательно, надо переквалифицироваться. Чем же, как не коммерческой операцией, можно назвать этот шаг?

Когда в 1971 году у Казачкова были неприятности, связанные с ленинградской таможней, и в институте над ним сгустились тучи, то своего научного руководителя, далекого от подобных коллизий, он пытался запугать всяческими возможными неприятностями. Обычный прием шантажиста.

В 1974 году защитился один из коллег Казачкова (Михаил Петрович был в это время занят реализацией икон и «Летнего дня с купальщицей»). Руководитель, с которым занимался Казачков, имел неосторожность обратить внимание своего подопечного на этот факт и выразить сожаление по поводу скромных успехов самого Михаила Петровича в сфере науки. А подопечный — жалобу на своего руководителя. А в жалобе — обвинения в зажиме, в умышленном создании трудностей для плодотворной деятельности (на научном поприще, разумеется). Как видим, и клеветой не брезговал Михаил Петрович, ибо десять лет институт все же терпел Казачкова, все ждал, что он образумится. Нет, никак не скажешь, что Казачкова третиrowали в институте. Осенью 1975 года (за какой-то месяц до ареста) Казачков отдыхал в Крыму со своей подругой. Михаил Петрович чувствовал себя, как бегун на старте, все в нем дрожало от предвкушения близкого триумфа. В общем, с ним в забеге предполагалась и подруга, ибо там они собирались сочетаться («Знаешь, на нашей свадьбе будет посаженным отцом сам Генри Киссинджер!»). Посаженым (правда, в тюрьму) вскоре оказался сам Михаил

Петрович. А в Крым Казачков ездил, даже не взяв отпуска за свой счет, продолжая числиться при исполнении. Когда же всплыла на свет и эта история, в институте нашлись сердобольные, которые утверждали, будто видели в это время Казачкова на работе. А его поездки в Москву по два-три раза в месяц, которые тоже нигде не фиксировались?

Прозрение пришло позже. Не к нему. К сослуживцам. Когда коллектив института проинформировали о «подвигах» Казачкова, в зале, где проходило собрание, стояла гробовая тишина. Что ж, было о чем помолчать, над чем подумать людям честным, совестливым.

Один из работников института, выступая в тот самый вечер, сказал:

— Его раскаяние не может быть искренним. Не верю!

Где, когда, по каким новым «волнам» поплывут голоса «борцов» в защиту уголовника и изменника Родины Михаила Казачкова? В каких «посевах», на каких «континентах» прорастут новые зерна, брошенные его нечистой рукой?

Вот, собственно, и вся история жизни и падения этого человека.

«Свидетельствуя свое высокое уважение, имеем честь сообщить следующее...

...7 февраля 1978 года генеральный консул США Т. Бьюкенен и вице-консул О. Клайат во время официального приема в городе Вентспилсе дали высокую оценку условиям, которые созданы работающим в городе американским специалистам. Но позже, уже за рамками протокола, они же охарактеризовали действия совет-

ской стороны как «грубое вмешательство и нарушение моральных прав американских специалистов». Допускал шантаж и угрозы и руководитель группы американских специалистов в Вентспилсе господин Сойер, который видел поддержку своих соотечественников».

(Из заявления в МИД Латвийской ССР директора Вентспилсского припортового завода В. Ермолина.)

«...23 октября 1978 года в общежитии № 2 ЛГУ, в комнате № 51, где живут американские стажеры, граждане США супруги Валенти и Жаклин Кукирман, было обнаружено, в их присутствии, несколько печатных изданий антисоветского и порнографического характера, ввоз которых в СССР запрещен, и диссертация по вопросам технологических процессов в металлургии, принадлежащая советскому автору, реферат и фотоснимки к этой работе. (Заметим: Кукирманы — филологи и к технике отношения не имеют.)...»

(Из заявления дипломатического агентства МИД в Ленинграде генеральному консульству США в Ленинграде.)

«...С консулом по культуре и печати генерального консульства США Гайсом встречался неоднократно... Во время каждой из встреч Гайс задавал мне разные вопросы. Спрашивал, как относятся друг к другу русские и латыши, много ли в Риге антисоветски настроенных людей, чем отличается Рига от других городов страны, много ли здесь заводов, каких, что выпускают... Спросил, не смог бы я выполнить какую-нибудь маленькую просьбу, если потребуется. Гайс познакомил меня с корреспондентом ЮПИ Свейлисом, который тоже интересовался

моей жизнью. Свейлис спрашивал у меня, были ли бунты в Риге, есть ли сейчас «лесные братья», существуют ли в городе дома в аварийном состоянии, есть ли грязные неприглядные места...»

(Из объяснения Гунара Бекманиса, проживающего в Риге и осужденного в 1978 году к шести месяцам лишения свободы за тунеядство.)

«...1 июня 1979 года в аэропорту Пулково гражданка США Р. Рутчайлд во время таможенного досмотра отказывалась выполнять правила досмотра. Свои действия Р. Рутчайлд сопровождала громкой нецензурной бранью на русском языке, ударила по лицу одну из сотрудниц таможни и офицера пограничной службы».

(Из ноты дипломатического агентства МИД в Ленинграде генеральному консульству США в Ленинграде.)

«Пользуемся настоящей возможностью, чтобы выразить уверения в своем глубоком уважении...»

Эти последние строки — неременная часть дипломатического протокола. Стоит лишь сожалеть, что слова эти, учтивые не только по форме, но и по существу, вынуждены обрамлять поступки и действия, которые никак не вяжутся с уважением к стране пребывания дипломатического представительства. А если говорить проще — генеральное консульство США в Ленинграде и отдельные американские граждане занимаются деятельностью, которая не всегда отвечает их прямому назначению и отнюдь не способствует укреплению и развитию добрых отношений между нашими странами. И если бы

наш вывод подкреплялся только этими примерами...

В журнале «Америка» (№ 247, июнь 1977 года) есть публикация, посвященная консульству США в Ленинграде. Там, в частности, сказано: «Консульство представляет интересы американских граждан, находящихся в Ленинграде и его окрестностях». Справедливость этого утверждения сомнений вроде не вызывает. Правда, к тому времени уже и вице-консула Шорера пришлось выдворить из пашей страны за разведывательную деятельность, и вице-консул Лофтин был уличен в поступках, не совместимых со статусом и задачами дипломата. И задаешься вопросом: интересы каких же «американских граждан» представляли и Шорер, лазавший в тайник за нашими секретами, и тот же Лофтин в его несостоявшихся отношениях с преступником Казачковым? Иными словами, «пользуемся настоящей возможностью, чтобы выразить...» и прочее.

ПРОВАЛ ОПЕРАЦИИ «СОСНОВЫЙ ПЕНЕК»

История разведки США тесно связана с именем А. Даллеса — американского шпиона № 1. Одержимый патологической ненавистью к Советскому Союзу, закоренелый противник мирного сосуществования, он превратил ЦРУ в инструмент, по существу, неподвластный президенту, не говоря уже об американском конгрессе. Известен случай, когда конгресс попытался было учредить специальную комиссию, контролирующую деятельность ЦРУ. Однако конгрессмены потерпели позорное фиаско. Глава шпионского ведомства с сарказмом заметил: людям, страдающим «хроническим недержанием речи, доверять государственные секреты противопоказано». И его многоглавое детище продолжало бесцеремонно вмешиваться во внутренние дела суверенных государств, личную жизнь соотечественников, поставлять в конгресс подтасованную информацию о Советском Союзе, других социалистических государствах. Дезинформаторы из ЦРУ преследовали этим одну цель — срывать на международной арене любое политическое урегулирование, пугая «советской угрозой», подстегивать гонку вооружений.

В Соединенных Штатах осталось немало «достойных» продолжателей политики Даллеса. Как не раз отмечала сама американская печать,

ЦРУ — это отнюдь не независимая, сеющая зло организация. По словам одного из его бывших шефов, С. Тэрнера, оно действует «в качестве орудия американской внешней политики». Разве не показателен тот факт, что подстегивание военных бюджетов и сегодня прикрывается в США затасканным мифом все о той же «советской угрозе».

И было бы наивным полагать, что ЦРУ находится в стороне от постоянно раздуваемого в Соединенных Штатах антисоветизма, с помощью которого кое-кто намерен прикрыть противозаконные действия некоторых сотрудников американского посольства в Москве и отвлечь внимание общественности от разведывательно-подрывной деятельности, проводимой американскими спецслужбами против СССР с использованием помещения посольства.

Профессия шпиона, так сказать, в первозданном виде уже канула в былое. Ей непременно должны сопутствовать еще какие-то «занятия». Это в полной мере относится к двум бывшим представителям американского посольства, кадровым сотрудникам ЦРУ — Ветерби и Корбину. Атташе Ветерби довольствовался в Москве скромной ролью «помощника начальника хозяйственного отдела» посольства. Корбин получил от ЦРУ более респектабельное кресло: секретаря-архивиста секции по закупке литературы политического отдела. Попутно заметим, что Ветерби занимался в свое время осуществлением тайниковых операций с небезызвестным С. Липавским. Вскоре Ветерби и его разоблаченный напарник по грязным похождениям Корбин перебазировались для продолжения привычной «работы» в другие страны.

Теперь коротко расскажем о характере этой «работы», взяв за основу документальные материалы и вещественные доказательства, предоставленные органами советской контрразведки, людьми, непосредственно принимавшими участие в пресечении одной из антисоветских акций преступников в 1980 году.

В свое время Ветерби и Корбин, согласно существующим правилам процедуры, уведомили советские власти о своем скромном намерении совершить поездку на автомашине в пригород столицы. Мотивировалась просьба вполне естественным (для непосвященного) желанием иностранцев глубже познакомиться с историческими памятниками России.

И хотя принадлежность «любителей старины» к ЦРУ была давно известна и даже несмотря на то, что облюбованный ими (не в первый раз!) маршрут проходил недалеко от расположения воинских частей, просьба «дипломатов» была уважена. Учли и то обстоятельство, что к Ветерби приехали из США его родители, которых он также попросил разрешения взять с собой в моторизованный турпоход.

Но с самого начала это «культурно-массовое мероприятие» американцев вызывало, мягко говоря, недоумение. Во-первых, погода в день загородной прогулки никоим образом не могла способствовать ни осмотру исторических мест, ни запланированному пикнику на лужайке. С раннего утра лил проливной осенний дождь, хлестал холодный ветер, развезло проселочные дороги. Во-вторых, в дипломатической машине с номерным знаком Д 04-348 места благочестивых родителей вдруг оказались заняты собственными женами «дипломатов».

Презрев решительно все дорожные знаки, не обращая внимания на сигналы работников Госавтоинспекции, Ветерби выжимал из лимузина максимум лошадиных сил. Было похоже, что этот экипаж участвует в международных ралли, когда он на скорости 130 километров в час лихо обходил «Волги», «Жигули» и МАЗы... Вот уже где-то в стороне остались исторические памятники, исчезли за мокрым облетающим лесом златоглавые маковки ушпикальной архитектуры.

Около 11 часов утра, поднимая мутные фонтаны брызг, преодолевая ухабы, машина иностранцев проскочила через уголья одного из подмосковных совхозов. Но от глаз полеводов не скрылся ни заляпанный грязью номер автомашины, ни само направление ее движения — незнакомцы торопились выбраться на магистраль из официально закрытого для посещения иностранцев района.

В этой обстановке чекистам лишь оставалось завершить задачу по вскрытию операции противника. Именно противника. Надо называть вещи своими именами. Обнаглевшего, потерявшего всякую совесть противника. Распространяя лживые версии о каких-то «кознях Москвы», пресловутой «шпиономании», спецслужбы в лице посольских резидентур ЦРУ и РУМО (военной разведки), прикрываясь дипломатическим иммунитетом, пытаются творить на нашей земле самое откровенное беззаконие.

Подчеркнем: пытаются. То, что сегодня они еще, допустим, могут записать в сомнительный актив своих «удач», не далее как завтра оборачивается для них провалом. Так было и будет!

После выполнения шпионского задания Центра (автогонщики справились с ним за час с

небольшим) Ветерби и его сообщники выбрались на шоссе и, замата следы, принялись за туристическую программу —крытие. Театральные жесты восхищения и умиления, наигранные улыбки возле памятников старины. Завершить маскарад решили, несмотря на дождь, блицпикником и, наследив порядочно (в полном и переносном смысле слова), удовлетворенные сделанным (шпионы не сомневались в успехе), они вернулись в Москву...

Нам лишь остается показать, что представляют собой эти «следы», и хотя бы вкратце прокомментировать их. За последнее время спецслужбы США значительно расширили применение новейших технических средств для сбора разведывательной информации о нашей стране. Эта эскалация идет по линии радиотехнической разведки из зданий дипломатических представительств США в Москве и Ленинграде, с американских кораблей, заходящих в советские порты, и самолетов, прибывающих спецрейсами в СССР. Применяется и портативная радиоэлектронная техника, которую американские разведчики-«дипломаты» используют как во время «туристических» поездок по Советскому Союзу, так и в некоторых иных случаях.

Шпионская задача Ветерби и К⁰, например, состояла в том, чтобы установить портативную, запрятанную в искусственный пень радиоэлектронную аппаратуру длительного действия в районе одного из оборонных объектов Подмосковья.

Можно с полной достоверностью назвать промышленные фирмы и компании США, принимавшие участие в создании этого высокочувствительного прибора, но, к сожалению, останет-

ся неизвестным имя дизайнера пластикового камуфляжа, в который авторы проекта поместили радиоэлектронное устройство. А ведь изготовленный по его макету «сосновый пенек» кровно обидел бы славное племя лесорубов! Изготовители этого «пенька» не знают русской природы: сосновый пенёк, господа, в осиновой роще — редкостный феномен.

Советские специалисты досконально разобрались в интегральных схемах поистине золотого содержимого пенёка (оно оценивается в несколько сотен тысяч долларов). Прежде всего обратил на себя внимание серийный номер прибора, который, стало быть, может быть запрятан не только в фальшивые пенёчки. Все зависит от фантазии...

Устройство предназначено для ведения электронной разведки в диапазонах сверхвысоких частот с последующей трансляцией накопленной информации в закодированном виде по радио на расстояние до 450 км (искусственные спутники Земли, самолеты), равно как и для передач на наземные средства приема информации, включая американское посольство в Москве. Что же касается названного пенёка, то он был установлен американцами в осиновой роще в зоне радиовидимости оборонного объекта для получения подробной информации о радиоизлучающих средствах этого объекта.

Суть не в технических деталях и микросхемах устройства, а в возмутительном факте грубого нарушения американскими «дипломатами» элементарных норм поведения.

В. Бурмин

ЗА КУЛИСАМИ «КОБРА ЭЙС»

Для ведения радиоэлектронной разведки американские спецслужбы используют сложную многоцелевую систему. Эта шпионская аппаратура предназначена для ведения разведки в автоматическом режиме с последующей передачей накопленной информации в закодированном виде по радио как на искусственные спутники Земли, самолеты, так и на «наземные средства съема информации».

Что же представляют собой эти «наземные средства»? К ним относится, например, поднятая на высоту одного московского десятиэтажного дома система коротковолновых (КВ) и ультракоротковолновых (УКВ) антенных устройств.

Крыша дома, как известно, прежде всего предназначена для защиты его обитателей от непогоды. А крыша дома 19/23 на улице Чайковского в Москве вот уже более тридцати лет безраздельно находится во власти американских спецслужб. Там буквально яблоку негде упасть. Каждый квадратный сантиметр на строгом учете. Чтобы в этом убедиться, достаточно взглянуть на снимок крыши этого дома, под которой с 1954 года функционирует посольство США.

Напомним, что весь этот «лес» антенн, будок, надстроек, напоминающий научно-исследовательский радиоцентр, вырос незаконно. Его появление не предусмотрено ни изначальным соглашением об аренде дома 19/23, ни в последующих документах. Более того, советские органы власти неоднократно обращали внимание американского посольства на беспардонную партизанщину, чинимую его персоналом на крыше дома. Уточним: определенной части персонала, который относится к кадровым сотрудникам резидентур Центрального разведывательного управления и военной разведки.

Заселение здания работниками посольства США в 1954 году по времени совпало с составлением доклада комиссии Гувера, во введении к которому, в частности, речь шла о совершенно секретных операциях ЦРУ. Прочитируем его: «...в такой игре нет правил. общепринятые нормы поведения здесь неприемлемы... Мы должны... научиться вести подрывную и диверсионную работу и уничтожать наших врагов более умными, более изощренными и более эффективными методами...»

По существу, это была прямая директива спецслужбам США к эскалации разведывательной деятельности против Советского Союза и других стран социалистического содружества. На них с еще большей интенсивностью стали работать засекреченные конструкторские бюро, лабораторий, фирмы. Используя научно-технические достижения, они создавали разного рода шпионское оборудование, в том числе и для радиотехнической разведки. Именно их антенны и специальные посты уже в 1955 году «украшили» крышу посольского дома США в Москве.

Так создавалась программа радиотехнической разведки, ведущейся из здания посольства США против Советского Союза, под кодовым названием «Кобра Эйс». Все ее посты курируются подразделением министерства обороны США, именуемым Агентством национальной безопасности (АНБ). АНБ было учреждено секретным меморандумом президента Трумэна в 1952 году. В неопубликованном уставе агентства указывалось, что его аппарат должен заниматься электронным наблюдением за системами международной связи. В задачи АНБ также входил контроль за международными телеграммами, прочими формами связи, учет различных ведомственных правительственных посланий, содержащих фразы, слова, которые могут рассматриваться в качестве «условных».

Надо отметить, что конгресс США не утверждал создание АНБ. Не утверждаются поныне и фонды агентства, так как оно полностью содержится за счет бюджета министерства обороны. В 1975 году глава АНБ в своем первом публичном выступлении в палате представителей США заявил, что возможность АНБ контролировать междугородные телефонные переговоры вытекает из полномочий президента как верховного главнокомандующего и не лимитируется конституцией...

Шеф АНБ оказался явно не в ладах с американской конституцией, которая, во-первых, требует, чтобы конгресс издавал законы и создавал различные правительственные учреждения. И во-вторых, конституция требует публичного отчета о всех правительственных расходах. Но американская конституция и американская действительность — разные вещи... Лишним под-

тверждением тому служит и вся подрывная деятельность АНБ, на каждом шагу вступающая в противоречие с американской конституцией. Характеризуя тайные операции АНБ, председатель комиссии по расследованию деятельности разведорганов сенатор Черч как-то заявил: «Правительство США усовершенствовало технические средства до такой степени, что теперь возможно контролировать передачи, которые осуществляются по воздуху между судами в море, между военными подразделениями на суше... Однако эти же возможности могут быть использованы и внутри страны против американских граждан. У американцев не остается никакого права на неприкосновенность личной жизни, так как появилась возможность контролировать все — телефонные разговоры, телеграммы. Скоро не будет места, где можно было бы от этого укрыться!»

Здесь мы не собираемся касаться проблемы внутреннего шпионажа, ведущегося в США, и постоянного нарушения прав граждан Америки. Это тема специального разговора, к которой, однако, причастно и АНБ, и она связана с антисоветской программой посольства США в Москве «Кобра Эйс».

Создав на крыше арендованного здания центр по радиотехнической разведке и радиоперехвату каналов связи, АНБ регулярно проводит сеансы перехвата, направленные на определенные районы Москвы и Подмосковья. Показательным является тот факт, что антенные сооружения и будки не имеют никакого отношения к организации связи, скажем, с Вашингтоном или Нью-Йорком, а тем более к приему программ московского телевидения, хотя выглядят они

внешне как телевизионные антенны. Безраздельные хозяева верхних этажей посольства категорически запретили обитателям дома 19/23 использовать для приема телепрограмм имеющиеся на крыше антенны или самовольно устанавливать дополнительные. Им предложено довольствоваться для этих целей «исключительно комнатными», причем распоряжение «обжалованию не подлежит».

Информация о деятельности резидентур посольства неоднократно появлялась в самой американской печати. Сообщалось, например, что посольство подслушивает радиотелефонные переговоры в автомашинах ответственных работников КПСС и Советского правительства. Причем ни ЦРУ, ни прочие ведомства США публично не отрицали этих возмутительных фактов, тем самым демонстрируя свое молчаливое согласие с деятельностью радиотехнической разведки. Бомба разорвалась в 1973 году, когда Белый дом, по сообщению американской прессы, распорядился прекратить публикацию материалов о работе ЦРУ по подслушиванию. Газетам заткнули рот, но объем разведывательных работ стал еще шире.

В одном из сообщений ТАСС в 1978 году особо подчеркивалось, что специальными постами в здании посольства США длительное время проводится радиоэлектронная разведка по перехвату линий связи, в том числе радиотелефонных. Напоминалось также, что в руках советских компетентных органов имеются подлинные разведывательные задания и операторские журналы указанных постов.

Приведем отдельные выдержки из этих документов.

Общие задачи постов радиотехнической разведки (РТР):

«...ежедневный контроль состояния и режимов работы средств ПРО Московской зоны:

— тщательная разведка радиоэлектронных средств систем ПВО, особенно таких их элементов, как сигналы радиолокаторов поиска и сопровождения цели, систем управления зенитными ракетами;

— изучение работы систем навигации, связи и управления огнем самолетов различных типов, как находящихся на вооружении, так и по новым моделям, проходящим испытания в Подмоскowie».

(Особое значение при этом придается определению параметров излучений и характеристик излучающих систем, с тем чтобы иметь возможность в случае необходимости нарушить их нормальную работу с помощью направленных помех.— Авт.)

Методические указания оператору поста РТР:

«...перехватываемые сигналы следует записывать на магнитную ленту и отражать все их параметры: частоту, вид модуляции, форму импульсов, направления на их источник и т. п.;

— задача разведки средств и линий связи включает в себя такие элементы, как перехват радиообмена спутников и орбитальных станций с подмосковным пультом управления; контроль за радиорелейными правительственными и оборонными линиями связи, в том числе и с использованием системы космической связи через спутник «Молния-3».

Следует заметить, что некоторые линии связи представляют особый интерес. В одной

из шифротелеграмм на пост из Центра говорится:

«Даррел (имя сотрудника аппарата военно-воздушного атташе при посольстве США в Москве сержанта ВВС Д. Нормана.— Авт.), нами получено официальное задание по линии связи, работающей в азимутах 205 и 200, которое вступает в силу в полночь. Задача состоит в проведении записи излучения с 3 до 6 часов утра по местному времени. Следует делать то же количество копий, что и сейчас. Мы оценим содержание этих дополнительных записей и примем решение... Мы понимаем, что начинать работу в такую безбожную рань тяжело, но нам остро необходимо получить хорошие перехваты этой линии связи...»

(Отметим, что результаты перехвата были направлены в Центр для адресата, имеющего условное наименование А-654.)

Конкретные задания постан РТР.

По самолетам:

«Полностью исследовать все сигналы, связанные с полетами самолетов, имеющих на борту телеметрическую аппаратуру. Наибольший интерес представляют излучения новых систем вооружения и новые варианты известных сигналов. Необходима одновременная запись сигналов телеметрии и всех других излучений данного самолета, представляющих разведывательный интерес».

По зенитным ракетным комплексам:

«Записывать в течение всего времени перехвата как можно большее количество сходных сигналов, определить взаимосвязь между ними в процессе проведения учебных или боевых стрельб и последовательность смены режимов работы».

Из отчета поста:

«Сигнал появился, когда самолет развернулся и пошел к базе в 13.44 и пропал в 13.55, ровно через 3 минуты после того, как летчик доложил, что в 13.52 начал снижаться. В 14.10 с азимута 120 перехватил еще один такой сигнал, однако он ни с чем не связан. Через четыре минуты после посадки самолета с телеметрической аппаратурой сигнал все еще находился в эфире».

Затрудняемся сказать, кто конкретно составлял этот отчет. Однако достоверно установлено, что за последние годы в составе резидентуры РУМО в Москве орудуют квалифицированные специалисты в области электроники и спецаппаратуры, владеющие русским языком. Высокие чины РУМО, например, особо отмечали шпионскую «работу» сержанта Кула.

Анализ имеющихся в распоряжении советской контрразведки документов позволяет сделать еще один вывод: не все, оказывается, обстоит благополучно в западном шпионском сообществе. Несмотря на то что существуют объединенные разведывательные бюро, в которые входят США, Англия, Канада и другие страны НАТО, на многих шифротелеграммах и данных постов РТР стоят специальные отметки, строжайше запрещающие знакомить с ними вышеуказанных партнеров по шпионажу, кроме спецслужб США. Недоверие, так сказать, налицо.

Здесь можно было бы поставить точку. Однако бросается в глаза и другое. Во-первых, давно замечено, что администрация США всячески пытается оправдать шпионские операции американских спецслужб ссылками на «советскую военную угрозу».

Между тем даже из приведенных выше документов видно, что американские спецслужбы уделяют пристальное внимание разведке объектов ПВО и ПРО, которые, как известно, относятся к оборонительным системам Советского Союза. Это со всей очевидностью свидетельствует об агрессивных замыслах самих США, для обеспечения которых активная роль отводится американской разведке.

Одним словом, профессионалы из спецслужб США, выполняя указания официальных лиц, делают свое дело, предоставляя политикам и средствам массовой информации разглагольствовать о «советской военной угрозе» и пр.

И кажется странным, что, несмотря на заверения тогдашнего заместителя помощника президента США по вопросам национальной безопасности Аарона в ноябре 1977 года об отсутствии каких-либо планов восстановления (после пожара) будок-постов и спецантенн на крыше посольства, все вернулось «на круги своя». Теперь самая высокая часть кровли (площадь в 120—150 м²) сделана из так называемого «радиопрозрачного материала», что позволяет разместить часть антенных устройств разведывательной аппаратуры под общим прикрытием на чердаке. Строительные работы давно закончились. На фундаментах сгоревших будок-постов появились три новых сооружения четырехметровой высоты, объемом до 30 кубических метров каждое. Похоже на то, что сеть антенных устройств коротковолновых и ультракоротковолновых диапазонов полностью вошла в строй.

Судя по всему, воссоздание наружных антенн спешно понадобилось резидентурам и АНБ в

связи с поставкой из США новой автоматизированной системы радиотехнической разведки, снабженной ЭВМ с большой памятью для управления системой и обработки информации. Словом, все подтверждает мысль о том, что незаконная подрывная деятельность посольства США против Советского Союза не ослабевает. Похоже, что она даже рекламируется Вашингтоном в качестве своеобразной «компенсации» за утрату разведывательных позиций США в других точках земного шара. Авиационными спецрейсами вместе с дипломатическими грузами в нашу страну из США забрасывается современная разведывательная аппаратура; «дипломатами»-разведчиками предпринимаются попытки проведения операций по закладке радиоэлектронной автоматической аппаратуры для сбора разведывательных данных в районах оборонных объектов. Руководствуясь беспринципностью, спецслужбы США, видимо, решили ввести в грязную антисоветскую игру (к чему призывал еще в 1954 году доклад комиссии Гувера) весь арсенал своих средств. Напрасно, господа! Провокаторов и шпионов, в какие бы одежды они ни рядились, в нашей стране ждет бесславный конец.

**ЧЕЛОВЕК
С «ДВОЙНЫМ ДНОМ»**

В Ригу приехали туристы из-за границы. Шумная, многоголосая компания быстро растеклась по городу: одни направились в музеи, на выставки, к памятникам истории, другие автобусом уехали на взморье, третьи встречались с родственниками... Особняком держался невзрачный с виду человек — невысокий, худощавый, с темными, гладко зачесанными волосами. На нем были старое серое пальто, поношенный костюм и шапка, в руках тяжелый портфель. Турист бродил по городу, заглядывал в магазины, на базары, во дворы.

— Забыл, что ли, об отце-то? — удивленно сказал Ян своим товарищам чекистам, которые наблюдали за поведением «тихого туриста».

— Петляет, как заяц. Запутывает следы...

Так оно и было. У туриста оказалось более «важное» дело, чем встреча с отцом. Этот человек числился преподавателем гимназии, где обучаются дети проживающих за границей латышей. Мартиньш Зандберг, по гражданству американец, старался быть «другом эмиграции из Латвии», чтобы легче скрывать свое основное занятие — агента секретной службы США.

Во многих местах мира им оставлены грязные автографы шпиона и террориста. Они, кстати, запечатлены на фотографиях, которые те-

перь лежали на столе у Яна. Сверху снимок Зандберга с группой молодчиков, горланящих, машущих пестрыми листовками и плакатами. Снято в Мадриде, где он устраивал антисоветские провокации, шумные манифестации перед зданием, в котором проходила встреча представителей государств — участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Вид у Мартиныша тут не тихий, а развязный, наглый. Верховодя разгулом отпрысков предателей, он кричал: «Мы от имени латышского народа требуем...» От имени народа... Ни больше ни меньше.

Сегодня же он ходил заискивающе-смирный, настороженный, уступая каждому дорогу. Но в органах госбезопасности хорошо знали подлинное лицо «учителя гимназии». И когда он собрался в Ригу «навещать старика отца», в Комитете госбезопасности Латвии задумались: а только ли к отцу он едет? Зандберг слишком зачастил в СССР. Зачем?

В это время чекисты занимались проверкой одной по меньшей мере странной ситуации. В руки контрразведчиков попала старинная книга, которую, в нарушение советских законов, пытался тайно вывезти за границу один из иностранных туристов. После тщательного анализа на 17-й странице эксперты нашли тайнопись со шпионскими сведениями для ЦРУ. Кто это посылал, где притаился человек, снабжавший вражеские спецслужбы материалами, пока не было известно. Не к нему ли стремился Зандберг?

...Под вечер в день приезда Зандберг зашел в телефонную будку и позвонил. Наблюдение за ним было усилено. Вскоре он вместе с отцом

появился на станции Майори. Но уходить с перрона не спешили. Прохаживались, ожидая следующий поезд. Выйдя из вагона и отделившись от толпы, мимо «гостя» быстрой походкой прошел неизвестный. Они на ходу что-то сказали друг другу. Потом неизвестный вернулся, и Зандберг повел его на квартиру некой Скайдрите.

Вот так чекистам стал известен человек, встретившийся с Зандбергом, — это был Юрис Бумейстер, научный сотрудник института рыбного хозяйства.

На квартире у Скайдрите Зандберг сообщил Бумейстеру новые условия связи для передачи секретных сведений, вручил очередное шпионское задание ЦРУ, малогабаритный фотоаппарат «Агфа» новейшей марки, средства тайнописи, пачки денег.

— Знаете, как пользоваться? — кивнув на аппарат, спросил Зандберг.

— Да. Давно его жду...

Потом выяснилась и другая подробность: в предыдущий приезд в Ригу Зандберг по дворах, стараясь не привлекать к себе внимания, пробрался на работу к Бумейстеру. Хозяин был польщен визитом. Он провел зарубежного эмиссара в свой кабинет, договорившись с ним на всякий случай, что при необходимости представит его своим знакомым.

— Вот мое хозяйство, — торжествующе сказал Бумейстер, раскрыв перед посланцем ЦРУ огромную карту Балтийского моря.

На карте было множество пометок, в частности по запретным зонам. Такое обилие информации поразило даже опытного агента Зандберга, и, не теряя времени, он жадно стал щел-

кать фотоаппаратом, делать торопливые записи...

Когда Бумейстер находился под следствием, Зандберг вновь появился в Риге. Воспользовавшись его приездом, следователи предложили Зандбергу как свидетелю дать показания по делу Бумейстера. «Да, встречался с Бумейстером, — говорил он. — Да, передавал ему задания ЦРУ». В конце разговора со следователем Зандберг собственноручно написал объяснение: «...Я не отдавал себе отчета в возможных последствиях своей деятельности. Сожалею, что моя деятельность оказалась враждебной Советской Латвии». Клялся, что этого больше никогда не повторится. Кажется, ясно: шпион-связник признается, что его деятельность была враждебной для Советской страны. Его отпустили.

Но, оказавшись за границей, Зандберг по указке своих хозяев из ЦРУ заговорил по-иному. Дал интервью радиостанции «Свобода» о том, что в Риге притесняют туристов, что его поездка была «кошмарным сном» и что никакими шпионскими делами он не занимался, а приезжал всего-навсего в гости к отцу. Жалкие потуги провалившегося шпиона!

Но вернемся к знакомому Зандберга — Бумейстеру. Кто же он такой? Седой, обычно задумчивый, в золоченых очках, пожилой человек небольшого роста. На людях общителен, улыбчив, внимателен и внешне кажется добрым человеком, если бы не колючие, злые взгляды, которые он подчас бросает по сторонам. Но это заметно, если пристально и долго наблюдать за ним. В компаниях был «душа-человек». Защитил кандидатскую диссертацию. За ним

утвердилась слава «незаменимого специалиста».

В процессе оперативно-следственных действий выяснилось, что он выходец из семьи банкира. У отца были свои дома, виллы, поместья. Двухэтажная дача в живописном месте на взморье осталась сыновьям. Бумейстер-отец был депутатом сейма в буржуазной республике. Слыл ярым недругом нашей страны. Не изменил он своих антисоветских позиций и после восстановления Советской власти в Латвии, когда республика вошла в состав СССР.

Своему сыну Юрису он завещал не мириться с потерей капиталов и имений. Годами отец пробуждал в нем жажду власти, страсть к миллионам. Говорил не раз: нужно будет — бросай бомбы и стреляй из-за угла. Шаг за шагом Ян и его товарищи чекисты прослеживают жизнь Юриса Бумейстера.

Еще в предвоенные годы, когда учился в сельскохозяйственной академии, Юрис подружился с сыном богача Фредисом Лаунагсом. Их свели, как теперь стало известно, ненависть к коммунистам, общность взглядов, борьба за восстановление буржуазного строя в Латвии. Лаунагс сразу же начал действовать, а Бумейстер выжидал «своего часа». Может, так было условлено?

В 1940 году Лаунагс вступил в подпольную контрреволюционную организацию, Бумейстер же руководил профсоюзным комитетом на факультете академии. При ликвидации подпольной группы Лаунагс скрылся. Потом связался с гитлеровской разведкой, а после освобождения Латвии от гитлеровцев возглавлял банду националистов. В конце 1945 года с группой бандитов ночью на лодке перебрался в Швецию, где

установил связь с американской и шведской разведками. Через несколько лет Лаунагс принял американское гражданство, получил чин капитана и стал работать в разведоргane США. Готовил шпионов для заброски в Советский Союз.

То, что говорили в институте рыбного хозяйства о Бумейстере, не вязалось с тем, что знали о нем чекисты. Сотрудники КГБ побывали в рыбколхозе «Банга» Талсинского района, где одно время в филиале института работал Бумейстер. Беседовали с рабочими, специалистами. Хотелось получить все данные о человеке, который стал на преступный путь.

Полезной была встреча чекистов с председателем рыбколхоза коммунистом Микелисом Лисментом. Когда кто-то из заместителей председателя заговорил о Бумейстере как об «общительном, деятельном, контактном» человеке, Лисмент резко встал из-за стола и возмущенно сказал:

— Раньше не замечал, а теперь, обдумывая, яснее вижу: это у него маска, двуличие. Бумейстер — человек с «двойным дном». Обещаний, идей хоть пруд пруди, а дел мало. Пыль в глаза умеет пускать. Рабочие прозвали его «бум» — прозвище не от фамилии, а от стремления создавать шум по всякому поводу и срывать дело. Пришлось Бумейстеру предложить уехать из колхоза. Вилкосыс он. По-русски — оборотень. Вот кто, — заключил председатель.

Ноябрьским вечером с туго набитым портфелем Юрис Бумейстер выехал в командировку в Астрахань. Но не доехал... Уже у самой Моск-

вы соседи по купе — два сотрудника КГБ — предъявили Бумейстеру ордер на арест. Он пытался сопротивляться, но, увидев в дверях третьего чекиста — рослого, сильного латыша (это был Ян), сразу присмирел. Немного отдышавшись, обронил:

— Да, я проиграл. Надо было еще глубже уйти. Преклоняюсь перед вами как профессионал перед профессионалами.

«Чтобы уйти глубже», он жил двойной жизнью, с постоянной маской на лице. Рассчитывал, что забудут о его прошлом, вотрется в доверие к людям, приобретет общественное положение, знакомства. Ради этого готовил диссертацию, писал брошюры, читал лекции. «Друзьям» на Западе нужны данные о ракетах и базах подводных лодок, описания советских самолетов, сведения об экономике. Секреты эти придется доставать. Бумейстер готовился тщательно, проявлял изворотливость.

И вот наконец, решив, что пришел «его час», вступил в контакт с иностранными разведцентрами. Помог это сделать выехавший за границу приятель, сотрудник института Вульф Стернин. Он отвез в США письмо Фредису Лаунагсу, единомышленнику еще «со школьной скамьи». Сотрудник американского разведоргана Лаунагс будто ждал такого момента, быстро привел в действие нужные каналы...

Вскоре Бумейстера навестил связник из-за границы, передал материалы с указаниями для действий от ЦРУ, деньги и «подарки» от заокеанских «друзей». Летом 1978 года на квартире Бумейстера раздался телефонный звонок. На сей раз с ним пожелала встретиться агент ЦРУ Рута Штробль, отрекомендовавшаяся по

телефону как туристка из ФРГ. Обрадовавшись приглашению, Юрис быстро согласился.

Встреча была назначена в Юрмале, на перекрестке дорог...

Придя в условленное место, он увидел довольно миловидную особу, маленькую, худощавую. Длинные светлые волосы до плеч. Одета скромно, в легком платье и босоножках. Она назвала пароль и, услышав ответ, энергично пригласила следовать за собой. Рута привела Бумейстера на известную уже квартиру Скайдрите. Сразу же стала задавать вопросы: как обстановка в Риге, где имеются военные объекты? Бумейстер не удивился, наоборот, охотно рассказывал.

— Говорите, прибыли новые скоростные самолеты? — спросила Штробль и тут же властным тоном распорядилась:

— Сфотографируйте на старте! Сами понимаете, разведку США интересуют аэродромы, морские базы, стоянки подлодок, новые дороги, узлы связи. Вот адреса для передачи сведений почтой...

На суде Бумейстер сообщил, что выполнил поручения и направил по адресам за границу ряд тайнописных сообщений о военных объектах в Прибалтике.

Вскоре Штробль вновь появилась в Латвии. Встретились опять в Юрмале. Она первой завела разговор о самолетах, их характеристиках. Юрис называл технические данные, скорости, их число на аэродромах.

— Откуда узнали?

— Работал как-то с группой в колхозе. Познакомился там с бывшим военным летчиком. Он рассказывал о самолетах с большими скоро-

стями. «Не верю, — подзадоривал я его, — кто тебе сказал? Трепач, наверно, какой-то». Разгорячился авиатор: «Да я сам летал». И пошел выкладывать цифры. На рыбалке еще один военный дополнил рассказ. Собрал все, отпечатал на машинке, сделал снимок текста, уменьшил его и послал вам под почтовой маркой.

Штробль заметила:

— Пленку получили. Но действуете рискованно, будьте осторожнее.

— Знаю, с чекистами шутки плохи.

Штробль передала агенту специальные средства для тайнописи, адреса, деньги, а также список конкретных заданий по сбору шпионской информации.

Бумейстер стал искать себе помощников. Ему удалось завербовать конструктора рыболовецкого колхоза «Банга» Дайниса Лисманиса, с которым по долгу службы часто встречался. После нескольких бесед на политические темы да изрядно выпитого вместе коньяка Бумейстер понял: дело имеет с единомышленником, и стал готовить его к шпионской работе.

Позднее Лисманис признался, что он только собирал сведения, а Бумейстер передавал их за границу, получал деньги, частицу отдавал напарнику. И все время подогревал его разговорами о том, что скоро произойдут «важные события».

— Тогда я займу пост президента, — заявил он как-то Лисманису, — а кем бы ты хотел быть?

Лисманис не ответил, видимо, еще не решил, какой пост ему подойдет. Но к «важным событиям» готовился, недаром у его тещи на хуторе чекисты нашли склад разного оружия. Они вдвоем ездили на машине по республике, кру-

жили возле военных объектов, фотографировали их, делали схемы, выводывали у знакомых — случайных и не случайных — интересующие американскую разведку сведения. Не доверяя своему подручному, Бумейстер лично принимал зарубежных эмиссаров.

Побывал у Бумейстера и Вилнис Залькалис — агент ЦРУ, провокатор и клеветник, числящийся для отвода глаз редактором эмигрантской газетенки «Бривиба». Он раскрыл перед Бумейстером длинный список того, о чем хотела бы знать иностранная разведка. Тут и военные базы в Прибалтике, и места подводных лодок и радарных установок, и военные склады, и сведения о состоянии дорог. Мол, спецслужбы США хорошо платят за сведения подобного рода. Артур — такую шпионскую кличку дали Бумейстеру — с готовностью согласился выполнять новые задания.

В тот вечер, положив в карман крупную сумму денег, агент получил от американской разведки еще одно неотложное задание. Ему поручили написать «меморандум» от имени латышского народа (всего-навсего!) с требованием независимости для республики. Этот меморандум должны были переправить на мадридское совещание. День и ночь потели Бумейстер и Лисманис, по-лакейски готовя редкое по лжи и пакостной галиматье письмо. Зачитываемые на суде отрывки из него вызывали у людей чувство брезгливости. «Раздробление нации продолжается. Игнорирование нации — также. Мы практически бесправны». И лозунг: «Латвия — только латышам!» В письме все поставлено с ног на голову. Каждая фраза пропитана ядом ненависти к трудовому народу республики, его слав-

ным завоеваниям в экономике, науке, культуре, традициям, братской дружбе с советскими республиками.

Лисманис как-то вечером позвонил «хозяину» и спросил:

— Меморандум отправили?

— Да.

— Но под ним нет же подписей.

— Не твоя забота,— сказал Бумейстер.— Я сообщил, что подписали триста представителей предприятий и учреждений.— И добавил: — Обсуждено в Риге, Лиенае, Гулбене, Елгаве...

— Ведь это неправда.

— Не дрожи, Дайнис,— жестко прогудел в трубку Бумейстер.— Кто узнает? В нашем деле все средства хороши. Не раз ведь так сходило.

На следствии он показал: «Я многие факты экономической и политической жизни страны, сообщаемые за границу, умышленно искажал, а часто давал и заведомую ложь». Так Бумейстер и Лисманис подлаживались под интересы и запросы иностранных разведок.

Следствие шло полгода. Шаг за шагом, добывая новые материалы, опрашивая свидетелей, следователи выявили новые грани «дела». И вот наконец в материалах следствия не осталось ни одной позиции, которая бы вызывала сомнения...

На суде первым давал показания Юрис Бумейстер. Его нелегко было узнать. Слово с него сбросили маску. Тихим, дрожащим голосом он подробно рассказывал о своей преступной деятельности. Чувствовалось: понимает, что проиграл, все карты его биты. Сгорбленный, с

отвисшим подбородком, нервно сжатыми кулаками, раскрывал он свою двуличную жизнь. Сникший, поблекший, он метил в кресло президента, а угодил за тяжкие преступления перед Родиной на скамью подсудимых. После оглашения обвинительного заключения в ходе допроса председатель спросил, признает ли подсудимый себя виновным. Бумейстер глуховатым голосом ответил:

— Да, полностью признаю себя виновным во всех предъявленных мне обвинениях. Я совершил тяжкие преступления перед Родиной, занимаясь шпионажем, сбором и передачей за границу сведений, составляющих государственную и военную тайну, клеветнических материалов, порочащих советский строй. Этим я стремился нанести ущерб Советской стране, способствовать восстановлению в Латвии капиталистического строя.

Помолчав, добавил:

— Но я прошу учесть, что многие годы работал в советских учреждениях.

Нет предела цинизму предателя!

Рядом — Лисманис. Его бьет нервная дрожь. «Виноват, полностью признаю предъявленные мне обвинения, совершил тяжкие преступления перед Родиной. В это темное дело втянул Бумейстер — «прожженный интриган». Думал, что он товарищ, старший, опытный, потому и сошелся с ним, а теперь вижу: волк в овечьей шкуре, готов на любые подлости».

Лисманис вслух высказывает запоздалые признания. На что отданы годы? Говорили: способный рационализатор. Что-то мог бы полезное сделать, а потратил умение и силы во вред своему народу. Тяжело подводить итоги. Но он и

тут пытается юлить, разжалобить судей. Но судья вносит ясность. Был агентом иностранных разведок? Был. Собирал сведения о военных базах? Собирал. Составлял пасквиль-меморандум? Да. Вел валютные сделки? Да, да, да... «Я жил под постоянным страхом перед зарубежными разведцентрами». На это прокурор заметил:

— А вы не задумывались, что подумает и скажет наш, советский народ, которому вы в спину наносили удары, торговали оптом и в розницу интересами и секретами Советского государства?

Подсудимый молчит, еще ниже склоняя голову. В заключительном слове он клянет ловцов душ из ЦРУ, втянувших его в пропасть, просит дать возможность трудом искупить тягчайшую вину...

За преступления перед Родиной — строгий ответ. Такова воля народа. Заседание Верховного суда Латвийской ССР длилось несколько дней. Оглашается приговор: за измену Родине в форме шпионажа, передачу иностранным разведкам сведений военного, политического и экономического характера, другие действия, направленные против советского общественного и государственного строя, суд приговорил Бумейстера Ю. К. к 15 годам и Лисманиса Д. А. к 10 годам лишения свободы с содержанием в исправительно-трудовой колонии строгого режима и с конфискацией имущества.

В. Мартынов

ФОТОГРАФЫ ОТ ПЕНТАГОНА

...Ленинград. Май 1983 года. Водитель трамвая 28-го маршрута едва успел затормозить. Ему и в голову не могло прийти, что стоявшая перед красным сигналом светофора на улице Газа вишневая «Нива» сорвется с места и, рискуя столкнуться с трамваем, лихо вывернет на проезд Огородникова, хотя такой поворот в этом месте запрещен. Как оказалось, приткая «Нива» совершила этот рискованный маневр, пытаясь «удрать» от грузовика, водитель которого имел веские причины для объяснения с ее пассажирами.

Послушаем тех, кто находился в кабине грузовика. Водитель Б. В. Поселенков и инженер аккумуляторного завода В. И. Линник, подъезжая к Калининскому мосту, обратили внимание на стоявшую на мосту «Ниву». Остановка в таких местах запрещена, и В. И. Линник подумал, что с этой машиной произошли какие-то неполадки. Желая помочь, они остановились рядом, но то, что увидели, повергло их в изумление. В «Ниве» сидели двое мужчин, один из них держал на уровне груди завернутый в пеструю тряпку фотоаппарат, телесъе́ктив которого был направлен на завод.

Суть действий пассажиров «Нивы», имевшей иностранный номерной знак, была столь очевидной, что В. И. Линник решил вмешаться. Но не тут-то было. Грубо нарушая правила дорожного движения, «Нива» кинулась наутек.

И все-таки водителю грузовика удалось остановить «Ниву».

Но пора сказать и о тех, кто удирает. В автомашине, номерной знак Д 04-929, принадлежащей генеральному консульству США в Ленинграде, находился военно-морской атташе при посольстве США в СССР Самуэль Колборн. Его попутчиком и помощником оказался коллега из канадского посольства. Два официальных представителя военно-морских сил стран НАТО. Да, американский военный дипломат явно не желал быть одиноким в этой недозволенной деятельности.

Американский военный персонал, служащий при посольстве США в Москве, очень любит путешествовать по Советскому Союзу. Особенно полюбился им Ленинград. Теперь, когда уже известны многочисленные факты откровенно разведывательных акций военных дипломатов из американского посольства в Москве во время посещений ими города на Неве, невольно напрашивается вывод, что пристальное внимание к нему американской разведки привлекают вовсе не исторические и архитектурные памятники мировой культуры.

Впрочем, об этом с завидной прямоотой поведал помощник военно-морского атташе США Липскомб, когда его вместе с коллегой по НАТО англичанином Харви Самуэлем застали при фотографировании очередного промышленного объекта. Во время разбирательства Липскомб,

«забыв» о дипломатических приличиях, бесцеремонно заявил, что его руководством ему вменено в обязанность «контролировать обстановку» на промышленных предприятиях Ленинграда. Неизвестно, что бы еще наговорил этот разудалый лазутчик, если бы более умудренный в дипломатических тонкостях британский коллега не одернул его...

В Вашингтоне имеют собственную точку зрения о нормах поведения в международных делах. Кое-кто там убежден в своем особом праве на вседозволенность. Такая уверенность характерна и для направляемых на работу в СССР военных дипломатов. Некоторые их действия при поездках в Ленинград — наглядное тому подтверждение.

В 1983 году частым «гостем» в Ленинграде был помощник военно-морского атташе США Джеймс Ферлей. Его похождения в Ленинграде, манипуляции с фото- и другой аппаратурой, маскируемой в плащах, куртках, других атрибутах одежды, могли бы дать богатый материал для профессиональных фокусников. Фотосъемка производилась как стрельба в голливудских боевиках: лежа, стоя, с колена, через заднее и боковые стекла автомашины, на ходу, с короткими остановками и на «полном скаку». С мостов, виадуков, а порой и через щели заводских заборов.

Ленинградцы и многочисленные гости города любят ездить в Петродворец. Не лишены этого желания и представители военно-морского атташе США, наезжающие в Ленинград. Но их привлекают не знаменитые парки, красота дворцов и фонтанов, а совсем другое: поездка на борту «Метеора» в Петродворец и обрат-

но, чтобы с борта можно было лучше обозревать и фотографировать ленинградские предприятия.

Но не только морские прогулки на «Метеоре» манят кое-кого из американских гостей; другое излюбленное занятие таких «туристов» — катание на ленинградском трамвае, но только по определенным маршрутам. Есть среди них настолько «популярные», что лица заезжих гостей уже примелькались ведомственной охране тех предприятий, мимо которых следуют трамваи.

Странное отношение к географии проявилось у Ферлея и тогда, когда ему доводилось ездить по Ленинградской области. Не раз этого господина и его коллег останавливали при попытках проникнуть в закрытые для посещения иностранцев районы. Однажды Ферлей и другой помощник военно-морского атташе — Вильям Генри — поставили своеобразный «рекорд», оказавшись по пути из Ленинграда в Москву почти в ста километрах в стороне от маршрута, которым положено следовать иностранцам.

Неужели же Ферлей и Генри, опытные профессионалы в своем деле, действительно «заблудились», как они пытались утверждать, когда были задержаны в окрестностях города Луги сотрудниками автоинспекции? Вовсе нет, их привлекло сюда стремление проникнуть в интересующий американскую разведку район.

Пусть у читателя не создается впечатление, что советская сторона безучастно относилась к подобного рода деятельности. Противоправные действия некоторых американских «туристов» от Пентагона — любителей фотографировать и

совать свой нос куда не положено — решительно пресекались. Только в 1983 году генеральному консулу США в Ленинграде трижды пришлось выслушивать устные заявления советских официальных представителей по этому поводу. Неоднократные предупреждения делались и посольству США в Москве. Кажется, пора бы заокеанским путешественникам стать попонятливее.

**И. Андреев
Р. Сергеев**

СПЕКУЛЯНТ С ДИПЛОМАТИЧЕСКИМ ПАСПОРТОМ

**Неприглядная история,
происшедшая с американским
дипломатом Брюсом Розенбергом**

В один из весенних вечеров 1984 года, обходя территорию стройки на юго-западе Москвы, сторож из внутриведомственной охраны увидел в сгустившихся сумерках группу людей, действия которых показались ему подозрительными. Они с лихорадочной поспешностью, пугливо озираясь по сторонам, перегружали из одной машины в другую какие-то пакеты и коробки. Когда же эти странные незнакомцы стали торопливо раскладывать на сиденье автомашины и пересчитывать пачки денег, подозрения сторожа переросли в уверенность: происходит какая-то темная история, в которую надо вмешаться. Прикинув свои силы и возможности, решил, что одному не справиться, и вызвал подмогу.

Подозрения сторожа оказались обоснованными. Нет, незнакомцы не посягали на строительные материалы, которые доверили охранять сторожу. Их не интересовали ни кирпич, ни цемент, ни дефицитная облицовочная плитка —

под покровом темноты, вдали от людских глаз совершалась спекулятивная «коммерческая» сделка.

В качестве продавца крупной партии иностранных товаров выступал второй секретарь экономического отдела посольства США в Москве Брюс Ли Розенберг. В качестве покупателя — советский гражданин Б. Этот спекулянт получил по заслугам в соответствии с советскими законами. А вот главного участника сделки — американского дипломата Розенберга — от наказания в Советском Союзе уберег только дипломатический паспорт.

Проданный советскому гражданину Б. «товар» — комплекты радио- и фотоаппаратуры, видеоманитофоны, часы — говорил о «масштабности» сделки. Общая сумма «выручки» должна была составить свыше 17 тысяч рублей. Дипломат все рассчитал до деталей — сколько он получит за фотоаппарат и сколько за часы, сколько за магнитофон, какую прибыль сулит ему продажа каждой вещи. Все было аккуратно расписано и скалькулировано в особом реестре, который господин Розенберг составил в порядке подготовки спекулятивной сделки, памятуя, очевидно, о своем амплуа экономического работника.

Но кое-что из переданного Розенбергом гражданину Б. в ходе состоявшейся встречи в реестр не вошло. Наряду с партией «коммерческого» товара Розенберг передал ему изрядное количество «товара» идеологического. На столе в опорном пункте милиции оказался целый ворох тенденциозно подобранных книг и журналов, призванных опорочить нашу страну, ее государственный и общественный строй, а также

множество экземпляров издающейся на деньги ЦРУ и других западных разведок антисоветской газетенки «Русская мысль».

Попавшийся с поличным американский дипломат неуклюже изворачивался. На территории стройки он оказался, видите ли, для того, чтобы почитать книгу! Нет, никакой спекулятивной сделки он не готовил и не собирался совершать, а вещи привез просто для того, чтобы показать их своему «другу». Представителям посольства, прибывшим в опорный пункт, чтобы вызвать незадачливого коллегу, при виде приунывшего второго секретаря и многочисленных улик его противоправных действий — «коммерческого» товара, пачек денег, обилия антисоветской подрывной литературы — оставалось только смущенно оправдываться...

Возможно, господину Розенбергу очень хотелось бы сыграть роль «героя», а кое-кому поддержать его в этом. Как же, ведь он помимо коммерции выполнял и другую миссию — пытался распространять антисоветские материалы в СССР. А за это, похоже, можно ведь и посмотреть сквозь пальцы на спекулятивно-коммерческие занятия дипломата. Но это, как говорится, уже другой разговор.

Так кто же этот господин: дипломат или делец-спекулянт, а в придачу еще и идеологический диверсант, беззастенчиво использовавший на территории нашей страны предоставленные ему дипломатические привилегии для совершения грязных дел? Ответ ясен.

Остается только добавить, что Розенберг после решительного демарша советских властей посольству США вынужден был убраться из нашей страны. Не знаем, большая ли это поте-

ря для посольства США и, в частности, для его экономического отдела, ставшего в последние годы притчей во языцех в связи с рядом скандальных шпионских дел. В них весьма и весьма «отличились» сотрудники этого отдела, а в действительности шпионы из ЦРУ — Питер Богатыр, Джозеф Макдональд, Питер Сэмлер, Ричард Осборн. В одном есть полная уверенность: отъезд из Москвы сотрудника этого отдела, а по совместительству спекулянта и распространителя антисоветских пасквилей Б. Розенберга не сопровождался добрыми напутствиями со стороны советских людей, гостеприимством которых он и ему подобные так бесцеремонно злоупотребляли.

Содержание

Г. Боровик. Слово к читателям	3
-------------------------------	---

ПОД ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ «КРЫШЕЙ»

В. Евгеньев. С поличным	31
Г. Березко. Поединок в темноте	43
Д. Моряев, К. Ярилов. ЦРУ: шпионы и «права человека»	57
Ю. Семенов. «Кому на пользу?»	74
М. Стурua. Два лица г-жи Петерсон	83
В. Большаков. По поводу одной шумихи	90
М. Степичев. История, почти детективная, с Борисом Н.	96
Л. Колосов. Влюбленный Тигр	107
Л. Сергеев. Ловушка	128
М. Степичев. «Гость» посольства	144
Л. Колосов, Б. Ларин. «Ваня» из Лэнгли	151
М. Солдатенко. Под дипломатической «крышей»	160
М. Степичев. Торговцы душами	182
Ю. Дмитриев. Битая карта	192
В. Чирков. Конец «Рольфа Даниэла»	202
В. Кротов, Р. Сергеев. Шпионский маскарад	226
В. Владимиров. Встреча осенью не состоится	231

ОХОТНИКИ ЗА ЧУЖИМИ СЕКРЕТАМИ

В. Кассис, Б. Крымов. Охотники за чужими секретами	239
Н. Волков, Б. Федоров. Любопытство не порок?	246

П. Демидов. Маска	250
В. Снегов. Провал операции «Сосновый пенек»	289
В. Бурмин. За кулисами «Кобра Эйс»	295
М. Степичев. Человек с «двойным дном»	305
В. Мартынов. Фотографы от Пентагона	318
И. Андреев, Р. Сергеев. Спекулянт с дипломатическим паспортом	323

«ТИХИЕ» АМЕРИКАНЦЫ

Заведующий редакцией В. Я. Грибенко

Редактор А. А. Агафонов

Младшие редакторы Н. М. Жилина, Л. В. Масленникова

Художник Е. А. Крылов

Художественный редактор П. В. Меркулов

Технический редактор Г. М. Короткова

ИБ № 7358

Сдано в набор 10.12.86. Подписано в печать 11.03.87. А00045.
Формат 70×90¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура
«Обыкновенная новая». Печать высокая. Усл. печ. л. 12,58.
Усл. кр.-отт. 13,75. Уч.-изд. л. 12,90. Тираж 150 тыс. экз.
Заказ 10551. Цена 55 коп.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Трудового Красного Знамени типография
издательства «Звезда». 614600, г. Пермь, ГСП-131,
ул. Дружбы, 34.

Scan, DJVU: Tiger, 2014

55 коп.

